

М)1-ФР
Р13
Л12

За помощь в осуществлении издания данной книги
издательство «Евразия» благодарит

*Кипрушкина
Вадима Альбертовича*

Научный редактор
к. и. н. *Шишкин В. В.*

Робер Фавтье

Капетинги и Франция. Перевод с французского к. и.
н. Цыбулько Г. Ф. — «Евразия», — СПб., 2001. — 320 с.

ISBN 5-8071-0071-9

Книга одного из крупнейших французских историков-медиевистов, профессора Парижского университета Робера Фавтье (1885–1966) посвящена истории феодальной Франции периода классического, зрелого средневековья — истории, представленной с точки зрения основных событий и действий, инициированных представителями третьей королевской династии Франции — Капетингами, потомками Гуго Капета.

8 3 4 0 7 4

ЦГПБ им. Н.А. Некрасова

Отдел абонементного обслуживания

Сектор _____

ISBN 5-8071-0071-9

- © Цыбулько Г. Ф. перевод, 2000.
- © Лосев П. П., оформление, 2001.
- © Издательство «Евразия», 2001.
- © Шишкин В. В., приложения, 2000.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Книга одного из крупнейших французских историков-медиевистов, профессора Парижского университета Робера Фавтье (1885—1966) посвящена истории феодальной Франции периода классического, зрелого средневековья — истории, представленной с точки зрения основных событий и действий, инициированных представителями третьей королевской династии Франции — Капетингами, потомками Гуго Капета.

Перед нами — великолепный образец синтеза социально-политической истории, книга, вобравшая в себя все основные достижения и выводы французских и зарубежных историков средних веков XIX — первой половины XX вв., по признанию самого Р. Фавтье, «лишь подытожившего результаты их работы».

Автору удалось создать впечатляющую картину длительного и многотрудного процесса централизации французского королевства, осуществленного Капетингами, со всей полнотой раскрыть способы и логику поступков королей этой династии в борьбе с их великими и малыми феодальными вассалами, осветить подробно сложные и конфликтные взаимоотношения короны с французской церковью и папством, а также с городскими коммунами. Особенное внимание Р. Фавтье уделит проблеме становления капетингской администрации, развитию дворцовых служб, институтов доменального и государственного управления, органов судебной власти, вопросу о персональном составе чиновников, не без основания отметив взаимосвязь и преемственность современных государственных служащих Франции с их средневековыми предшественниками.

Наконец, сюжеты политической истории представлены взаимосвязанными с социальным и интеллектуальным развитием страны, без которого Капетинги не смогли бы добиться таких успехов в деле укрепления королевской власти.

Вместе с тем книга, написанная легко и доступно, несомненно, рассчитана на широкую аудиторию, поскольку сам автор хотел

бы, чтобы его «читали без скуки и непосвященные». Это ему удалось в полной мере. Р. Фавтье ставил целью не написание истории Франции или истории королей дома Капетингов, а создание живого полотна эволюции французского феодального общества, где главные герои — монархи Франции, вступающие в цепь бесконечных взаимоотношений и неотделимые от «тела» королевства Франция, от своих советников, светских вассалов, церковников, университетских интеллектуалов, горожан и сельского населения, терпеливо занимающиеся своим королевским ремеслом.

А. Д. Люблинская, и по сей день непререкаемый отечественный авторитет в области французской средневековой истории, современница и коллега Р. Фавтье, с которым она неоднократно встречалась, в том числе в Ленинграде в 1956 г., писала о его сочинениях, что они «создают картину закономерного развития социальных явлений и политических событий в их тесной взаимосвязи», весьма сожалея, что работы Р. Фавтье не переведены на русский язык. К этому нечего добавить, разве что обратить внимание читателя на то, что настоящая книга была написана и издана в тяжелые годы фашистской оккупации Франции и автор проявил изрядное мужество, наполнив патриотическими мотивами ее содержание.

В. В. Шишкин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Занятому в течение многих лет изучением времени Филиппа Красивого, мне пришлось, дабы расположить по порядку деяния этой эпохи и разобраться в документах, рассказывающих нам о ней, делать многочисленные отступления, восходя порой к самим истокам капетингской династии и отдавая себе отчет об ее действиях. Этот труд, возможно, никогда бы не обрел форму, если бы не нынешняя война¹.

Вынужденный неожиданно заместить мобилизованного коллегу, я, естественно, выбрал в качестве предмета преподавания наиболее близкий мне период. Я рассчитывал посвятить ему два года.

Поскольку я находил некоторое удовольствие в классификации, апробировании и изложении своих идей, а многие из моих слушателей заинтересовались, как показалось, этими уроками, после событий июня 1940 г. я решил, что должен продолжить начатую работу². Меня к этому побуждали и новые соображения.

В час, когда Франция казалась близкой к смерти, мне представилось благотворным посмотреть, как она родилась и как действовали те, кто направлял ее первые шаги. Живительный труд! Чем больше я привязывался к нему, тем больше я проникался надеждой. Конструкция, фундамент которой был так тщательно, так разумно установлен, не может познать полного разрушения. Таковы античные памятники, над которыми высятся новые строения. Кроме того, работая над этой историей, я надеялся, что, читая меня, возможно, люди испытают то же, что испытывал я. И, если они будут черпать в ней ту же уверенность

¹ Вторая мировая, в которую Франция вступила в сентябре 1939 г. (Прим. ред.)

² В июне 1940 г. Франция заключила перемирие с фашистской Германией. (Прим. ред.)

в судьбах нашей страны, мне не жаль своего труда. И даже если бы эта книга не нашла читателей, которых заслуживает, по крайней мере, моего бесстрашного издателя, она была для меня в течение двух лет верным товарищем, поддерживающим в испытаниях, добрым самаритянином, который напоит, когда душа возжаждет надежды.

Я вовсе не хотел писать историю Франции с 987 по 1328 гг., еще меньше историю Европы. Я лишь попытался определить в ней, какие действия государей первой капетингской династии были предприняты для созидания нашей родины, в какой мере эти действия способствовали созданию Франции.

Я написал эту книгу не только с любовью, но и со спокойствием. Я совершенно не занимался вопросами внешней политики. Я не боялся, что мой патриотизм повлияет на мою манеру изложения фактов. Речь идет о временах очень отдаленных, чтобы мешали предубеждения, которыми можно преисполниться бессознательно, когда занимаешься более близким к нам периодом.

И я написал ее с бесконечной признательностью историкам, среди которых были и есть мои учителя или друзья и которые с восхитительной сознательностью и неизменной заботой о совершенстве своего труда, часто неизвестного широкой публике, медленно высвобождали историческую правду. Все хорошее, что можно найти в этой книге, идет от них. Я лишь подытожил результаты их работ.

Я не захотел обременять свой труд, приумножая замечания и ссылки. Я не хотел написать книгу для эрудитов. Я признаюсь, что хотел, чтобы меня читали без скуки и непосвященные. Должен, однако, сказать, что не собираюсь высказывать мнение бездоказательно или, по крайней мере, без того, что мне представляется достаточными доказательствами. Впрочем, в первой главе я дал необходимые библиографические указания. Те, кто захочет проверить сказанное мной, смогут найти в них необходимые элементы для своих изысканий.

Я лучше, чем кто-либо, знаю недостатки этой работы. Работа такого рода не может быть окончательной. Она дает только общий взгляд, основанный на предшествующих трудах, а также на личных исследованиях. Ибо в природе общий взгляд меняется в соответствии с высотой солнца. То же самое происходит в истории в связи с состоянием достижений частных изысканий.

Но, если бы эта книга смогла привлечь внимание историков молодого поколения к периоду, где остается еще столько сделать, если бы она заставила размышлять неспециалистов над историческим вопросом, как создавалась наша родина, она бы достигла своей цели.

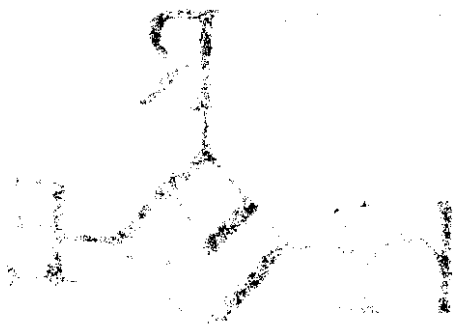
Париж, июль 1941 г.

ГЛАВА I

КАК
МЫ ПОЗНАЕМ
ЭТУ ИСТОРИЮ

R
H E
G

Речь идет не о том, чтобы дать здесь обзор — даже краткий — источников, которыми может воспользоваться историк первой капетингской династии. Работа — устаревшая, но все еще необходимая — Огюста Молинье¹ дает нам критическое их перечисление, к которой читатель может всегда обратиться, если пожелает, при личном соприкосновении с документами углубить тот или иной вопрос, поднимаемый этой историей. В вводной статье можно было бы подчеркнуть только то, насколько наши знания этого периода фрагментарны и слишком часто недостаточны. Хотелось бы также подать читателю мысль, что дают нам тексты, пережившие свое время.

История на народном языке появилась во Франции, возможно, последней среди литературных жанров. В течение всего рассматриваемого здесь периода события излагались в основном на латыни. Отсюда следует, что церковники почти единственные, кто брался за перо, чтобы оставить потомству воспоминания о том, что они видели, читали или слышали. Отсюда следует, что все прошлое представляется нам разворачивающимся в церковной атмосфере; что суверены в ней часто принимают облик коронованных монахов, занятых единственно службой церкви или ссорящихся с ней; что особенно записывались

---

¹ A. Molinier. Les sources de l'Histoire de France depuis les origines jusqu'en 1789. Ire Partie: Des origines aux guerres d'Italie (1494), fasc. 2 et 3. Paris, 1902 et 1903.

события, интересующие церковь или просто излагаемые с ее точки зрения. Классический пример Эльго, монаха аббатства Флери-сюр-Луар, великолепно демонстрирует наше предположение. Современник короля Роберта, который, говорит он, обращался с ним как с сыном, Эльго составил биографию этого суверена, *Epitome vitae regis Roberti*¹, провозгласив, что желает говорить только о добродетелях частного лица и оставить в стороне общественную деятельность своего героя. Эта крайняя точка зрения дает себя почувствовать в произведениях, которые считаются, однако, более содержательными источниками. Она представлена, например, в «Жизни Людовика Толстого», написанной аббатом Сен-Дени Сугерием. Оттуда мы узнаем, что почти все поступки этого короля, по крайней мере те, что сообщает его биограф, мотивировались помощью или защитой аббатства Сен-Дени или прочими установлениями того же рода. В следующем XIII в. здесь совершенно ничего не изменится, но в эту эпоху возрастающее обилие архивных документов сделает менее необходимым прибегание к помощи хронистов.

Ибо почти единственно к ним надо обращаться, чтобы узнать о первых столетиях капетингской династии. Каковы же в эту эпоху люди, которые берутся писать историю? Это — монахи, живущие в своих монастырях и редко выходящие из них, горизонт которых ограничен практически пределами владений их аббатства. Так что они не могут писать иное чем местные анналы или описывать события, происходящие в непосредственном соседстве от хрониста; последние, естественно, занимают главное место, и король Франции будет в них появляться редко, за исключением, когда монастырь прямо зависит от него или расположен в маленьком капетингском домене; поэтому центральной фигурой здесь, лицом, наиболее часто упоминаемым, будет представитель местной династии, граф, часто даже мелкий соседний сеньор, тот, деяния и поступки которого интересуют непосредственно каждодневную жизнь монастыря.

¹ «Краткое изложение жизни короля Роберта» (лат.).

Не следует требовать от этих анналистов взглядов или исследований по общей истории королевства. Нельзя даже быть уверенным, что они представляли себе душевное состояние своих заурядных современников. Надо думать, что некоторые члены благородного класса, а также купцы смотрели на мир более широко и имели более общее представление о событиях. К несчастью, эти взгляды и представления не были записаны.

Так история Капетингов становится мозаикой из сведений, заимствованных из местных монастырских анналов, сведений, которыми современный историк пользуется или нет по своему усмотрению и которые он часто не в состоянии проверить, а посему ему приходится оставлять белый лист.

Например, мы находим в истории Людовика VI Сугерия рассказ о сражениях на востоке между войсками короля Франции и короля Англии, сражений, окончившихся, естественно, победой французов. Но в то же время нормандские хронисты, рассказывая о тех же сражениях, приписывают победу своему герцогу, королю английскому. Это неважно, если у нас есть другие сведения, позволяющие отделить этих авторов от официальных сообщений. Не противоречат ли сами себе эти свидетельства? Но для неизвестного периода у нас — лишь свидетельства этих хронистов. Так что почти невозможно узнать, кто одолел короля или его великого нормандского вассала. Все, что можно сказать, так это то, что они сражались друг против друга. Но не всегда с большой уверенностью.

Ибо история этих первых веков капетингской династии представляется в хрониках лишь как длинная вереница сражений или приблизительно так. Добрых монахов, составляющих свои мемории, кажется, особенно интересовали военные операции. Следует ли полагать, что Франция в эту эпоху — только широкое поле битвы? Позволительно в этом усомниться. В течение всего этого времени Франция жила, трудилась, думала, но хроники об этом почти ничего не говорят. Их авторы видят лишь сражающихся между собой, осаждающих замки рыцарей, и все без сколько-нибудь определенного повода.

С началом XIII в. происходят изменения. Король начинает быть действительно королем Франции, и историография отражает это изменение. Теперь мы имеем путеводную нить, чтобы провести нас через события, показать их возможно не так, как их видели современники, а так, как хотел, чтобы мы их видели, покровитель аббатства Сен-Дени французский король; это — Большие Французские хроники Сен-Дени.

История того, что называют *Большими Французскими хрониками Сен-Дени*¹, еще содержит много неясного. Несомненно, что французская редакция, выполненная в 1274 г. монахом Приматом по приказу короля Филиппа Смелого и оригинальный экземпляр которой и в наши дни можно видеть в библиотеке Святой Женеьевы в Париже, не представляет собой произведение, составленное исключительно в конце этого XIII столетия; в действительности она — перевод работы, предпринятой задолго до этой даты и продолжаемой в королевском аббатстве в течение всего XIII в. Но следует ли принимать традицию, заложенную аббатом Сугерием, современником Людовика VI, основателем официальной истории династии? Это вполне допустимо, начиная с правления Филиппа-Августа и начала этого труда, даже если для восстановления его истоков использовались более древние элементы; и мы, несомненно, приблизимся к правде.

Что вызывает интерес в этих анналах, так это то, что личность короля Франции выходит в них на передний план, а его действия переданы достаточно детально; что это больше не только история аббатства или феодального княжества, в котором королевство появляется лишь между прочим; что действительно впервые пишется история всего королевства.

Однако же эта история — еще творение клириков, преданность которых короне бесспорна, и которое, как и клирики, озабочено представлением суверена в самом благоприятном свете, правда, не забывая о личной точке

¹ Grandes chroniques de France. Éd. par J. Viard. Paris, 1920-1937. 9 vol.

зрения религиозного порядка, но достаточно легко оборачиваясь агиографией.

Однако рядом с этой официальной историей начинают появляться другие произведения более личного характера, сочинения еще неуклюжие, но в которых с полнотой представлены королевские действия. Таковы «Деяния Филиппа Августа» («*Gesta Philippi Augusti*») монаха Сен-Дени Ригора, такова «Филиппида» (*Philippide*), большая поэма в латинских стихах каноника Санлиса Гийома Бретонца. Все эти произведения, какими интересными они бы ни были, имеют, однако, общий недостаток. Их авторы, все те же клирики, не принадлежат к благородному классу, единственному, который смотрит на суверена как на равного. Они пишут всегда в манере панегирика, и если иногда отваживаются на критику, то последняя остается слишком уважительной, чтобы правдиво осветить характер и личность суверена, о деяниях и поступках которого они рассказывают.

Людовик Святой — первый из Капетингов, жизнь которого была описана человеком, знавшим его не только сувереном, но и другом. Поэтому из всей исторической литературы, посвященной Капетингам их современниками, труд сенешала Шампани Жана де Жуанвиля остается и в наши дни привлекательным чтением.

По правде говоря (и теперь мы это знаем), Жуанвиль первоначально не собирался описывать жизнь Людовика Святого. Шампанский барон, зависящий от графа Шампанского, а не от короля, сенешал Шампани, отбыл на свои средства в крестовый поход 1248 г.

На Кипре он перешел на службу к французскому королю и в течение крестового похода получил от этого государя «денежный фьеф», или, как мы говорим сейчас, пенсией, сделавший из него вассала короля, не переставая быть вассалом графа Шампанского. Возвратившись во Францию в 1254 г., он с тех пор делил свое время между доменом и двором суверена, которому он стал другом, приближенным, но Жуанвиля, однако, не допускали к управлению королевством. В 1272 г., два года спустя после смерти своего царственного друга, сир де Жуанвиль написал рассказ о своих собственных приключениях на Востоке с 1248

по 1254 год, правда, подле Людовика Святого, но с единственной целью — показать сира де Жуанвиля в крестовом походе.

Позднее его сюзерен, графиня Жанна Наваррская, ставшая королевой Франции по браку с внуком Людовика Святого королем Филиппом Красивым, уговорила Жуанвиля приняться за написание воспоминаний, сохраненных им о своем царственном друге, о котором он так охотно рассказывал. Добрый сенешал принялся за работу и только в 1309 г., четыре года спустя после смерти королевы, *«Житие Людовика Святого»* было преподнесено сыну Жанны Наваррской, принцу Людовику, будущему Людовику X Сварливому.

Чтобы написать это произведение, Жуанвиль использовал свои мемуары. Он предпослал им некое число коротких рассказов и широко заимствовал сведения из французской редакции хроник Сен-Дени Примата. Он присоединил к ним некоторые воспоминания о крестовом походе 1270 г., в котором отказался участвовать, сведения об опросах при канонизации святого короля, где он фигурировал как свидетель, наконец, рассказ о церемонии этой канонизации.

Собственно говоря, Жуанвиль дает нам не историю правления Людовика Святого. Это, прежде всего, портрет этого суверена, но портрет идеализированный. Если мы хотим уяснить различия между этим светским произведением и такими же трудами, написанными клириками, следует сравнить книгу сенешала Шампанского с книгами других биографов короля — Жоффруа де Болье, Гийома Шартрского, Гийома де Сен-Патю. С одной стороны, прекрасная фреска, немного во флорентийской манере, с другой — религиозная картинка.

Отсюда следует, что Людовик Святой является единственным Капетингом, которого мы действительно хорошо знаем. Жуанвиль, часто его посещавший и восхищавшийся, тем не менее не позволил своему восхищению себя ослепить. Он видел добродетели своего героя; он не имел намерения им подражать, ибо его здравомыслие заставляло его почувствовать и отметить последствия, порой пагубные. Но портрет, нарисованный им, настолько восхитительно живой, что, скорее, это портрет человека, нежели суверена.

Король и сенешал очень часто болтали вместе, но вряд ли их разговоры были на тему управления; и современный историк, счастливый обрести в засушливой пустыне капетингской историографии свежий оазис книги Жуанвиля, не должен обольщаться миражем и полагать, как очень часто случается, что Жуанвиль знал все мысли короля. О последних надо было бы спросить у Матье Вандомского. К несчастью, этот верный советник до конца сохранил молчание, которое королевские советники полагали целесообразным в интересах Совета.

Сыну Людовика Святого, его внукам и трем правнукам не посчастливилось иметь своего Жуанвиля, так что их образ хранит некую тайну, но история их времени тем не менее берет кое-что из их жизни при чтении хроник.

Что появляется к концу XII в. у хронистов различного достоинства, так это то, что их личность начинает проявляться в их трудах. Некоторые из наиболее живых пишут французскими стихами, часто бесцветными, но слова которых, воспринимаемые прямо, без перевода, вызывают непосредственно в уме видение изображенных сцен. Трое из них, впрочем, талантливые писатели. Автор «Жизни Гийома Марешаля»¹ («*Vie de Guillaume le Maréchal*»), продолжая излагать нам подвиги своего героя, одного из главных лиц в окружении Генриха II и его сыновей, дает нам ряд ценных сведений и некоторые волнующие картины борьбы Капетингов и их великого англо-анжуйского вассала с 1186 по 1219 гг. Рыцарь из Орлеана Гийом Гиар заканчивает в 1307 г. свою «Ветвь королевских родов» («*Branche des royaux lignages*»), историю Франции с Филиппа-Августа, в которой более 8 тыс. стихов (из 21 тыс., составляющих книгу) посвящены современному автору периоду и заставляют нас пережить, особенно в связи с фландрской кампанией 1304 г., сцены, разворачивавшиеся перед его глазами. Наконец, клирик из королевской канцелярии Жоффруа де Нес донес до нас в своих отрывистых стихах эхо того, о чем говорилось и думалось в Париже во времена короля Филиппа Красивого.

¹ Автором считается трувер по имени Жан, написавший свою книгу между 1220 и 1226 гг. (Прим. ред.).

Кроме того, Франция тогда была политическим центром Европы. Каждый уважающий себя хронист должен предоставить сведения о происходящем там. И это также позволяет нам увидеть, как в XIII веке и в начале следующего столетия представляла капетингская политика глазам англичан, арагонцев, итальянцев или фламандцев.

Тем не менее хроники, какими многочисленными они ни были, всегда дают нам недостаточные сведения. Они, в эпоху, которая нас занимает — только произведение людей, чуждых управлению. Их авторы чаще всего знают только то, что им кто-то рассказывает об общественных делах. Они почти всегда пребывают в состоянии наших современных журналистов, которым говорят только то, что хотят и у которых ложные новости — более частое явление, нежели правдивые. Они также плохо информированы. Средневековые рассматривало управление обществом как секрет. Впрочем, что-то в этом роде существует еще под титулом наших государственных секретарь-министров, ведущих происхождение от этих секретных клерков, которые единственные знали, как обстояли дела. Ибо секреты королевских советников хранились под клятвой, приносимой теми, кто имел к этим секретам доступ, и это во времена, когда тайна составляла реальную ценность.

Мы не думаем, что перегибаем палку, говоря, будто историк, опирающийся на одни хроники, чтобы написать свой рассказ, оказался бы почти что в положении человека, знание о политических делах которого опиралось бы на единственный источник для чтения — ежедневную газету пятидесятилетней давности.

К счастью, историк располагает другим источником информации, тем, что называют архивными документами, королевскими актами, административной перепиской, опросами, счетами и т. д. Посредством их возможно узнать секреты Совета. Только при одном условии: чтобы документы сохранились.

К сожалению, Капетинги ждали два века, чтобы решиться хранить свои архивы в установленном месте. У них долго была дурная привычка возить их с собой; и это в эпоху, когда король мало оставался на одном и том же месте. Такой образ действий, по-видимому, привел их к

убеждению сохранять минимум документов, и обычай делать копии, регистрировать акты, передаваемые канцелярией, пришел к ним много позднее. Так что, когда 3 июля 1194 г. король Филипп-Август был застигнут в лесу Фретваль, в Вандомуа, своим противником, королем Ричардом Львиное Сердце, он проиграл битву, потеряв одновременно казну и архивы: «И не уберегли монеты от хищника, которыми туго наполнены были бочонки, и не удержали, когда защищали оружием, ни податные списки, ни денежные расписки, и полагают, что также со всем остальным захватили печать короля».

Так выражается Гийом Бретонец в своей «Филиппиде». Роджер Хауден, современный ему английский хронист, подтверждает эти сведения¹.

Французский король попытался исправить катастрофу, но его усилия, естественно, были направлены на то, что назвали бы в наши дни новым изданием королевских архивов, современных документов, необходимых для защиты королевских прав. Для периода, предшествующего правлению Филиппа-Августа, королевские архивы исчезли почти полностью, если только они в самом деле были значительными.

Но королевские архивы, если бы они случайно и сохранили черновики или копии зарегистрированных королевских актов, не сохранили бы оригинальных документов. Королевские грамоты, скрепленные большой печатью, передавались тем, для кого они предназначались канцелярией. Именно в архивах представителей этих семей следует искать их, если они сохранились.

Ибо светские сеньоры, городские коммуны, впрочем, родившиеся позднее, еще больше, чем само королевство, пренебрегают своими архивами в течение двух первых веков капетингской монархии. Единственным классом, рано понявшим, какой интерес представляет сохранение актов

¹ Мы обнаружили тексты, касающиеся этой истории, у А. Тэле в предисловии к кн.: Éd. A. Teulet. *Layettes du Trésor des Chartes*. Vol. 1. Paris, 1863. p. XXV. Об истории архивов французской короны см. заметку Делаборда (H. F. Delaborde) в начале тома 5 этой же публикации (Paris, 1909).

из королевской канцелярии, было духовенство. Монастыри, церкви берегут свои документы; они или сохраняли оригиналы, или в своих картуляриях хранили копии.

Результат этой мудрой политики оказался для истории одновременно и счастливым, и опасным. В самом деле, счастье, что эти документы уцелели среди человеческих жертв и потрясений времени. Так как акты, интересующие церковь, почти единственные, которые дошли до нас, история Капетингов в XI и XII вв. проявляется как длинный перечень даров, сделанных королями церквям и монастырям своего королевства, что также усиливает впечатление, оставшееся от чтения хроник.

Впрочем, не надо себе представлять, что бережно сохраняемые королевские акты очень многочисленны. Акты всех этих суверенов, включая Людовика VIII, за исключением одного Гуго Капета, дипломатический багаж которого самый незначительный¹, были каталогизированы плеядой уважаемых эрудитов, не только издавших и собравших уже изданные тексты этих актов, но еще и разыскавших с замечательным терпением упоминания об исчезнувших актах.

Так что, если бросить взгляд на число лет, в течение которых правили суверены, акты которых были таким образом собраны, и количество этих актов или упоминаний о них, мы приходим к следующему результату:

Роберт Благочестивый; 34 года, 8 месяцев и 25 дней; 108 актов или упоминаний о них²;

Генрих I; 29 лет и 14 дней; 125 актов или упоминаний о них³;

Филипп I; 48 лет минус 3 месяца; 171 акт или их упоминания⁴;

¹ Всего 12 аутентичных дипломов за десятилетнее царствование: F. Lot. *Études sur le règne de Hugues Capet*. Paris. 1903. p. 235 (Bibl. de l'École des Hautes Études, Sc. Hist. et Phil., fasc. 147).

² W. M. Newman. *Catalogue des actes de Robert II, roi de France*. Paris. 1937. (Thèse Strasbourg).

³ F. Sæhneé. *Catalogue des actes d'Henri Ier*. Paris, 1907. (Bibl. École des Hautes Études, Sc. Hist. et Phil., fasc. 161).

⁴ M. Prou. *Recueil des actes de Philippe Ier*. Paris, 1908. (Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, Chartes et Diplômes relatifs à l'histoire de France).

Людювик VI; 39 лет минус 2 дня; 359 актов или их упоминаний¹;

Людювик VII; 43 года, 1 месяц, 7 дней; 798 актов или их упоминаний²;

Филипп-Август; 42 года, 8 месяцев, 25 дней; 2500 актов или их упоминаний³;

Людювик VIII; 3 года, 3 месяца, 24 дня; 463 акта или их упоминаний⁴.

Несомненно, кривая подымается с правления Людювика VI, но легко согласиться, что если клирики канцелярии действительно составили лишь те акты, текст которых до нас дошел или упоминание о которых сделано в других сохранившихся документах, то их труд был сладкой синекурой.

Ибо по активности, развернутой их преемниками со времени Людювика Святого, можно увериться, что это ничто. Всякая администрация по существу — и добавим, по необходимости — великая пожирательница бумаги. Средневековые администрации действовали так же, как и современные. Со времени правления Людювика Святого документов, исходящих из королевской администрации, насчитываются тысячи. При преемниках Святого короля следует говорить о 12 тысячах. До такой степени, что самым пламенным эрудитам, вплоть до настоящего време-

¹ Каталог актов Людювика VI стало возможным восстановить после их обработки А. Люшером: A. Luchaire. Louis VI le Gros. Annales de sa vie et de son règne (1081-1137). Paris, 1890.

² Собрание актов явно неполное, но, соглашаясь с рядом исследователей, что А. Люшер выпустил из внимания приблизительно четверть сохранившихся документов, это обстоятельство никак не влияет на приводимые нами сведения: A. Luchaire. Etudes sur les actes de Louis VII. Paris, 1885.

³ L. Delisle. Catalogue des actes de Philippe Auguste. Paris, 1856. Наиболее полная публикация актов этого монарха, осуществленная Берже (E. Berger) и Делабордом (H.-F. Delaborde) в 1916 г., была продолжена под редакцией Пти-Дютайи (Petit-Dutaillis). Число актов, указанных нами, взято из этого источника: Recueil des actes de Philippe Auguste, roi de France. Publ. par H. F. Delaborde, sous la dir. d'E. Berger. (Chartes et Diplômes de l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres.) Vol. I. Paris, 1916.

⁴ Ch. Petit-Dutaillis. Étude sur la vie et le règne de Louis VIII. Paris, 1894. (Bibl. de l'Éc. des Hautes Études, Sc. Hist. et Phil., fasc. 101). p. 449-510.

ни, пришлось отступить перед ошеломляющей работой по каталогизации всех этих актов, всех этих деловых бумаг¹.

Впрочем, этой массой не следует обольщаться. Мы далеки, очень далеки от того, чтобы сохранить все написанное. На деле то, что мы сохранили, ничтожно по сравнению с тем, что потеряли. Некоторые регистры-формуляры королевской администрации начала XIV в. поражают нас активностью, открывающейся у людей короля². И это изумление перерастает в восхищение, когда мы представляем себе материальные условия, в которых были составлены все документы; когда представляем редактора или средневекового отправителя, сидящего на неудобном табурете перед пюпитром, пишущим птичьим пером на пергаменте, малейшее касание которого могло оставить кляксу, в маленькой, плохо проветриваемой комнате, а зимой еще и плохо отапливаемой, с такими узкими окнами, что в самый полдень посреди летнего дня там надо было работать при свете, и при свете смолистой свечи, дым от которой быстро наполнял комнату, одновременно проникая в глаза и легкие.

Ибо отбор, позволивший сохраниться некоторым документам и уничтожить кое-какие другие, случаен. События нам известны, потому что королевский служащий, чтобы работать с большими удобствами, уносил к себе досье, которые после его смерти возвращались в королевские архивы и были слишком обширны, чтобы их сортировать, и поэтому в беспорядке сваливались в угол или на шкаф.

¹ Мы предприняли при поддержке Национального центра научных исследований попытку создания каталога актов Филиппа Красивого. Подвергнуто обработке уже более 7 тысяч актов и документов, исходящих от королевской администрации или полученных ею. По самым скромным оценкам речь пойдет приблизительно о 50 тысячах документах царствования Филиппа Красивого. (Работа Р. Фавтье была закончена им и его учениками только в 50-е гг., см.: *Registres du trésor des chartes. Inventaire analytique établi sous la direction de R. Fawtier. Vol. I. Règne de Philippe le Bel. Paris, 1959. (Прим. ред.)*

² Речь идет о регистрах одного амьенского чиновника, которые сейчас хранятся в Национальной библиотеке Франции (M. S. Français 4763). Рукопись обнаружил и описал Ш.-В. Ланглуа: *Ch.-V. Langlois. Formulaires de lettres du XIIe, du XIIIe et du XIVe siècles // Notices Extraits. Vol. XXXIV. Ire Partie. 1891.*

Другие обязаны своим сохранением непорядочности эрудита или коллекционера XVII—XVIII вв., выпрашивающего досье или вырывающего страницы до одного из тех периодических пожаров, которые приходили, чтобы облегчить — если можно так сказать — труд историков.

Это обилие, даже изобилие документов, исходящих от королевской власти, происходит в тот же самый момент, когда множатся хроники, а также во времена, когда начинают появляться во все возрастающем количестве другие документы частного происхождения, необходимые, чтобы иметь реальное представление об окружении и обстоятельствах, при которых работали капетингские суверены.

Эти документы появлялись, правда, спорадически, с самого начала их истории. В качестве только одного примера приведем частную переписку Герберта, будущего папы Сильвестра II, тогда секретаря Адальберона, архиепископа Реймсского, которому Гуго Капет частично обязан своей короной, переписку, являющуюся для правления этого государя первостепенным источником. Можно привести также письма епископов Шартрских — Фульберта для правления Роберта Благочестивого, и Ива — для правления Филиппа I и Людовика VI, равно как и переписку аббата Сугерия для правления Людовика VI и Людовика VII.

Но сами эти документы не всегда сохранялись ввиду их исторического значения. Переписка, о которой мы только что говорили, была собрана и издана из соображений литературного порядка. В этих письмах, составляющих ее, увидели модели стиля, дающего целиком эстетический пример и критерий, которые и решали вопрос, сохранить или отбросить то или иное письмо. Когда мы доходим до документов целиком литературных, доля случайности становится еще больше. Ш.-В. Ланглуа очень справедливо и не без грусти замечал, что лучшие романы XIII в. нам знакомы чаще всего по единственному манускрипту¹. Сколько произведений исчезло, не оставив следов? И с ними

¹ Ch.-V. Langlois. *La vie en France au Moyen Age... d'après des romans mondains du temps*. Paris. 1924. p. XXVII—XXVIII.

сколько документов, возможно, самых ценных для нашего познания прошлого, которое нас интересует?

Больше не продолжая, можно, наконец, заявить, что наша документация в том, что касается прямых Капетингов с 987 по 1328 гг., очень неполная и такой пребудет всегда; что крайняя нехватка для первых двух столетий этой истории не должна порождать иллюзию об обилии тех же источников для XIII и начала XIV вв.; что мы никогда не узнаем, опровергает ли утерянный документ выводы, сделанные, впрочем, на законных основаниях по другим сохранившимся документам, так как лишь слепой случай с помощью человеческой небрежности или глупости подготовили материал, по которому пишется история.

Состояние этой документации значительно влияет на сам исторический труд. Для малоизвестных периодов, как мы видели, акты суверенов немногочисленны, а потому тщательно собраны, каталогизированы, подвергнуты критике. Эти исследования служили базой для в целом уважаемых, а часто превосходных работ о капетингских суверенах XI–XII вв.¹ Однако двое из них еще не были предметом монографий. Первый Генрих² и Людовик VII³ еще ждут своего историка. Для XIII и начала XIV вв. положение много менее блестящее. Сами краткие правления Людовика VIII (40 месяцев)⁴, Филиппа III Смелого

¹ F. Lot. *Les derniers Carolingiens*. Paris, 1891. (Bibl. de l'Éc. des Hautes Etudes, Sc. Hist. et Phil., fasc. 87). p. 201–301; *Études sur le règne de Hugues Capet et la fin du Xe siècle*. Paris, 1903. (fasc. 147); Chr. Pfister. *Le règne de Philippe Ier, roi de France*. Paris, 1912. (fasc. 64); A. Fliche. *Le règne de Philippe Ier, roi de France*. Paris, 1912. (Thèse Paris); A. Luchaire. *Louis VI le Gros*. Paris, 1890; O. Cartellieri. *Philippe II Augustus, König von Frankreich*. Leipzig, 1899–1922. 5 vol.

² Г-н Созне (Soehnée) из всего своего исследования, созданного в Школе хартий (thèse d'École des Chartes) в 1891 г., опубликовал лишь тезисы. И, к сожалению, рукопись этой диссертации позднее была признана утерянной, несмотря на все поиски г-на Мартена-Шабо (Martin-Chabot), решившего ее опубликовать.

³ Об этом долгом царствовании мы имеем только живой обзор, хотя и неполный, А. Люшера: A. Luchaire. *Louis VII, Philippe Auguste, Louis VIII* // *Histoire de France publiée sous la direction d'Ernest Lavisse*. Vol. III. 1re Partie. Paris, 1901. p. 1–81.

⁴ Ch. Petit-Dutaillis. *Étude sur la vie et le règne de Louis VIII*. Paris, 1894.

(15 лет)¹, Филиппа V Длинного (6 лет)² вызвали общие исследования. Но нет удовлетворительной книги о правлении Людовика Святого³. Филипп Красивый был объектом более или менее блестящих набросков⁴. Правления Людовика X и Карла IV представлены только положениями докладов Школы хартий⁵, которые их авторы никогда не доводили до конца для публикации.

Несомненно, существует множество отдельных исследований и частных работ⁶. Но мы не знаем хорошо правления, в ходе изучения которого историк, отважившись посвятить своей работе необходимое время — и это время

---

¹ Ch.-V. Langlois. Le règne de Philippe III le Hardi. Paris, 1887.

² P. Lehugeur. Histoire de Philippe V le Long. Vol. I. Le règne. Paris, 1897. (Thèse Paris); vol. II. Le mécanisme du gouvernement. Paris, 1931.

³ Книга Г. Уэллона, Н. Wallon. Saint Louis et son temps. Paris, 1875. 2 vol., малосодержательна, чего не скажешь о диссертации Э. Берже: E. Berger. Blanche de Castille, reine de France, Paris, 1893 (Bibl. des E/c. françaises d'Athènes et de Rome, fasc. 70), но это сочинение, естественно, оставляет в стороне годы самостоятельного правления Людовика Святого. Э. Берже в своей публикации регистров Иннокентия IV один из очерков посвятил отношениям этого понтифика с французским королем (очерк также был издан отдельно): Saint Louis et Innocent IV. Paris, 1893. Наконец, ему принадлежит статья: Les dernières années de Saint Louis // Layettes du Trésor des Chartes. Vol. IV. Paris, 1904. Однако какими бы ни были интересными эти работы, они не дают целостного представления об истории царствования.

⁴ В частности, то, что Ш.-В. Ланглуа включил в т. III, 2 часть кн. Histoire de France publiée sous la direction d'E. Lavisse: Saint Louis, Philippe le Bel, les derniers Capétiens directs. Paris, 1901. Книга Э. Бутарика, E. Boutaric. La France sous Philippe le Bel. Paris, 1861, блестящая для своего времени, сегодня не может быть использована.

⁵ Речь идет о следующих авторах — Renvoisé (1889) и Coudere (1885). Сочинение А. Артона — A. Artonne. Le mouvement de 1314 et les chartes provinciales de 1315. Paris, 1912. (Bibl. de la Fac. des Lettres de Paris, fasc. 29) касается только одного из аспектов правления Людовика X.

⁶ Богатую библиографию этих работ, включающую в себя также время правления Святого Людовика, мы можем найти в конце прекрасной книги Ш. Пти-Дютайи: Ch. Petit-Dutaillis. La Monarchie Féodale en France et en Angleterre, X^e—XIIe siècles, Paris, 1933. (Evolution de l'Humanité), p. 437—459. (Русский перевод С. П. Моравского: Феодальная монархия во Франции и в Англии X—XIII веков. М., 1938.) Что касается последующего периода истории Капетингов, то можно обратиться к библиографическим данным, приведенным в нашей кн.: Fawtier R. L'Europe occidentale de 1270 à 1328. (Histoire du Moyen Age. Vol. VI, 1re partie) // Histoire générale sous la direction de G. Glotz. Paris, 1940.

С 987 по 1328 годы четырнадцать наследников той же семьи, все происходящие по прямой линии от одного и того же предка, Гуго Великого, герцога Франции, наследуют друг другу на французском троне. Именно в это время родилась, сформировалась Франция со своими естественными чертами характера и даже основами французской нации. Прежде чем обрисовывать их действия, чтобы попытаться определить, что им принадлежит в этом создании нашей родины, необходимо набросать облик этих королей, дабы позволить читателю лучше уяснить долю, принадлежащую каждому из них в общем деле. Работа, будучи трудной из-за бедности нашей документации, однако, менее трудна, чем та, которую нам придется затем предпринять: изобразить по мере возможности их советников. Однако работа необходимая. Если правда то, как часто и не без оснований утверждают, что феномены экономического и социального характера играют в истории роль значительную, даже решающую, по словам некоторых, то не менее справедливо и то, что и люди играют свою роль в исторической эволюции страны, особенно в изучаемый нами период, когда территориальное единство еще не создано, а нации еще не осознали своего существования.

О первом из Капетингов, основателе династии, мы не знаем почти ничего. После кропотливого исследования правления Гуго Капета Фердинанд Лот заключил: «Здесь не найдут никакого портрета короля Гуго. Мы ничего не знаем о его облике. Его личность в моральном плане также

почти малоизвестна. Так что когда пишут, что он был благочестивым, врагом роскоши, что он любил монахов и был больше дипломатом, чем воином, то выражают приблизительно то, что вправе сказать... Что же до замены информации фантазией, чтобы нарисовать "блестящий" портрет, то это работа настолько же легкая и забавная, как и детская и тщетная. Мы же хотим нас от нее избавить»¹. Смиримся же с незнанием того, каким был основатель династии, правившей в течение более трех веков во Франции. Однако позаимствуем у Ф. Лота² многозначительное указание, что этот первый капетингский король «стал очень высокой идеей королевского достоинства». И добавим сюда мнение другого историка капетингской эпохи, Ашиля Люшера: «Все указывает на то, что этот великий сеньор, ни облика, ни личной жизни которого мы не знаем, не был посредственностью. Он сумел занять место Каролингов, сохранить захваченное, вести себя свободно и достойно перед лицом папства и Святой Римской империи, без серьезного сопротивления передать корону своему сыну. И не все здесь сделала слепая фортуна»³.

Роберт Благочестивый знаком нам немного больше благодаря его биографу Эльго. Мы знаем, что он был высокого роста, немного сутулый, немного толстый, с длинным лицом, мягким взглядом и большим — может быть, широким — носом, устами, «сладкими при отдавании поцелуя мира», густой бородой⁴.

В моральном плане Роберт предстает перед нами как человек смиренный и мягкий, добродетельный, благочестивый, приветливый, друг бедняков. Мы узнаем, что он, ученик Герберта, был образованным, знал латынь, любил книги и возил их с собой. В общем, если верить его биографу, Роберт был монахом на троне. Естественно, Эльго преувеличивает или, скорее, то, что он нам говорит, относится к концу жизни Роберта, когда, будучи женат

¹ Lot F. *Études sur le règne de Hugues Capet*. p. 185.

² *Op. cit.* p. 3.

³ Luchaire A. *Les premiers Capétiens* // E. Lavisse. *Histoire de France*. Vol. II. 2e partie. Paris, 1901. p. 153.

⁴ *Recueil des historiens des Gaules et de la France*. Éd. M. Bouquet et al. 24 vols. Paris, 1738–1904. Vol. X. p. 99. Далее — *Historiens de France*.

на невыносимой женщине, он искал утешения в вере в мире ином, где Констанция Арльская прекратила бы его мучить.

Естественной тенденцией у биографов является резюмирование более или менее четко обозначенных черт облика их персонажа. Но они слишком часто забывают, что их герой — человек, последовательно становящийся юношей, взрослым, зрелым и стариком, если судьба ему дарует такую продолжительную жизнь, которую автор псалмов приписывает среднему человеку. Так, Роберт, родившийся в 970 г., умер в 1031 г., прожив шестьдесят один год. И молодой принц, привлеченный к управлению своим отцом с 987 г., затем единственный король в 37 лет, не был тем же человеком, что и старый король в шестьдесят лет.

Кристиан Пфисте, посвятивший ему исследование, ставшее классическим, признал, что Роберт не был великим человеком «и не заслуживает стоять в одном ряду с выдающимися государями, управлявшими Францией»¹, впрочем, добавляя на следующей странице, что он «занял весьма почетное место в галерее наших французских королей»². Ашиль Люшер, признав, что «во внутреннем управлении своими доменами ему доставало всегда энергии и последовательности», заключает, что «он не был человеком; переходящим от наблюдения к действию. Ему недоставало средств для действия, а еще больше характера и желания действовать. В этих нескольких словах — вся история его правления»³.

Противоречия между виднейшими историками вовсе не подчеркиваются здесь с хитрыми намерениями. Они лишь доказывают, насколько малоизвестна история этой эпохи, и насколько трудно при слабом свете редких указаний, дошедших до нас и опирающихся исключительно на самих себя, отдать себе точный отчет о политике того или иного суверена, оторванной от длительной эволюции, в которую она включалась.

Скажем только, что Роберт Благочестивый смог до самой смерти продержаться в положении, немного менее

¹ Pfister Chr. Études sur le règne de Robert le Pieux. p. 386.

² Op. cit. p. 387.

³ Luchaire A. Les premiers Capétiens. p. 159 et 161.

неблагоприятном, чем при избрании Гуго Капета. Учитывая обстоятельства, нет повода отрицать заслугу короля Роберта.

С Генрихом I, наследующим своему отцу в 1031 г., мы снова попадаем в потемки. Мы согласны признать его храбрость, но не имеем никаких сведений о его облике или характере¹.

Так что эти трое Капетингов остаются для нас неясными фигурами, действия которых мы не можем определить. И это состояние невозможности, в котором мы пребываем, бедность наших источников, фиксирующих облик этих королей, ведет к тому, что мы приписываем их к личностям менее значительным, чем они были в действительности. Ибо они выполнили трудную и необходимую работу для будущего династии и королевства. Они выстояли; они поддержали принцип монархии и даже идею Французского королевства; и это в то время, когда Франция видела, как на ее территории возникает серия великих и независимых феодальных княжеств и исчезает королевство. Ибо эти княжества хорошо обосновались — с их территорией, много более обширной, чем маленький королевский домен, со своими суверенами, бесконечно более могущественными, чем король Франции. Но королевского домена эти мощные соседи не поглотили; французский король оставался королем и не стал вновь герцогом Франции. Пускай королям помогли обстоятельства, заключающиеся в том, что крупные феодалы не видели опасности, которую представляли Капетинги в будущем, и вместо того, чтобы сплотиться против короля, изматывали друг друга в междоусобных войнах, хотя их интересы диктовали им использовать их против королевства. Но также справедливо и то, что этими обстоятельствами трое первых королей династии сумели воспользоваться. И это немаловажная их заслуга.

¹ Возможно, когда-нибудь детальное исследование этого царствования выявит более значительные подробности. Молодой бельгийский эрудит г-н Дон (Dhont), посвятивший свою работу третьему Капетингу, сделал следующий вывод: «Отважный Генрих I значительно укрепил королевскую власть во Франции во время своего 30-летнего правления». Конечно, это только бездоказательное мнение, но мы тем не менее сочли нужным его привести: *Revue belge de Philologie et d'Histoire*. Vol. XVIII, 1939. p. 948.

Суверен, наследующий им в 1060 г., является представителем династии, которую строже всего судили как ее современники, так и современные историки. Филипп I, толстый человек, которого упрекали в гурманстве, чувственности, алчности и которого папа Григорий VII обличал как тирана, действующего под внушением дьявола, как клятвoprеступника и вора, осужден в наши дни за то, что не смог помешать завоеванию Англии нормандцами, союзу герцогства Нормандского с английским королевством, за то, что выказал равнодушие, если не враждебность григорианской реформе¹, за то, что не участвовал в Первом крестовом походе. Но если мы исследуем поближе историю его правления, то должны будем отдать себе отчет в том, что этот толстяк, вопреки своим слабостям и заблуждениям, очень точно почувствовал труд, который предстоял капетингской династии. Он понял, что прежде всего надо, чтобы король был хозяином у себя, в своем личном домене, чтобы стать им в королевстве. Именно с его правления берут начало действия, посредством которых феодальная вольница домена была приведена к повиновению, к подчинению, позднее ставшему службой королевству. И в речи, которую вкладывает в его уста Сугерий, когда заставляет его говорить своему сыну, принцу Людовику, будущему Людовику VI Толстому, по поводу башни Монлери, аннексированной по ловкому браку между Елизаветой, дочерью Ги Трусселя, сеньора де Монлери, и принцем Филиппом, одним из сыновей короля от брака с Бертрадой де Монфор: «Ну, сын мой, храбро охраняй эту башню, причинившую мне столько неприятностей, и состарившую меня»², мы находим, на наш взгляд, что столь опороченный король был озабочен тяжким трудом, возложенным на него.

Равным образом очевидна опасность, которую представлял и его великий нормандский вассал, которому он не

¹ Григорианская реформа получила свое название от папы Григория VII (1073–1085), возглавившего движение за реформирование и укрепление католической церкви, основными требованиями которого были запрет симонии (продажа–покупка церковных должностей или духовного сана), celibат, верховенство пап над светскими государями. (Прим. ред.)

² Suger, Vie de Louis VI le Gros. Éd. H. Waquet. Paris, 1929. (Classiques de l'Hist. de France au Moyen Age). p. 38.

мог запретить расширять за счет Англии свои владения, будучи еще под опекой во время экспедиции Вильгельма Завоевателя в 1066 г. Если он и не смог помешать присоединению Нормандии к Англии, то, по крайней мере, был инициатором политики, закончившейся победой Капетингов и заключающейся в использовании раздоров в королевской семье за Ла-Маншем. Он подталкивал и поддерживал Роберта Куртегеза¹ сначала против его отца — Вильгельма Завоевателя, а потом против брата — Вильгельма II Рыжего, как после него Людовик VI будет использовать Вильгельма Клитона², и как позднее Филипп-Август воспользуется Ричардом Львиное Сердце против Генриха II, а Иоанном Безземельным против Ричарда.

Он не благоволил к григорианской реформе. Приверженцы этой реформы приписывали его сопротивление соображениям алчности. Весьма возможно, что эти соображения и существовали, и французский король желал сохранить доходы, которые ему давала продажа епархий. Но ничто не доказывает, что, действуя таким образом против реформаторов, Филипп I не видел, какую опасность для королевской власти представляла эта реформа. Этот король, желавший быть хозяином у себя, возможно, хорошо отдавал себе отчет в том, что церковь, независимая от светской власти, могла оказаться для последней опасным противником. Во всяком случае, он действовал по собственному разумению, и с точки зрения его королевских функций его трудно в этом обвинять.

Он не дал увлечь себя в крестовый поход. Правда, в тот момент, когда проповедовался и организовывался поход, Филипп I, отлученный от церкви из-за своего брака с Бертрадой де Монфор, был не в состоянии принять в нем участие. У нас нет никакой возможности узнать, не присоединился ли бы он к этой экспедиции при других обстоятельствах. Однако все, что нам известно о его характере, позволяет в этом усомниться.

Филипп не кажется великим человеком, но это не всегда является недостатком. Он хорошо видел непосред-

¹ Роберт II герцог Нормандии (после 1060—1134 гг.), старший сын Вильгельма Завоевателя. (Прим. ред.)

² Вильгельм Клитон (ум. 1128) — сын Роберта II Нормандского, граф Фландрии. (Прим. ред.)

ственный труд, который его ожидал: стать хозяином своего домена, повергнуть англо-нормандское могущество. Его силы не позволяли вести ему эту двойную работу. Что бы случилось, если бы он отвлек хотя бы малейшую их часть на такое предприятие, как завоевание Святой Земли?

Впрочем, он вовсе не противился крестовому походу. Вероятно, он и не в состоянии был это сделать. Туда должен был отправиться Гуго де Вермандуа, его брат. Не видно, чтобы он чинил какие-либо препятствия двинувшимся в поход вассалам. Правда, регламент 1095 г. защищал имущество крестоносцев. Но если у Филиппа I было много принципов, за которые его порицали противники, то эта торжественная защита никогда не приостанавливалась.

Наконец, этот толстяк, столь часто ссорившийся с церковью, сумел отвести от своего королевства конфликт между своими принципами и церковью по животрепещущему вопросу об инвеституре. И он ввел взаимную политику поддержки папства и французского королевства, оказавшейся такой полезной, по крайней мере, для его внука. Следует ли отсюда, что заслугу этой политики следует приписать одному папе Урбану II? Это неважно. Важно то, что он ей не противился, и это позволяет думать, что он понимал ее интерес для себя.

Наконец, Филипп I, кажется, довольно ясно видел, в чем заключались интересы короны. Несомненно, ему недостает прыти, он приземленный практик, и достаточно грязный. Но он был прав, будучи сувереном, соответствующим своей эпохе, и достаточно было его сыну продолжить его политику, по крайней мере, в своих основных чертах, чтобы историки начали приветствовать его как короля, правление которого означало «подъем королевства»¹ во Франции.

В противовес его отцу, Людовика VI хвалят все историки. Истинная причина этих похвал кроется в том факте, что жизнь этого короля описана немного спустя после его смерти его другом, аббатом Сен-Дени Сугерием; что эта биография очень хвалебна, и особенно потому, что она является первым, несколько длинным и умным текстом,

¹ Luchaire A. Les premiers Capétiens. p. 311.

составленным и сохраненным о суверене капетингской династии.

И, однако, Людовик VI был толстым. Генрих Хантингдон, современный ему английский хронист, упрекает его и в том, что его отец «сделал из их желудков самого почитаемого бога»¹. В 46 лет его тучность была такова, что он не мог взобраться на лошадь. Он был чувственным. Известна его внебрачная дочь Изабелла, которую он выдал замуж в 1117 г. за вексенского рыцаря Гийома, сына Осмона де Шомона. Он женился после долгих колебаний лишь в 35 лет на Аделаиде де Мориден. Он был жаден. Он повелел избить молодого фламандца, отказавшего ему сказать, где он спрятал казну Карла Доброго, графа Фландрского. В 1106 г., еще не будучи уважаемым королем, он позволил себя подкупить английскому королю Генриху I Боклерку, и это наперекор мнению Филиппа I, более прозорливого, чем его сын. Он совсем как Филипп I продавал правосудие, и в конфликте между Ланским епископом и городской коммуной продал свою поддержку последней, обогатившей его.

Но его другом был Сугерий, и он сумел жить в добрых отношениях с духовными лицами. Так что они, особенно первый, охотно настаивали на его достоинствах, вероятно, весьма возможных, компенсирующих его недостатки. Ему приписывают следующие слова: «Постыдно для короля преступать закон, потому что закон и король черпают свою власть из одного источника»². И мы видим его исповедующимся перед кончиной и наставляющим сына: «Покровительствовать священникам, бедным и сиротам, охранять право каждого»³.

В действительности он, как и его отец, барон своего времени, с достоинствами и недостатками людей этой эпохи. Как и его отец, он активный и храбрый. Еще больше, чем отец, он ограничивает свои интересы доменом и соседними областями. Там он настойчиво продолжает отцовскую политику. Ибо он настойчивый, его не обеску-

¹ De contemptu mundi, Éd. Arnold. Londres, 1879 (Ss. RR. Brit.). p. 312.

² Suger. Vie de Louis VI le Gros. p. 106.

³ Ibid. p. 274.

раживают поражения, и он продолжает борьбу с феодалами домена в течение всего своего правления.

Была ли у него при такого рода действиях политическая идея? Понимал ли он, что это было началом, позволяющим реально возродить королевство? Или же он хотел мирно пользоваться доходами от своих патримониальных владений? На подобный вопрос невозможно дать ответ.

Также невозможно разглядеть в операциях против феодалов домена общий план. Абсолютно неправдоподобно, чтобы единственно случайная агрессия против баронов Иль-де-Франса и Орлеане определяла бы общее намерение королевских военных операций. Эти операции не раскрывают у Людовика VI никакого стратегического чутья, никакого маневра. Это феодальная битва в своей замечательной простоте, и король в ней не подымается выше своих противников в своих военных установках.

Но он использовал результаты, достигнутые его отцом, и мудро их продолжил. Он опирается на церковь, защищая ее, которая в свою очередь поддерживает его. К тому же обстоятельства были благоприятны. Все королевство охватило общее течение, толкавшее различные феодальные княжества к самоорганизации. Их суверенов, занятых этой организацией, больше беспокоит жить в мире. Они понимают опасность, проистекающую от победы англо-нормандских королей над Капетингами, и Генрих I Английский в своей борьбе против Людовика VI не найдет союзников среди крупных феодалов. Граф Шампанский Тибо, единственный серьезный противник, которого встречает Людовик VI среди своих крупных вассалов, в конечном счете перейдет на сторону Капетингов. Кроме того, Генрих I умрет раньше Людовика VI, и проблема наследования откроет для англо-нормандской монархии один из хронических периодов анархии, которую еще придется испытать Капетингам. Наконец, удачей для Людовика VI стала смерть герцога Аквитанского Гийома X, после которого осталась только дочь Алиенора. Юридически опека наследницы и ее фьефа принадлежала королю. У нас нет текста завещания Гийома X. В самом ли деле он хотел, чтобы его дочь вышла замуж за Капетинга, которому он просто доверил охрану своей дочери королю, и который как суверен выдал замуж девушку по своей воле, неизвестно. Однако же будущий Людовик VII женился на Алиеноре

и одним ударом средиземноморская граница капетингских доменов оказалась у Пиренеев. Здесь нельзя говорить о долго подготовляемом политическом намерении, ибо кажется, сношения Людовика VI и Гийома X были очень редки. Французскому королю улыбнулась удача. Наконец, правление Людовика VI совпало с моментом самоорганизации французских городских коммун. Людовик VI, как и все сеньоры его времени, соглашался или утверждал коммунальные хартии. Ему не надо было принимать вид, в глазах великих историков-романтиков, друга народных классов. Это положение, сильно поколебленное, если не разрушенное, тем не менее сохранило отзвук в суждениях современных историков. Оно усиливает симпатии к Капетингу, хвалимому Сугерием, и делает из него одного из тех редких персонажей, имя которого существует в народной памяти.

В действительности же Людовик VI был сувереном активным, хорошо пользующимся обстоятельствами, и достаточно умным, чтобы уметь ими воспользоваться. Его неоспоримая заслуга заключается в том, что он оставил династии почти усмирленный территориальный домен, но в этой домениальной политике он только руководствовался традицией, вменяемой капетингским королям. И действительно, различные историки, изучавшие правление его предшественников, не без оснований и отчетливо увидели набросок политики Людовика VI в правлении Роберта Благочестивого, Генриха I и Филиппа I.

Так что Людовик VI включается в уже древнюю традицию и не заслуживает быть выброшенным отсюда. Ему посчастливилось появиться в тот момент, когда эта традиция принесла свои плоды. Он храбр. Он представляется для биографов самой симпатичной личностью — возможно, потому что является одной из самых известных — этого периода. Но из него не надо делать народного суверена.

Его сыну Людовику VII не повезло. И, однако, Вальтер Мап¹ говорит о нем несколько беглых слов, открывающих натуру нежную, спокойную. Найденный спящим в лесу

¹ Вальтер Мап (ум. ок. 1207) — английский средневековый писатель, капеллан Генриха II Плантагенета, автор «Придворных мелочей» и иных литературных произведений. (Прим. ред.)

под охраной только двух рыцарей, он якобы ответил графу Тибо Шампанскому, упрекавшему его в неосторожности: «Я сплю один в полной безопасности, потому что никто мне ничего не желает плохого»¹. А в другой раз, когда один англичанин рассказывал ему, чем владел его хозяин, король Генрих II, он лишь ответил ему: «У нас во Франции только хлеб, вино... и радость»². Это был человек мягкий, образованный, добрых нравов, сочувствующий и терпимый к евреям — редкое явление в его время, — живущий просто, без охраны входивший в гущу парижских горожан, шепетильный к вопросам правосудия. Тот же Вальтер Мап рассказывает, что он велел включить по недосмотру в сооружение своей резиденции Фонтенбло, поле одного бедняка; узнав, что произошло, он велел разрушить часть сооружения, несправедливо воздвигнутого на чужой земле, и возвратить бедняку захваченное³.

Все эти черты составляют личность, к которой легко было бы присоединить легендарного Людовика Святого. Довольно странно, что этот святой человек так и не был оценен историками.

Несомненно, его правление не ряд побед, скорее, наоборот. Но вплоть до Филиппа-Августа победа не имеет обыкновения сопровождать королевское знамя. И давно известно, что престиж государства не пострадал в правление Людовика VII, что напротив, с этого правления начинается окончательное развитие авторитета капетингской монархии.

Можно с уверенностью сказать, что он видел, что нужно делать, понимал необходимость укрепления своего наследования, необходимость следовать в королевском домине традиционной политике своего дома, и его экспедиции против Готье де Монтины в 1137 г., Жоффруа де Донзи в 1153 г., Этьена де Сансерра в 1157 г., Невелона де Пьерфона и Дре де Муши в 1160 г. представляют его как достойного продолжателя Людовика VI. И результат этой политики в некотором роде решающий. Отныне домен

¹ Walter Map. *De nugis curialium*. Éd. M. R. James, Oxford, 1914. (Anecdota Oxoniensia. Médiéval Series). p. 226.

² Loc. cit. p. 225.

³ Loc. cit. p. 227.

Иль-де-Франса подчинен королю, и потомки этих кастелянов — владельцев замков, против которых так долго сражались Капетинги, перешли к ним на службу и поставляли им служащих, в которых они нуждались для выполнения своей воли.

Он выказал себя преданным слугой церкви, привлек и устроил во Франции папу Александра III, изгнанного из Италии Фридрихом Барбароссой. Но он никогда не прибегал к уверткам, когда подключались в игру права короля на церковь, и помощь папства в его борьбе против Генриха II была небесполезна.

Не всегда подчеркивают трудность работы, взятой им на себя. Он видел, как на его территории укрепляется феодальная власть, когда по браку с Алиенорой Аквитанской Генрих II присоединил к Нормандии и Анжу все герцогство Аквитанское, немного позднее присоединенное к английской короне. Против этого опасного могущества он боролся как мог, и если и допустил какие-то промахи, то по крайней мере, его заслугой является то, что он стал практиковать против своего опасного соперника политику, подготовившую победу Филиппа-Августа, политику, которая состояла в использовании распрей в англо-нормандской королевской семье. И он также сумел воспользоваться своим положением сюзерена, своим королевским авторитетом.

Когда мы думаем, что именно в этот момент ситуация стала самой критической, когда мы видим, как епископы Юга обращаются к нему, умоляя о помощи, то мы вправе себя спросить, не было ли наилучшим способом сопротивляться страшной опасности, угрожавшей Капетингам, такое поведение государя благочестивого, мягкого, беззлобного, собиравшего вокруг себя симпатии интеллектуальных сил своего времени.

Правда, Людовика VII упрекают именно за то, что он и создал эту опасность, оттолкнув Алиенору, и именно в этом главные претензии, предъявляемые ему французскими историками. Был ли развод с Алиенорой такой тяжелой ошибкой, как говорят? Не обязательно. Мы забываем спросить себя, упрекая Людовика VII, было ли в состоянии французское королевство поглотить, ассимилировать огромную аннексию, произведенную в 1137 г. Мы забываем, что это обширное герцогство Аквитанское было населено

более мятежными феодалами, которых не удалось обуздать даже энергичным Генриху II и Ричарду Львиное Сердце, да еще в то время, когда эта энергия опиралась на нормандские, анжуйские и английские силы. Можно легко себе представить истощение Капетингов, хозяев лишь маленького и не полностью умиротворенного домена, если бы им пришлось вдобавок поддерживать порядок в этом краю вечной анархии. Мы должны также спросить себя, каким было поведение других крупных феодалов во время экспедиций, которые он совершил бы в Аквитанию. По правде, настоящей причиной развода Людовика VII было дурное поведение Алиеноры, и мы можем считать неисполненным провидением каприз красивой женщины.

Людовика VII также обвиняют и в том, что он потерял жену, не сумев сохранить землю и не воспротивившись второму браку отвергнутой супруги. Он попытался это сделать, но не настаивал. Недостаток воли, или боязнь риска, или же просто недостаток средств, имеющихся в его распоряжении? Возможно, свою роль сыграли все три мотива и, конечно же, особенно третий. Ибо вопреки видимости, капетингское королевство в 1152 г. далеко еще от великого могущества. Оно обретет последнее лишь при преемнике Людовика VII.

Филипп-Август — великий человек в капетингском семействе, тот, примерам и урокам которого будут следовать до конца династии.

Обликом он в молодости напоминал своего деда, Людовика VI. В моральном плане, возможно, тоже. Он был довольно тучный, активный, боец. Потом, с приобретенным скоро опытом — он стал королем в 14 лет — и тяжелой болезнью, полученной на Святой Земле (болезнью, сопровождающейся сильным потением, как считает д-р Браше¹), он стал человеком подозрительным, циничным, злокозненным, с преобладающей почти всегда болезненной нервозностью. Мало занимающийся премудростями — он не удосужился выучить латынь, — он обладал тем не менее умом практического порядка. Он был способен вынашивать великие замыслы, преследовать их с терпеливой энергией

¹ Brachet M. Pathologie mentale des rois de France. Paris, 1903. p. 253-282.

и успешно завершать. Его внук Людовик Святой, которому было девять лет, когда умер его дед, рассказал своему другу Жуанвилю разговор, который произошел у него с Филиппом-Августом: «Он мне говорил, что следует награждать своих людей, одних больше, других меньше, смотря по отправляемой ими службе, и он добавлял, что никто не может быть хорошим правителем своей земли, если не может смело, а также и жестко отказать в том, что мог бы дать»¹. Тот же Жуанвиль, передавая последние слова, обращенные Людовиком Святым к своему сыну, заставляет его произнести: «Рассказывают о короле Филиппе, моем предке, что однажды один из его советников сказал ему, что люди Святой церкви причинили ему много несправедливости и бесчинств, заключающихся в том, что они отобрали его права и уменьшили его юрисдикцию, и просто удивительно, сколько он от них претерпел. И добрый король в самом деле ответил, что охотно верит, но учитывает доброту и куртуазность, коими его одарил Бог: так что он предпочитает лучше потерять право, чем иметь споры с людьми Святой церкви»².

Последние слова не содержат никакой иронии — ничто не указывает на это — и замечательно подтверждают первые. Филипп-Август — хозяин жесткий, но справедливый, даже с Богом. Он хочет, чтобы люди служили, он не представлял себе иной их функции, как служба. Он готов вознаградить за эту службу, но вознаграждение должно быть пропорционально службе.

Именно так должен думать и действовать великий король. Но должно привести пример его самого как наиболее преданного слуги своей короны. Так представлял себя Филипп-Август, особенно во второй половине своей жизни. Его активность неутомима, и, продолжая вести сложную дипломатическую игру, показывая себя храбрым, отважным и одновременно осторожным, он предпринимает работу по внутренней организации, определившей на века характер французского королевства.

¹ Joinville. Histoire de Saint Louis. Éd. Natalis de Wailly. Paris. 1868. p. 237-238.

² *Op. cit.* p. 265.

Добавьте к этому, что ему везло. Стрела арбалетчика избавляет его от самого опасного противника, Ричарда Львиное Сердце; и это при том, что ему нельзя приписать ни малейшего участия в этом счастливом ударе судьбы. Добавьте к этому необузданную жестокость преемника Ричарда — Иоанна Безземельного, лично причастного к исчезновению юного Артура Бретонского, возможного противника, солидного и поддерживаемого знатью¹. Неловкие действия самого Иоанна Безземельного восстановили против него знать английского королевства в тот момент, когда интервенция английского короля со всеми силами могла оказаться фатальной для Капетинга. Наконец, вето Иннокентия III помешало ему лично броситься в рискованную авантюру завоевания Англии, однако политика того же папы повернула на альбигойский Юг наиболее авантурные элементы Севера и Луары, заставив их завоевать его для французского короля.

Все эти выгоды, предоставляемые ему судьбой, оказывались для Филиппа-Августа случайностью, которой следовало было воспользоваться. Это и была «добродетель и куртуазность, дарованные Богом». Он превратил их в обычай. Удивительно наблюдать за его дипломатией, действующей между Артуром и Иоанном Безземельным, воздействующей на английских баронов и ловко маневрирующей между дипломатией Святого престола. Этот человек действия, этот храбрый рыцарь, ведущий себя героически при Бувине, сумел ловко, то есть со всей силой юридических аргументов, извлечь все выгоды, предоставляемые ему феодальным правом.

Эта всепоглощающая активность, ловкость в использовании благоприятных случаев принесла удивительные результаты. В сорок два года французский король становится хозяином обширного домена, в котором эффективно осуществляется его власть. Как вполне справедливо отметил один из лучших историков этого периода, слова Людовика Святого «во Франции только один король» сказаны под

¹ Артур Бретонский (1187–1203), сын Жоффруа Плантагенета, старшего брата Иоанна Безземельного, герцог Бретани с 1196 г. Воспитывался при дворе Филиппа-Августа и был обручен с его дочерью. О его судьбе см. гл. 7, 8 и 9. (Прим. ред.)

конец правления Филиппа-Августа¹. И можно добавить, благодаря Филиппу-Августу.

Этот стремительный подъем капетингского королевства, благодаря тяжкому труду великого короля и обстоятельствам, мог быть эфемерным, если бы преемники Филиппа-Августа оказались посредственными или неумелыми государями. Но, кажется, начиная с этого суверена, капетингская семья с его примером перед глазами не смогла больше компрометировать его труды. Впрочем, среди королей-преемников Филиппа было мало посредственных, но есть великие.

Король Людовик VIII за сорок месяцев правления, прерванного преждевременной смертью, выказывает себя достойным продолжателем трудов, предпринятых Филиппом-Августом. Но у него не было физического здоровья его отца. Бесконечная активность, доказательства которой он приводит, активность, увенчанная успехами, связывает его немощное тело. Он умирает в тот момент, когда королевская власть победоносно проникает в Пуату и лангедокский Юг, так долго почти независимые, что только крестовый поход против альбигойцев смог передать их в руки новой феодальной династии.

Именно здесь, возможно, самый критический момент истории династии Капетингов. Наследник Людовика VIII, тот, кто однажды станет Людовиком Святым, еще ребенок. Крупная знать отдает себе отчет, что со временем ее независимость окажется под серьезной угрозой. Случай для действий уникальный, чтобы под предлогом иностранного происхождения королевы-матери и ее пола воспротивиться регентству Бланки Кастильской.

И, однако, это был не первый случай, когда вдова короля выполняла функции регентши, и не первый раз, когда она играла политическую роль. В действительности Филипп-Август был первым Капетингом, не вмешивающим женщину в управление королевством. До него мы видим, что королевы часто вмешиваются в управление королевством. Констанция Арльская не удовольствовалась тем, что сделала тяжелой супружескую жизнь короля Роберта

¹ Ch. Petit-Dutaillis. La monarchie féodale en France et en Angleterre. p. 347.

Благочестивого; она возжелала изменить порядок королевского наследования, став главой оппозиции, с которой столкнулся Генрих I; она подталкивала и поддерживала против него его братьев, и, возможно, она несет ответственность за отделение Бургундии, присоединенной Робертом к королевскому домену. Анна Русская, жена Генриха I, после смерти супруга участвовала в регентстве, и только ее второй брак с Раулем де Крепи устранил ее от дел. Известна роль, которую играла Бертрада де Монфор подле Филиппа I, ее влияние, ее враждебность к наследному принцу; ее даже обвиняли в том, что она пыталась его отравить. Аделаида де Мориен, вопреки своему облику, перед которым отступил, как говорят, граф Бодуэн III Эно, оказывала на Людовика VI заметное влияние, приведшее к немилости канцлера Этьена де Гарланда, а также побудив своего супруга участвовать во фламандской аванюре в пользу своего свояка Вильгельма Клитона. Алиенора Аквитанская во время своего замужества с Людовиком VII играла значительную роль, на что жаловался святой Бернар. Мы видим, как третья жена короля, Адель Шампанская, просящая помощи у английского короля против своего сына Филиппа-Августа, когда последний захотел избавиться от опеки над собой своих шампанских дядьев, и позднее смирившаяся, берет на себя регентство во время пребывания Филиппа-Августа в Палестине. Так что с начала династии королевы пользовались заметным влиянием на своих супругов и их политику. Но это несравнимо с ролью, которую собиралась играть Бланка Кастильская.

Ее должно и в самом деле считать настоящим французским королем, потому что с 1226 г. и до самой смерти, в 1252 г., она управляла королевством, два раза как регентша, с 1226 по 1234 гг., во время малолетства Людовика Святого, и с 1248 по 1252 гг., во время первого крестового похода Людовика на Восток, и без официального титула, но с неменьшей эффективностью в период между этими двумя регентствами.

Эта суровая и героическая испанка держала в своих руках судьбу династии и королевства при особо сложных обстоятельствах, когда капетингский дом видел, как против нее восстала наиболее опасная коалиция крупных феодалов, против которых она сражалась. И это в момент, когда преданность суверену, столь обычная в прошлом, кажется,

начинает исчезать, во всяком случае, у благородных мятежников, потому что — единственный подобный факт в истории династии — они попытались захватить особу молодого короля.

Бланка Кастильская не уклонилась от битвы, ставкой в которой был трон ее сына. Вдохновленная примером своего свекра, она сумела собрать силы, сражаясь с одними, подкупая других, опираясь на церковь и Святой престол, равно как и на городские слои, твердо ставшие на сторону короны.

Она сторонится английского короля, желающего воспользоваться ситуацией, дабы отвоевать свои патримониальные владения, захваченные Филиппом-Августом; она расстраивает коалицию баронов, приводя к покорности наиболее опасных из них — герцога Бретонского Пьера Моклерка, графа Тулузского Раймона VII. Более того, она воспользовалась этой коалицией, чтобы окончательно утвердить королевскую власть на юге королевства, и ловким браком своего сына Альфонса с наследницей графа Тулузского подготовила присоединение этого богатого наследства к королевскому домену.

Из этого кризиса, выпавшего на ее долю, капетингское королевство вышло более сильным. И, когда кризис миновал, Бланка не считала, что может позволить себе отдохнуть. С совершеннолетием сына она продолжает дело укрепления управления королевством, следуя также урокам своего свекра, пытавшегося в своих разговорах давать их внуку. Именно ей, видимо, следует приписать меры по подавлению опасного мятежа Транкавеля в Лангедоке, меры, приведшие к поражению коалиции, распавшейся после битвы при Сенте¹; ее сын действовал только как исполняющее лицо.

И, когда этот сын отбыл в крестовый поход, именно Бланка Кастильская снова приняла, на сей раз официально, управление королевством, оставшимся без своего короля. Она поддерживает в нем порядок, мешает возобновлению враждебных действий со стороны Англии, успешно прово-

¹ Речь идет о попытке Раймона Транкавеля, последнего виконта Каркассона, вернуть себе конфискованные короной земли в 1240 г. и о поражении, нанесенном английскому королю Генриху III и его французским союзникам летом 1242 г. (Прим. ред.)

дит политику, которая приведет к аннексии Лангедокского Юга, одновременно налаживая снабжение экспедиции своего сына людьми и деньгами; она принимает все необходимые меры, чтобы королевство, государь которого в плену, не пострадало от этого пленения.

Однако ее главная заслуга в глазах потомства заключалась в том, что она была не только матерью, но и воспитательницей Людовика Святого.

Последний является одновременно и самым популярным из наших королей, и сувереном, влияние которого сильнее всего сказалось на развитии французского королевства. Он затмил славу всех своих предшественников, равно как и преемников. После него не говорят больше о Капетингах, о Французском доме, о троне Франции; говорят о роде Людовика Святого, крови Людовика Святого, троне Людовика Святого.

Как же это произошло и каким был человек, оставивший такой неизгладимый след в истории великой страны?

Внешне в молодости это красивый рыцарь, храбрый и ловкий в обращении с оружием, тонкий и стройный, с ангельским лицом, озаряемым «глазами голубя»; в зрелом возрасте это аскет, измученный умерщвлением плоти, которому он предается, но всегда хранящий для тех, кто к нему приближается, незабываемый шарм. Простой в своих манерах, в одежде, жизнерадостный, но способный на жестокий гнев, добрый по существу, но той добротой, которая всегда заботится о справедливости, и в этой справедливости он черпает, когда надо, энергию, необходимую суверену. Покорный сын, возможно чересчур; из-за своей жены, честолюбивой Маргариты Прованской, он был достаточно мудр, чтобы понять величие выполненной его матерью работы и оставить ее управлять так долго, как она этого пожелает. Но из этого сыновнего подчинения не надо заключать ни того, что Людовик IX добровольно переложил на свою мать королевский труд, ни того, что он не желал заниматься им сам.

Совсем напротив, этот суверен, возможно, тот из французских королей, который наиболее сознавал обязанности своего королевского предназначения. Но это предназначение он понимал не как простую возможность возвышаться над людьми или делать их счастливыми, завоевывать ко-

ролевства или извлекать для себя выгоду. Людовик Святой во всем руководствовался верой.

Эта вера глубока и тверда. Кажется, она не ведаёт сомнений. Она основывается не на теологических умозаключениях. Спокойная, окрашенная той радостью, которая свойственна лишь хранящим уверенность, вера Людовика Святого наполняет всю его жизнь. Рожденный в ином сословии, он, конечно же, давал бы обеты и облачился бы в монашеское одеяние. Мы знаем, что он об этом подумывал, но его удерживал долг его королевской службы. Он узрел в нем возможность служить вере. По его мнению, долг суверена не только составлять счастье народа в сем мире, но и вести его к спасению.

С другим человеком подобная идея могла бы привести к гибели королевства. Но Людовик Святой не зря слушал слова своего великого деда, Филиппа-Августа, которые он охотно приводил. Он не зря испытал влияние своей матери, благочестивой Бланки Кастильской. Та, которая обращалась к нему со словами, одновременно восхитительная и устрашающая Бланка Кастильская, предпочитавшая увидеть скорее своего сына мертвым, нежели выздоровевшим путем совершения смертного греха¹, поучала, что грешат не только сами по себе, но и посредством других, что грехи подданных становятся грехами короля и что король не может быть безгрешен, ежели подданные живут во грехе.

Так что, дабы уберечь народ от греха, королю следует быть сильным и повинующимся. Вдохновляемый верой, король может и должен принимать решения единолично. Итак, абсолютный суверен один должен вести свой народ к спасению. Так и трудился Людовик IX, не сомневаясь в последствиях своих трудов и ориентируя французскую монархию на абсолютизм.

Это, возможно, то, чего и желал Филипп-Август. Филипп Красивый, верный последователь своего деда, будет работать в том же духе. Другие французские суверены последуют той же идее, чтобы приблизить день королевства божественного права, наиболее совершенным представите-

¹ Geoffroy de Beaulieu. *Vita Sancti Ludovici* // *Historiens de France*. Vol. XX. p. 4.

лем которого станет Людовик XIV. Но мотивы, вдохновлявшие этих более или менее сознательных творцов абсолютизма, не те же самые, которыми руководствовался Людовик Святой. Они думают о самих себе или о королевстве. Людовик Святой же думал о душах своего королевства.

Всегда в окружении францисканцев или доминиканцев, Людовик Святой пришел к повиновению, дисциплине, идеям, вырабатывающимся тогда этими орденами, глубоко проникнутыми духом своих основателей, прямое эхо которых мог слышать святой король. Он также был очень жестким сувереном для тех, кто не повиновался, какими бы знатными они ни были. Известны его слова к брату — Карлу Анжуйскому, — бросившему в темницу рыцаря в соответствии со своим правом и вызванному с анжуйского суда на суд королевский: «Во Франции только один король; и не думайте, что если вы мой брат, то я буду щадить вас супротив справедливому правосудию»¹. И нам известен также его ответ Жану Туротту, который в раздражении от ареста Ангеррана де Куси, виновного в том, что вопреки правосудию повесил трех браконьеров, заявил, что королю остается только перевешать всех баронов: «Как Вы сказали, Жан? Что я велю повесить моих баронов? Конечно, я не прикажу их вешать, но накажу, ежели они причинят зло»². И это не было просто пустыми словами. Все они, знатные, клирики, горожане или крестьяне, отказывающиеся исполнять королевскую волю, почувствовали на себе руку короля.

И, однако же, люди, которых он жестоко наказывал, безжалостно подавляя их мятежи, не держали на него зла при его жизни и жалели, когда его не стало, как никогда ни одного из суверенов, не ожидая, когда церковь поместит его в свои алтари, чтобы чтить его память, а его время, время доброго короля Людовика, осталось на века в памяти жителей королевства в виде золотого века, который никогда не вернется.

¹ Guillaume de Saint-Pathus. Vie de Saint Louis. Éd. H.-F. Delaborde. Paris, 1899. p. 141.

² Op. cit. p. 139.

Объяснить эту популярность доводами целиком материального порядка, этот период мира, начавшийся в 1245 г. и продлившийся до самой смерти короля в 1270 г., процветание, которое повлек в королевстве этот мир, вызвавшийся в золотой монете хорошей пробы, очевидно, недостаточно. В истории Франции были и другие мирные периоды, другие периоды процветания, несколько не благоволившие к суверенам или режимам, их вызвавшим.

Если время Людовика Святого и осталось таким известным, то, возможно, потому, что французы поняли, что впервые ими управляют справедливо. В своих «Наставлениях», составленных для сына, тому, кому доведется стать Филиппом III, Людовик Святой излагает нам концепцию справедливости: «Дорогой сын, если случится, что ты станешь королем, берегись, чтобы у тебя были качества, приличествующие королю, то есть чтобы ты был справедливым и не нарушал бы никакого права, что бы ни произошло. Ежели случится ссора бедного с богатым, поддержи бедного скорее, чем богатого, и, когда узнаешь здесь правду, твори правосудие. А если случится ссора против другого, поддержи иноземца перед твоим Советом, и не уподобься тому, кто принимает свою сторону, покуда не узнаешь правды, ибо твой Совет может заколебаться, ежели придется выступить против тебя, чего ты допустить не должен. Если ты поймешь, что поддерживаешь неправого, будь то в твоё время или во времена твоих предков, тотчас же верни издержки, какими бы большими они ни были, в деньгах или другими знаками внимания. Если дело неясное, такое, где ты не можешь узнать правду, заключи такой мир по совету достойных мужей, чтобы твоя душа и души твоих предков были бы спокойны, старайся узнать, нельзя ли сделать еще что-либо во имя спасения твоей души и душ твоих предков»¹.

И это не пустые слова, произнесенные Людовиком Святым. Для своего сына он резюмировал установленные для самого себя правила поведения в своем королевстве. Он должен стараться быть справедливым как по отношению к подданным, так и к соседям. Расследователи, разосланные

¹ Ch.-V. Langlois. La vie en France au Moyen Age. Vol. IV: La vie spirituelle. Paris, 1928. p. 37-38.

им по всему королевству в январе 1247 г., получили задание «получить письменно и проверить жалобы, могущие возникнуть против нас или наших предков, и сведения, относящиеся к несправедливостям и злоупотреблениям, в которых бы оказались виновны наши бальи, прево, лесники, сержанты и их подчиненные с начала нашего правления»¹. Ордоннансы, изданные королем своим бальи и сенешалям вследствие этих опросов в 1254 и 1256 гг., являются, как прекрасно сказал Ш. Пти-Дютайи, «моральным кодексом для чиновников и подданных»².

Он запретил проституцию и азартные игры, наказывал ордоннансом 1268–1269 гг. богохульников, запретил судебные поединки в 1258 г., а также в этом же году ношение оружия.

Дабы правили справедливость и мир, он не ограничивал свои действия одним доменом, он составляет законодательство для всего королевства. Он не пытается опираться только на одну королевскую юрисдикцию, он присматривает за сеньориальным правосудием. К нему имеют доступ все — великие и малые, и всем он творит правосудие. Так он любил себя, одновременно заставляя любить свою особу, так он любил свое призвание и понимал его в масштабах всего королевства. В его время во Франции, действительно, был один король.

И также был лишь один король в Европе, король справедливый, арбитража которого искали. По всем границам королевства, в Дофине, Савойе, в Лионе, в Барруа, Лотарингии, Фландрии противники обращаются к нему, прося их рассудить, и принимают его решения. В 1264 г. в Амьене он разбирался в раздорах между английским королем и его восставшими баронами. И если он не вмешался в ссору Иннокентия IV и императора Фридриха II, то только потому, что мало уважал обоих противников, полагая, что с каждой стороны злоупотребления были равны, зная, что, сознавая свою неправоту, они не осмеливаются апеллировать к нему.

¹ Historiens de France. Vol. XXIV: p. 84.

² Ch. Petit-Dutaillis. L'essor des états d'Occident (France, Angleterre, Peninsule ibérique) (Histoire du Moyen Age. Vol. IV, 2e partie) // Histoire générale publ. sous la direction de G. Glotz. Paris, 1937.

Верный наставлениям, даваемым своему сыну («дорогой сын, наставляю тебя, чтобы ты, насколько это зависит от тебя, остерегался воевать против христиан»¹), он заключает с соседями мирные договоры, которые подданные критикуют — Парижский трактат от 28 мая 1259 г. с английским королем, договор в Корбее от 11 мая 1258 г. с королем арагонским, по которым он оставляет земли и права, но которыми он также надеется «установить любовь» между своими потомками и потомками суверенов, с которыми он договаривается с таким великодушием и с помощью которых он также (ибо он никогда не упускает из виду интересы короны) получает признание прав, доселе оспариваемых.

Установив мир в королевстве и вокруг него, он становится одержим великой мечтой о крестовом походе, никогда не покидавшей его, и отправляется, чтобы принять смерть под стенами Туниса 25 августа 1270 г., снискав славу великого поборника справедливости и ореол мученика.

11 августа 1297 г. папа Бонифаций VIII торжественной буллой причислил Людовика IX к лику святых, почитаемых церковью; но жители королевства не дожидались решения церкви, чтобы уверовать в святость своего короля. Гийом де Сен-Патю рассказывает нам историю об одном чуде, приписываемом мощам Людовика Святого: даже до того, как последние достигли усыпальницы Сен-Дени, подле вяза у Бонней-сюр-Марн прикосновение к ним излечило больного ребенка². Этот же автор нам показывает в 1272 г. бедную горбатую старуху, передвигающуюся на костылях, которая заявила своим соседям, «что хочет отправиться на могилу Людовика Святого, где надеется излечиться»³.

Наследовать такому королю, очевидно, было нелегко, и репутация его сына Филиппа III Смелого несколько пострадала от этого блестящего соседства. По правде говоря, этот государь, не слишком умный, старался, но безуспешно, верно следовать по стопам своего отца. Все же надо отдать ему должное и не слишком упрекать сей посредственный

¹ Ch.-V. Langlois. Op. cit. p. 39.

² Les miracles de Saint Louis. Éd. Percival B. Fay. Paris, 1939. (Classiques français du Moyen Age). p. 173-174.

³ Op. cit. p. 134.

ум. Он мог резко отрицательно отреагировать на отцовскую политику и подорвать дело Людовика Святого, Бланки Кастильской и Филиппа-Августа. И более умный достиг бы этого. Он же довольствовался тем, что удержал хороших слуг, оставленных ему отцом, собирая плоды мудрой политики своих родителей, а эти плоды включали огромное наследство его дяди Альфонса де Пуатье, т. е. почти целиком лангедокский Юг, присоединенный к домену в 1271 г. Также во время его правления был заключен брак, ведущий к расширению домена за счет графств Шампанского и Бри. В общем, этот столь хулимый монарх является одновременно тем, в правление которого королевский домен вырос более всего. И в целом в течение пятнадцати лет его правления поддерживался мир. Но мы не смогли бы приписать ему иной заслуги, кроме той, что он оставил служить старых советников Людовика Святого в течение некоторого времени. Его же личные действия в целом расцениваются как полностью негативные.

И это счастье, если судить по тому, что произошло, когда под воздействием своей второй жены, юной Марии Брабантской, он порвал с мудрой отцовской политикой, чтобы броситься в арагонскую авантюру, в которой участвовал также Карл Анжуйский, его дядя. Но судьба снова оказалась милостивой к династии. Огромная экспедиция в Каталонию, отяготившая финансы королевства, провалилась самым жалким образом. Король Филипп III умер во время отступления в Перпиньяне 5 октября 1285 г., не имея времени окончательно завершить начатое дело, дав, однако, печальный пример первой завоевательной войны, предпринятой французским королем за пределами королевства.

К счастью, он оставил после себя сына-наследника, для которого этот урок не прошел даром. Филипп Красивый — государь, мнения о котором различны, но все соглашаются с тем, чтобы признать наиважнейшими тридцать лет его правления. Высокого роста и красивый, как его отец и сыновья, наследующие ему, безукоризненного поведения, холодный, молчаливый, образованный, храбрый, благожелательный, одним он казался великим королем; другие, основываясь на утверждениях более или менее осведомленных хронистов, считают его вялым человеком, руководимым своими малопочтенными советниками. Длительное

изучение его правления приводит нас к мысли, что это был великий король, поддерживающий советников, не подвергавший никого опале, впоследствии или понимая их, если они проявляли инициативу в его политике, или полагая, что они хорошо исполнили его приказы, когда инициатива исходила от него¹.

Как и Филипп-Август, а еще больше, как его дед Людовик Святой, почитаемый им, канонизации которого он добился от Святого престола, он хотел, чтобы во Франции «был только один король». Но Франция, в которой он хотел быть хозяином, — уже другая Франция, отличная от той, о которой думали его предшественники. Это королевство, ограниченное Альпами, Маасом и Шельдой. Получение наследия Альфонса де Пуатье его отцом Филиппом III, его собственная женитьба на Жанне Наваррской, графине Шампани и Бри, сделали из него мощную силу даже в пограничных областях. Но как достойный наследник Людовика Святого он не помышляет о завоеваниях. Как и Филипп-Август, он предпочитает использовать, порой хитро, выгоды, предоставляемые ему феодальным правом. Даже внутри своего королевства, принадлежащего ему, еще встречаются области, где его власть, теоретически высшая, более или менее заслоняется властью крупного феодального сеньора: герцогства Бретонское, Аквитанское, Бургундское, графство Фландрское. В Бретани и Бургундии он старается мирно внедрить право на апелляцию и ордоннансы, которые теперь издаются для всего королевства. Серией ловких мер, заинтересовав в них крупных баронов, ему удалось заставить все королевство участвовать в налагавших обязательства финансовых делах, для осуществления которых было уже недостаточно ресурсов самого домена, несмотря на его огромное расширение с 1271 по

¹ Возможно, хотя и нельзя сказать абсолютно точно, так как текст можно интерпретировать по-разному, что Филипп Красивый на своем смертном ложе взял на себя всю ответственность за свою политику. Бодон де Мони (Baudon de Mony) в 1897 г. в журнале *Bibliothèque de l'École de Chartes* опубликовал очень интересное письмо Guillaume Baldrich, резидента короля Арагона во Франции, датированное 7.XII.1314 и содержащее ценные детали о последних днях французского короля (с. 12): «И между прочим [король] сказал и обессиленный признал и грехи свои и что ошибался и виноват перед Богом, когда творил злой совет, и что он сам был причиной зла своего совета».

1285 гг. Но в Аквитании он сталкивается с герцогом, английским королем; во Фландрии сопротивление городов, гигантских для того времени, с их проблемами социального порядка, последствий зарождения капиталистической индустрии, обращает в бегство его слуг и его самого, привыкших держать в руках деревенский и полудеревенский люд.

Это сопротивление приводит в отчаяние суверена, рассматривающего свое королевское призвание как нечто вроде религиозного служения. Сопротивление изначально кажется ему дьявольским или по крайней мере еретическим. Письма, в которых он обсуждает фламандские вопросы, касаются проблем веры. Этот миролюбивый государь не видит иного средства, как силу. Это войны против английского короля, герцога Аквитанского, и особенно эти губительные фландрские кампании, возобновляющиеся почти ежегодно в последние годы правления. Методы, используемые его великими предками, оказались недостаточными. Нужно найти другое; и это трудно, когда сохраняешь твердую уверенность, что нельзя поступать лучше, чем подражать Филиппу-Августу или Людовику Святому.

И все это очень дорого стоит. Финансовая проблема выходит на передний план в королевских заботах. Беспредельно требуются деньги. Чтобы их получить, изыскивают королевские права, но в утилитарном, меркантильном духе. Расследователи постоянно снуют по королевству, но речь уже не идет (хотя на это еще претендуют) о расследованиях в стиле Людовика Святого. Эти опросы имеют своей целью лишь изыскание новых ресурсов для короля.

В этой погоне за эку сталкиваются с церковью, глава которой, Бонифаций VIII, суверенный понтифик, также нуждается в деньгах для проведения своей итальянской политики и который (кроме того, сторонник григорианских положений о преобладании духовного над мирским) несколько не помогает издержавшемуся светскому правительству. Непосредственно встает принципиальный вопрос, и в первый раз французское королевство и Святой престол сталкиваются на опасной территории взаимоотношений духовной и светской власти. Оба противника, равно убежденные в своем праве, рассматривают каждый действия своего соперника как святотатство. В этой борьбе король дает доказательства безупречной ловкости, используя про-

тив своего противника неясные обстоятельства, при которых произошло избрание Бонифация VIII. Сильный в своей неоспоримой легитимности, он переносит борьбу на личную почву. Не он формулирует принципы; это берут на себя памфлетисты, и ничто не доказывает, что они действовали по его приказам. Король не атакует папские институты. Он атакует или заставляет атаковать человека, взошедшего на трон Святого Петра после своего рода отставки, которую некоторые считают как канонически невозможную, своего предшественника. И, чтобы сразаться, король заимствует то же самое оружие — церковный собор, который он, христианский государь, рассматривает в качестве трибунала, дабы рассудить его разногласия с папой.

Его победа полная, подавляющая. Бонифаций, в мгновение оказавшийся узником королевских агентов в Ананьи, умирает месяц спустя, 11 октября 1303 г. Но этой победы недостаточно Филиппу Красивому. Теперь он стремится, чтобы ее одобрила сама церковь. Под угрозой процесса в память о своем сопернике он в конечном счете сажит на папский престол второго преемника Бонифация VIII, аквитанца Климента V, который торжественной буллой от 27 апреля 1311 г. отменяет все акты Бонифация и его преемника Бенедикта IV, приказав подчиняться новым регистрам папской канцелярии. Король провозглашает его добрым и справедливым приверженцем в этом деле.

Так во Франции при упорстве и энергии королевского правительства светская власть вознеслась над властью духовной. Она даже подменила ее, когда поняла, что та бессильна. Во время осуждения тамплиеров¹ мы видим, что королевские действия в плане веры, до той поры строго сдержанные, направляли действия церкви в этой области.

Мы полагаем, что главной действующей силой Филиппа IV как в светской, так и в религиозной политике была, как и у Людовика Святого, глубокая вера, вера в королевскую миссию, вера в династию, которую он представляет, а также вера в религиозный порядок, которую шокировало отсутствие духовности у папы Бонифация VIII и

¹ В 1312 г. духовно-рыцарский Орден тамплиеров, обосновавшийся во Франции, был упразднен, а большинство его членов подверглись инквизиционным преследованиям. (Прим. ред.)

тамплиеров. Но это была не вера Людовика Святого, и если судить по ее проявлениям, то она представляется чем-то более жестким, окрашенным в оттенок гордыни¹. Известно, что король Филипп Красивый был большим любителем чтения «Утешения философией» Боэция. По его просьбе Жан де Мен, второй автор «Романа о Розе», выполнил для него французский перевод этого знаменитого произведения, и по желанию короля этот перевод сделан как можно ближе к латинскому тексту². Кажется, эта забота о точности перевода, предназначенного себе, указывает у Филиппа Красивого на исключительный интерес к произведению римского сенатора, преданного смерти Теодорихом. Ибо книга Боэция является выражением искушенного ума, довольно презрительно относящегося к материальным устремлениям человека, одновременно вдохновленного неким стоицизмом. Нашел ли в ней внук Людовика Святого эхо своих собственных мыслей? Думать так нисколько не запрещено.

Это поведение — ожидаемое от суверена, которому, конечно, достаёт трудностей, но который отважно и хладнокровно их преодолевает; от суверена, произведшего такое впечатление на епископа Памье своей привычкой «неподвижно и молчаливо смотреть на людей», что прелат сформулировал такую раздраженную оценку: «Это не человек и не животное, это статуя»³.

Этот холодный и молчаливый человек оставил глубокий след в истории монархии. Именно в его правление завершается складывание королевской администрации, ненасытной, мелочной, страстно преданной своему делу, более привязанной к короне, чем сам король, и повсюду проникающей, более или менее противостоящей тенденциям фе-

¹ Если бы это было иначе, мы не увидели бы, как папа Климент V в своем закрытом письме весьма настойчиво наставляет его, говоря, что его идеи по возведению на византийский трон в Константинополе его брата Карла де Валуа были внушены ему Святым духом. (Ed. Leibnitz. *Mantissa Codicis Juris Gentium diplomatici. Guelsersbyti, 1747. IIe Partie. p. 243.*)

² Ch.-V. Langlois. *La vie en France au Moyen Age. p. 275-276.*

³ Свидетельское показание Гийома Монтане на процессе епископа Памье было опубликовано Дюпюи (Dupuy), правда, с ошибками: *Histoire du Différend. Paris, 1655. p. 648.*

здального права, которая охотно подводила под закон основы римского права, сохраняемого на Юге, недавно присоединенного к домену, с его теорией воли государя как высшего закона.

И, однако же, это управление, так часто порицаемое за свою жестокость, не подорвало чувства народных классов к королевству. Филиппа Красивого хвалили за доброту к современникам¹. Мы хорошо видим глубину этого монархического чувства при жизни короля, в правление которого не было почти никаких восстаний; мы наблюдаем его и после его смерти, в правление сыновей.

Людовик X, Филипп V, Карл IV, все три сына Филиппа Красивого поочередно наследуют ему в кратких правлениях восемнадцати месяцев, пяти и шести лет. Они появляются как государи исключительной физической красоты, но их моральный облик нам малоизвестен. Можно допустить, что они играют, но с большим умом, роль, аналогичную той, которую играл Филипп III, наследуя Людовику Святому. Они продолжили дело Филиппа Красивого, и можно думать, что их сыновние чувства способствовали определению выбора в решениях, требуемых от них обстоятельствами, ориентирующих их на окончательную победу монархии во Франции.

В последний год правления Филиппа Красивого, в 1314 г., возможно, под влиянием событий, театром которых была тогда Англия, мы видим, как во Франции в благородном сословии появляется очень отчетливая реакция против абсолютистских тенденций королевства. Корона, под давлением финансовых нужд, не осмеливаясь или будучи еще не в состоянии порвать с феодальной традицией согласия баронов на взимание субсидий на их землях, начинает созывать ассамблеи знати, клириков и горожан, имевших уже не тот характер, что *Curia regis*, королевская курия, понимаемая в более широком смысле и созываемая во все времена капетингской династией. Перед лицом нужд короля бароны пытаются и тут же добиваются актов о

¹ Одно курьезное эхо этой похвалы мы находим в письме Гийома де Кане, представителя короля Майорки, адресованное Хайме II Арагонскому 4 января 1315 г., приведенное R. Avezou: *Bulletin Hispanique*. Vol. XXIX. 1927. p. 181. Майоркский посланец в Перпиньяне добавляет напоследок: «Что является весьма удивительным».

торжественном признании королевством их свобод. Надо полагать, между 1314 и 1325 гг. во Франции возникает парламент на манер английского.

Но сыновья Филиппа Красивого решили в пользу поддержки традиционной политики династии со времен Филиппа-Августа. Они воспользовались тем, что их королевство слишком обширно для того, чтобы вся знать могла легко собраться в одном месте, с целью собрать ее в двух разных местах. Они использовали партикуляризм этой знати, довольствующейся местными хартиями и не умевшей потребовать Великой хартии своих свобод. Они использовали нехватку в ней политического духа, наконец, монархическую лояльность народа. До настоящих Генеральных штатов Франции было ждать и ждать.

Движение реакции, ставшее в мгновение победоносным в короткое правление Людовика X, исчезло, не оставив глубоких следов. Как и хотели Филипп-Август, Людовик Святой и Филипп Красивый, во Франции был только один король. Монархия начинает ориентироваться на абсолютизм.

И в тот момент, когда династия празднует триумф своей традиционной политики, она исчезает. У этих трех принцев, замечательных своей красотой, для наследования остаются лишь дочери. Корона переходит к младшей ветви Капетингов. В апреле 1328 г. на трон восходит Филипп VI Валуа.

* * *

У суверенов, облик которых мы попытались набросать, были советники. Возможно ли для последних проделать то, что мы только что, впрочем, несовершенно, проделали для французских королей, которым они служили? Должны признаться, что нет. Слуги еще менее известны, чем их хозяева. Если исключить одного Сугерия, аббата Сен-Дени, который был советником и верно служил королям Людовику VI и Людовику VII, и одного или двух слуг Филиппа Красивого, другие королевские советники для нас лишь имена.

Однако возможно ли, не вдаваясь в детали, от чего мы уклонимся, учитывая бедность нашей документации, со-

ставить некоторое представление, какими были эти советники, увидеть, эволюционировал ли тип королевского советника параллельно с типом суверена? Все-таки следует попытаться.

Прежде всего, надо отказаться от современных представлений о должности советника. Особы, окружающие короля, — не служащие или не только служащие, и Королевский совет как строго организованный институт появляются только в последние годы существования династии. Советники являются друзьями короля, его «приближенными», и естественно, эти советники не были совершенно одинаковыми во времена короля Филиппа I, крупного сеньора Иль-де-Франса, или короля Франции Людовика Святого, или Филиппа Красивого. Эти королевские друзья очень разные и по происхождению. Есть среди них священники, миряне, монахи; есть сеньоры невысокого происхождения, есть и крупные бароны; есть принцы из королевской семьи; наконец, начиная с Филиппа-Августа, есть королевские служащие разного рода. Восстановить их список невозможно, но даже если бы и могли это сделать, чтобы это нам дало? Ибо если часто нам мало-знаком сам суверен, то что говорить о второстепенных персонажах вокруг него. Удалось установить жизненный путь (*curriculum vitae*) лишь некоторых из этих лиц¹, — скупые записи, осведомляющие нас о занимаемых должностях или даруемых милостях, но ничего не говорящие ни об их личности, ни (что особенно важно) о влиянии, которое они могли оказывать на короля. Возьмем одного из наиболее известных, мэтра Гийома де Ногаре, с 1307 по 1313 гг. хранителя королевской печати, человека, приехавшего лично захватить папу Бонифация VIII в его дворец в Ананьи. Ему посвящена добросовестная монография²,

¹ См., например, сведения, собранные А. Люшером о некоторых личных советниках Филиппа I, Людовика VI и Людовика VII в приложении к его кн.: *Histoire des institutions monarchiques de la France sous les premiers Capétiens*. Vol. II. Paris, 1891. p. 319–326, а также см. кн.: *Recherches sur quelques fonctionnaires royaux des XIIIe et XIVe siècles originaires du Gâtinais*, publiées par H. Stein dans les *Annales de la Société histor. et arch. du Gâtinais*. Vol. XX, 1902. p. 1–23, 192–197; Vol. XXI, 1903. p. 343–372; Vol. XXXII, 1914. p. 195–221; Vol. XXXIV, 1919. p. 1–103.

² R. Holtzmann. *Wilhelm von Nogaret*. Fribourg, 1898.

открывающая со всем тщанием детали выполняемых им функций, порученных ему дел. Поскольку он был законником, его обвиняли в крючкотворстве, т. к. в документах он выражает свое мнение и защищает дело короля во время конфликта последнего с папой; Гийом де Ногаре протестовал против того, чтобы руководствоваться единственно интересами веры, и вел себя так же, как и его хозяин, за что его обвиняли в изворотливости, а кроме того, в лицемерии. И эта оценка, поддержанная талантом Ренана, усиленная безукоризненным методом Ланглуа¹, стала правдой, принятой всеми историками. Однако открытие частного письма, написанного рукой Ногаре своему другу Этьену де Сюизи, открывает человека такой пламенной веры, что он умоляет Бога остановить его, даже ценой смерти, ежели дело, предпринятое им (он был тогда по дороге в Ананьи), не согласуется с его волей².

На этом примере видно, каким надо быть осторожным. Что же говорить, когда речь пойдет об оценке влияния этих друзей короля на его решения? Вот Пьер де Ла Брос, один из редких «фаворитов», каких знает история Капетингов, камергер Людовика Святого, потом Филиппа III и в правление последнего наводящий на всех страх, «так как делал с королем, что хотел»³, о котором хроника Бодуэна Авеньского⁴ сообщает, что «он присутствовал на всех королевских советах, сколько хотел, и, когда бароны советовали королю, что хорошо, а сие не нравилось Пьеру, их совету не следовали»⁵. Ш.-В. Ланглуа, скрупулезно исследовавший карьеру этого фаворита, пришел к заключению, что «он не оставил политического следа», «что мы, наконец, видим в нем лишь вульгарного выскочку с тем

¹ Эрнест Ренан (1823–1892) — известный писатель и историк, автор «Истории происхождения христианства». Ш.-В. Ланглуа (1863–1929) — французский медиевист-позитивист, ученик Э. Лависса. (Прим. ред.)

² Это письмо было обнаружено и издано Ш.-В. Ланглуа: *Journal des Savants*, N. S. T. XV. 1917. p. 323.

³ Высказывание Guillaume de Nangis: *Historiens de France*. Vol. XX. p. 494.

⁴ Речь идет о компилятивной «Хронике Бодуэна Авеньского», названной по родовому имени графа де Эно Бодуэна (ум. 1289), под покровительством которого она была создана. (Прим. ред.)

⁵ *Historiens de France*. Vol. XXI. p. 180.

невезением, которое он заслужил из-за своих амбиций», и что «его история в общем нам показывает лишь невероятную слепоту короля, допустившего слабость, наделяя состоянием Пьера и покинув его»¹.

Глава, посвященная Ланглуа окружению Филиппа III, — шедевр с точки зрения тонкости и эрудиции имеет более чем специальное значение, ограниченное лишь временем, которым занимался этот историк. При ближайшем рассмотрении вещей она нам показывает, что королевские советники, очень многочисленные, были весьма отличны по своему влиянию. Конечно, они могли и должны были внушать ту или иную инициативу, но в конечном счете решение оставалось за королем. Они же были своего рода штабом, подготавливающим работу главы и неправомочным без него.

Так что нам представляется невозможным набросать портрет советника Капетингов и еще меньше — уточнить долю каждого из них или даже некоторых в трудах династии. Однако возможно указать на важный момент, где их действия, вероятно, играли роль, усиливая личные чувства суверенов.

Капетингские короли продемонстрировали по отношению к своим советникам замечательную верность. В той мере, в какой нам известна история их Совета, разногласия кажутся редкими. Этьен де Гарланд, архидьякон собора Парижской Богоматери, канцлер и сенешал Людовика VI, Пьер де Ла Брос, о котором мы только что говорили, и Ангерран де Мариньи, циничный нормандский советник Филиппа Красивого, являются единственными королевскими советниками, в отношении которых можно с уверенностью констатировать немилость, в которую они впали, да еще то, что последний был покинут не сувереном, которому он служил, а его сыном, королем Людовиком X, и не без угрызений совести.

Эти советники, так долго бывшие в милости, часто переживали своего хозяина. Со смертью хозяина им не прекращали благоволить. Преисполненные сыновнего по-

¹ Ch.-V. Langlois. Le règne de Philippe III le Hardi. Paris, 1885. p. 32.

чтения, Капетинги, восходя на трон, в общем, сохраняли подле себя отцовских советников. Впрочем, эту политику касает период до Филиппа-Августа объясняет соправительство наследника при жизни отца. Квазинаследование функций некоторых крупных чиновников равным образом способствовало этому. Но начиная с Филиппа-Августа два последних довода не играют роли. Новым сувереном движет только уважение к памяти отцовских деяний. И мы видим, что Людовик VIII сохраняет всех советников Филиппа-Августа, а после него его вдова и сын удерживают на службе брата Герена и Рено де Руа, сформировавшихся в школе победителя при Бувине. Мы знаем, что до конца своего правления Филипп III позволял старым слугам Людовика Святого следовать политике отца. Многие советники Филиппа Красивого начинали во времена Филиппа III, а младшее поколение служащих короля в великом количестве перешло в совет его троих сыновей.

Этот постоянный состав королевских советников, конечно, способствовал на протяжении всей капетингской династии созданию чего-то вроде политического континуитета. Привлекаемые в течение двух столетий, прежде чем начать править самим, своими отцами к соправительству, окруженные советниками, уже работавшими с их непосредственным предшественником, порой с их отцом, капетингские короли в конечном счете трудились в том же духе и тем легче, чем сами потребности их положения указывали, какой дорогой следовать. Их политика не знала тех поворотов, которыми отмечена политика стольких династий и режимов. Равным образом этому способствовал умеренный и рассудительный характер решенных и реализованных ими предприятий.

Никаких Пишрошолей и никаких излишеств. Единственный совет в том смысле, который мы понимаем, был дан им адвокатом Пьером Дюбуа¹ в его *De Recuperatione Terrae Sanctae*² и *Summaria, brevis et compendiosa doctrina felicitis expeditionis et, abbreviationis guerrarum ac*

¹ Пьер Дюбуа (ок. 1250 — после 1321) — известный знаток права, адвокат короля. (Прим. ред.)

² «Об отвоевании Святой земли» (лат.).

*litium regni Franciae*¹ и не нашел у них никакого отклика. Они никогда не пользовались услугами его автора.

Эта умеренность, возможно, частично идет от полноты, столь часто ограничиваемой, средств, бывших в их распоряжении. Может быть, она восходит также и к множеству разнообразных советников, окружавших его. Если среди них крупные сеньоры занимают место, принадлежащее им по праву, то удивительно, насколько многочисленны представители мелкой знати домена, то ли в лице советников, принадлежащих к духовенству, то ли в лице светских королевских служащих, призванных на совет, представителей городских слоев. Именно к мелкой домениальной знати принадлежат камергеры, в династиях которых они сменяют друг друга на службе у суверена в течение всего этого периода, люди короля в истинном значении этого слова, целиком преданные своему делу в силу должностных или семейных традиций. С них начинается существование нечто вроде династии во времена, когда королевство было всего лишь сеньорией с претензиями, ограниченными располагаемыми ею средствами. Засыпанные дарами королей, которым они служили, эти камергеры не те советники, что бросают королевство в авантюры. Позволительно ли думать, что некоторые из них перед лицом авантюры и кипучего пыла знати вели себя более славно, представляя категорию советников вроде нормандца Ангеррана де Мариньи, каким он предстает в своем знаменитом письме к Симону Пизанскому? Ибо вот как выражается Мариньи: «Сей великий жар меня не удивляет, брат Симон, видя пыл, только что испытанный нами, но я верю, что по прошествии половины августа, когда похолодает, пыл фламандцев поостынет, и в ведении войны они не будут столь горячи, как сейчас. По поводу того, что вы не осмелились сказать своим людям то, о чем мы говорили в Аррасе, найдя их в таком волнении и горячности, я вам скажу, брат Симон, что я тоже не сумел сказать об этом, поскольку наши сеньоры горячи и охвачены желанием воевать, и в состоянии, в коем я увидел их, с одной стороны, и фла-

¹ «Краткое повествование, обзор и сокращенное изложение успешного похода и описания войн и споров королевства Франции» (лат.).

мандцев, с другой, разговоры с ними об этом не пойдут на пользу делу. Это вещи, которые нельзя долго терпеть, их следует прежде всего опустить на землю и охладить. Какой источник, брат Симон, надо было бы иметь, чтобы погасить сей жар, и того, кто захотел бы привести дело к доброму исходу другим путем, нежели тем, которым мы в него ввязались»¹.

Наконец, поскольку Юг присоединился к домену, мы к концу XIII в. и в последние годы династии видим, как вокруг короля появляются те, кого называют легистами. Это советники, часто уроженцы Юга, внесшие свой вклад в изучение римского права, которое некоторые из них изучали в Монпелье или Орлеане². Часто они начинали со скромных должностей в королевской администрации, где их неутомимая активность позволила им выделиться. Когда они становятся значительными лицами, король их посвящает в рыцарство, а вместе с ним дает и дворянское звание. Возвышенные таким образом короной, они ревностно служат ей. Эта преданность толкает их и к трансформации суверена. Он больше не может быть для них ни феодальным королем, ни высшим сюзереном, но, скорее, сувереном, связанным обычаем, уважением к великим предкам, примеру которых он только и должен, что следовать. Они хотят сделать из него современного короля, абсолютного суверена, воля которого была бы законом.

Их действия воссоединяют здесь традицию капетинского дома, старающегося внушить, что «во Франции только один король», причем в том смысле, которым они наделяют значение термина «король» как того, кого римское право подразумевает под понятием «государь». Этому всемогу-

¹ Цит. по: F. Funck-Brentano. Philippe le Bel en Flandre. Paris, 1897. p. 657.

² В королевской администрации у них были предшественники, которые не являлись выходцами с юга. Известно, например, что юридическая компиляция, испытавшая сильное влияние римского права, под названием «Совет другу», принадлежала перу Пьера де Фонтена, который до Бомануара отправлял функции бальи в Вермандуа и который написал свое сочинение между 1254 и 1258 гг. Кроме того, можно назвать «Книгу о справедливости» Филиппа де Реми, отца Бомануара, советника Роберта д'Артуа (брата Людовика IX), написавшего ее ок. 1260 г.

щему государю нельзя быть неумеренным, чего всегда остерегалась династия Гуго Капета. Могла ли она сопротивляться подарку, подносимому им легистами? Филипп Красивый и его сыновья, преисполненные семейных и феодальных традиций, в целом предприняли попытку. И судьба, всегда милостивая к Капетингам, погасила династию в тот момент, когда она, возможно, отказалась от линии поведения, которую успешно проводила.

Эти короли и их советники совместно работали над созданием границ, в которых начинает формироваться французская нация. Посмотрим же на плоды их трудов.

ГЛАВА III

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ОСНОВА:

ДИНАСТИЯ

5 июля 987 г. вследствие интриг архиепископа Реймского Адальберона, мощно поспособствовавшего личными действиями, Гуго Капет, сын Гуго Великого, герцога Франции, внучатый племянник Эда, графа Парижского, французского короля с 888 по 898 гг., внук Роберта I, французского короля с 922 по 923 гг., племянник Рауля, французского короля с 923 по 926 гг., получил в Нуайоне королевскую корону. Так была основана Капетингская династия.

Но об этом основании современники не имели никакого четкого представления, и мы можем думать, что если бы эта мысль посетила избирателей нового короля, то, возможно, он и не был бы избран. Выбирая в качестве суверена герцога Франции, крупные северные феодалы Луары никоим образом не были расположены оставлять корону в семье Гуго Капета. Они верили, что ничего им не помешает со смертью нового короля возобновить то, что они творили после смерти Каролинга Людовика V и передать корону тому, кого они выберут, не останавливая выбор на одной и той же семье.

Гуго Капет же, кажется, напротив, хотел сохранить корону в своей семье, и его потомки, бесспорно, желали того же. С 25 декабря 987 г., три месяца спустя после избрания Гуго, его сын Роберт был коронован и стал соправителем. Роберт, правивший единолично с 996 г., даты смерти Гуго Капета, в свою очередь сделал соправителем в 1017 г. своего старшего сына Гуго, а после смерти последнего в 1026 г. — младшего сына Генриха. Генрих I, единоличный король, со смертью своего отца в 1031 г.

велел короновать 28 мая 1059 г. своего сына Филиппа, которому было тогда 7 лет. Своему отцу Филипп I наследовал в 1060 г. В неопределенное время между 1098 и 1100 гг. он привлек к соправительству своего сына Людовика; но юный принц, избранный королем ассамблеей знати и епископов, не был помазан при жизни своего отца. Став королем, Людовик VI велел короновать 14 апреля 1129 г. своего сына Филиппа, а потом, после его внезапной смерти, младшего, Людовика, помазанного королем по требованию отца папой Иннокентием II в церкви Богоматери в Реймсе 25 октября 1131 г. Людовик VII, единоличным королем с 1137 г., почти накануне смерти, 1 ноября 1179 г. сделал соправителем принца Филиппа, будущего Филиппа-Августа, своего единственного сына, родившегося, однако, 21 августа 1165 г. Последний является первым капетингским сувереном, посчитавшим, что династия достаточно сильна, чтобы заботиться о соправительстве и короновать при своей жизни преемника.

Так что по обычаю, инициатива которого восходила к самим суверенам, Капетинги ввели принцип наследования французской короны. Впрочем, кажется, в этих действиях они не встретили явного противодействия. Если основанием подобной констатации служит не бедность наших источников, то соправительство короля Роберта единственное вызвало некоторое сопротивление. Соправительство преемника Роберта сопровождалось тоже сражениями, особенно с королевой Констанцией и по частным причинам. Однако капетингские суверены никогда не провозглашали этот принцип наследования в своей семье. Филипп III, его сын и внуки воспримут случайные предписания для своего наследования или регентства, устанавливаемого в случае малолетства их наследников, но не обнародуют, как можно было бы ожидать ордонанса, устанавливающего правила наследования французского трона.

Это хитрое введение принципа наследования короны в семье Гуго Капета никогда не уничтожило средства, с помощью которого основатель династии взшел на трон. Избрание выжило в ассамблеях прелатов и баронов, которые суверен созывал до 1179 г., чтобы посредством их утвердить своего старшего сына в качестве короля. Оно воплотилось в феодальной присяге — оммаже, которую

новый король при своем избрании заставлял приносить всех вассалов. Оно выжило и символически, но в символе, первоначально бывшем конкретной реальностью, — в голосовании, сопровождающем церемонию помазания.

Впрочем, мы видим, что принцип избрания сохранился, когда в 1316, 1322 и 1328 гг. судьба, перестав покровительствовать потомству Гуго Капета — Людовику X, Филиппу V и Карлу IV, — унесла их, оставив для наследования лишь дочерей. Трижды женщины, права которых на корону были неоспоримы, отторгались короной; в двух случаях корона через их голову была передана брату усопшего короля, третий раз — Филиппу де Валуа, кузену только что умершего суверена. И это серьезное решение в некоторых из этих случаев было принято не по воле умирающего короля, а вопреки ей. Оно было принято ассамблеей прелатов, баронов и парижских горожан, ассамблеей, легитимность которой оказалась бы под вопросом, если бы Капетинги решились провозгласить, что корона Франции — наследственная по прямой линии от Гуго Капета по праву первородства. Этот недостаток храбрости, бывший, возможно, непредусмотрительностью, привел к потере внуками Филиппа Красивого королевской короны; принцип, приведший на трон капетингскую династию, оказался принципом, устранившим их.

Нет никакого сомнения, что подобный исход оказался бы и в предшествующую эпоху при аналогичных обстоятельствах. Но Капетингам долго везло. С 987 по 1314 гг. все суверены этой династии умирали, оставляя наследника. Правда, они умели и помочь этому везению.

Король Роберт Благочестивый, родившийся в 972 г., женился в начале 988 г. на Розалии-Сюзанне, дочери Беренгария, итальянского короля, в возрасте 16 лет. Новая королева была далеко не первой молодости, и ее юный супруг не преувеличивал, называя ее «итальянской старухой». В самом деле, вполне возможно, что она была замужем уже с 968 г., за четыре года до рождения Роберта, за Арнулем II Фландрским, от которого у нее был сын Бодуэн Бородатый, со смертью в 988 г. своего отца — графа Фландрии. Этот политический брак был выгоден новой династии. Однако в 992 г. Роберт развелся со своей

женой к великому возмущению всего честного люда, эхо которого доносит хронист Рише¹. Несоответствие в возрасте обоих супругов стало мотивом, вызвавшим расторжение брака. Заметим лишь, что после четырех лет союза Розалия-Сюзанна не подарила Роберту наследника, которого он ждал от нее.

В неизвестное нам время юный король держал в крестильных пеленках сына графини Анжуйской, Берты, дочери бургундского короля Конрада Мирного и супруги графа Фулька Нерра. Страсть, вспыхнувшая в сердце Роберта во время церемонии к этой матери пятерых детей, старшей его только на несколько лет, может датироваться временем развода короля, или же, что весьма возможно, она относится к предшествующему времени. Решить это невозможно. Но известно то, что, когда Берта овдовела, а Роберт после смерти своего отца стал единоличным королем во Франции, он женился на вдове графа Анжуйского, возможно, в конце 996 г. Этот брак имел для короля неприятные последствия. Он вызвал гнев церкви; Берта была родственницей Роберта в шестом колене и более того, его кумой по крещению одного из своих сыновей, так что этот брак расценивался как адюльтер. К середине 997 г. Роберту угрожало отлучение, если он не расстанется с Бертой. В 998 г. собор, созванный папой Григорием V в Риме, предал анафеме короля Франции и потребовал немедленного подчинения. Роберт отказался подчиниться и сопротивлялся до 1001 г. Только тогда он расстался с женой. Причины этого подчинения остаются неясными. Можно думать, что поскольку Берта не дала после четырех лет брака супругу необходимого наследника, династические соображения возобладали над любовью короля.

В 1003 г. он женился на Констанции, дочери Гийома I, графа Арльского, сделавшей тяжкой его жизнь, но принесшей четырех сыновей и дочь. Капетингское наследование укрепились.

Спустя более столетия после этих событий герцог Аквитанский Гийом X, видя приближающийся конец и имея

¹ Рише (ок. 950 — ок. 1000) — реймский монах, автор хорошо документированной истории Франкского королевства, написанной на манер произведений Салюстия. (Прим. ред.)

в качестве наследницы лишь дочь Алиенору, выдал ее замуж за Людовика, старшего из выживших сыновей Людовика VI, ставшего в том же году единовластным королем Франции. Брак крупного политического значения, так как одним ударом присоединял к маленькому капетингскому домену огромное герцогство Аквитанское, весь юго-запад Франции до Пиренеев, от устья Луары до Севеннов.

Алиенора была красива, умна, и молодой суверен был ею сильно увлечен; даже слишком увлечен, по мнению святого Бернара, недовольного тем, что королева враждебно относилась к церковникам. Однако за пятнадцать лет королева принесла своему мужу только двух дочерей. Но в ходе крестового похода 1147 г., в котором приняли участие оба супруга, душевное спокойствие королевской семьи было нарушено. История скандала, разразившегося в Антиохии, остается неясной. И все-таки, немного спустя, когда крестовый поход провалился, Людовик VII и Алиенора возвратились во Францию, пребывая в очень плохих отношениях, и в марте 1152 г. оба супруга расстались навсегда. Чтобы оправдать развод, изыскивали канонически обоснованный повод, о котором смешно вспомнить, то есть оба супруга были родственниками в третьем или четвертом колене. Об этом надо было бы думать раньше. Два месяца спустя Алиенора вышла замуж за Генриха Плантагенета, графа Анжуйского и герцога Нормандского, которому в 1153 г. она подарила сына, а затем еще троих. В 1154 г. Людовик тоже женился. Он заключил брак с Констанцией, дочерью кастильского короля, умершей 4 октября 1160 г., не дав ему долгожданного наследника. Семь недель спустя король женился на Адели Шампанской, и 21 августа 1165 г. родился тот, кто станет Филиппом-Августом.

Вполне возможно, что желание иметь наследника короны сыграло свою роль в знаменитом деле Изамбурги Датской и Филиппа-Августа. Известно, что этот суверен, очень рано женившийся на Изабелле де Эно, получил от королевы 5 сентября 1187 г. наследника, принца Людовика, который взойдет на трон в 1223 г. и будет править до 1226 г. под именем Людовика VIII. Известно, что молодая королева умерла в 1190 г., дав жизнь двум близнецам, которые не пережили мать. Известно также, что у молодого Людовика было хрупкое здоровье и он чуть было не умер от дизентерии в 1191 г. Так что наследование короны

представлялось достаточно проблематичным. В 1193 г. король женился на Изамбурге Датской. На следующий день после свадьбы он выказал по отношению к ней болезненный ужас. Каким бы ни был повод для этого чувства, он ничего не сделал, чтобы обеспечить рождение другого наследника. Итак, Филипп-Август хотел иметь запасного наследника, если можно так сказать. Как еще объяснить его поспешность в поисках третьей супруги и его женитьбу в 1196 г. на Агнессе Меранской, восстановившей против него всю церковь и родившей в 1200 г., в сентябре месяце толстого и крепкого мальчика¹, Филиппа, прозванного Юрпелем, законность которого будет признана в следующем году папой Иннокентием III. Наследование отныне было укреплено двумя наследниками. В конце того же года происходит сближение Изамбурги со своим мужем. Агнесса умерла в августе 1201 г., и отныне Филипп, не помирившись с Изамбургой, не ищет больше новую супругу.

Однако Капетингам пришлось редко прибегать к этим крайним мерам. Их супруги в целом были плодовиты, принося им сыновей, в которых они нуждались для продолжения династии, и что особенно важно, которые оказались добрыми сыновьями, по крайней мере, сыновьями послушными.

Ибо семейная история этого капетингского дома чрезвычайно бедна мятежами сыновей против отцов. Правда, Роберт Благочестивый, вероятно, в 996 г. поднял оружие против своего отца, и в свою очередь ему довелось увидеть, как в 1030 г. его оба сына, Генрих и Роберт, объединились против него, но это исключительный случай. Другой пример разрыва между отцом и сыном, который дает капетингская история, пример принца Людовика и Филиппа I, и объясняется он злополучным вмешательством мачехи юного принца, королевы Бертрады, что заставило потерять терпение и сыновнюю верность будущего Людовика VI Толстого. Если сравнивать эту семейную историю с историями других королевских или просто сеньориальных семей того периода, нам придется заключить, что Капетингам с этой точки зрения особенно повезло.

¹ O. Cartellieri. Philippe-Augustus, König von Frankreich. Vol. IV, I. p. 83, n. 4.

Это отсутствие семейных конфликтов может найти объяснение в строгих нравах самих суверенов. Капетинги были добрыми супругами, верными своим женам. На всю династию только два незаконнорожденных ребенка: Изабелла, внебрачная дочь Людовика VI, вышедшая замуж за Гийома де Шомона, и Пьер Шарло, сын Филиппа-Августа и дамы из Арраса, имя которой стыдливо опущено хронистами. Можно признать, что для четырнадцати французских королей это мало. Три скандала: похищение Бертрады де Монфор, супруги Фулька Анжуйского, Филиппом I 15 мая 1092 г.; злословия Филиппа-Августа и Изамбурги Датской на следующий день после их свадьбы в 1193 г.; трагическое дело невесток Филиппа Красивого в начале 1314 г. Первое извиняет лишь крайняя тучность законного супруга, *praepinguis corpulentiae*¹, говорит Гийом де Мальмесбери²; но был ли виновный супруг таким уж толстым в сорок лет? Впрочем, надо отметить, что после этого бегства Филипп I, кажется, являлся по отношению к Бертраде образцом верности. Неприятности Филиппа-Августа, возможно, объясняются, как думает д-р Браше³, случаем мгновенного исчезновения полового влечения со своими последствиями для нервной системы больного. Во всяком случае, за исключением аррасской дамы, Филипп-Август, кажется, вел весьма упорядоченную жизнь. Дело невесток короля, поддерживавшее легенду и предоставившее тему знаменитой мелодраме, должно нас привлечь больше, потому что оно показывает в интересном свете нравственность королевской семьи.

Известно, что в начале 1314 г. король Филипп Красивый велел арестовать своих трех невесток, Маргариту Бургундскую, жену принца Людовика (будущего Людовика X), Бланку Бургундскую, жену Карла де Ла Марш (будущего Карла IV), скомпрометировавших себя с двумя рыцарями, братьями Филиппом и Готье д'Оне, и Жанну Бургундскую, жену Филиппа графа де Пуатье (будущего Филиппа V) за то, что знала о двойной интриге и не донесла. Над лю-

¹ Весьма тучного фигурой (лат.).

² Guillaume de Malmesbury. De gestis regum Anglorum. Éd. W. Stubbs. Vol. II. Londres, 1889 (SS. RR. Brit.). p. 315.

³ Brachet M. Pathologie mentale des rois de France. p. 307-330.

бовниками было совершено правосудие. Три принцессы были брошены в темницу, Маргарита там и умерла; Бланка семь лет оставалась в Шато-Гайаре и в конце концов была разведена в 1322 г., чтобы умереть в 1326 г. в монастыре; Жанна была быстро оправдана. Правда, с последним обстоятельством увязывался союз с графством Бургундским. Были ли виновны молодые женщины? Надо признаться, что мы об этом ничего не знаем. Известно, что их обвинительницей выступала злобная Изабелла Французская, сестра их мужей, та, которая велела убить своего супруга Эдуарда Английского и которая якобы вмешалась в обвинение. Из этой темной истории можно извлечь то, что французский король в момент апогея могущества династии не колеблется, когда грех прелюбодеяния совершен в его собственной семье, наказать публично виновных и не старается погасить скандал. Мы можем признать, что трудно пойти дальше в заботе о добрых нравах.

Младшие сыновья практически также не создавали серьезных трудностей капетинским суверенам. Единственным исключением являются братья Генриха I, Роберт и Эд, причинившие этому монарху много неприятностей. Ибо после этого печального инцидента нам известен только случай Роберта, графа де Дре, брата Людовика VII, сгруппировавшего вокруг себя феодальную оппозицию в 1149 г., но опять же против регентства Сугерия, когда король был еще на Востоке. Напротив, Гуго де Вермандуа, брат Филиппа I, предстает перед нами как «коадьютор» старшего; братья Людовика Святого — Роберт д'Артуа, Альфонс де Пуатье, Карл Анжуйский никогда не были источником трудностей для святого короля; Пьер Алансонский и Роберт Клермонский так же вели себя по отношению к Филиппу III Смелому; что же касается Карла де Валуа, особы, однако, беспокойной, жаждавшей арагонскую корону и корону Византийской империи, то он был верным слугой Филиппа IV Красивого, как и его сыновья. Вот, впрочем, пример этого во время подготовки королевской экспедиции в Италию для службы папе: «Поелику мы имеем намерение прийти на помощь римской церкви и высокородному принцу Карлу, милостью Божьей королю Сицилии, нашему дорогому сеньору, пусть знают все, что как только дело названных церкви и короля будет улажено с помощью Бога, и пребудет в том состоянии, в котором мы можем его в добром виде

оставить, мы вернемся к нашему дорогому сеньору и брату Филиппу, милостью Божьей королю Франции, ежели он будет в нас нуждаться. И мы верно и чистосердечно обещаем, что предпримем путешествие в Константинополь лишь по воле и совету нашего вышеназванного дражайшего сеньора и брата, а если он в трудах о своем королевстве будет нуждаться в нас, мы обещаем по его приказу приехать к нему так скоро, как только сможем, дабы исполнить его волю. В качестве свидетельства сего мы передаем ему эти письма, скрепленные нашей печатью, составленные в Сен-Уан-ле-Сен-Дени, в год Божьей милостью тысяча трехсотый, в среду после Сретения (8 февраля 1301 г.)¹. Так что в семейной истории прямых потомков Гуго Капета нельзя встретить тех мрачных трагедий, которые обессмертили имя Шекспира. Наши Капетинги, за редкими исключениями, добрые супруги, добрые отцы, добрые сыновья и братья.

Это важно. Что составило силу французского королевства в тот период, когда оно постепенно набирает материальную и моральную мощь, так это то, что оно представляло в обществе, где еще существовали в большом количестве элементы анархии, принцип порядка и строгости. Пусть этот порядок и строгость почти всегда существовали в королевской семье, это было необходимым условием для прочного установления династии. Беспорядок ставил бы ее в конфликт с церковью, поставлял феодальной оппозиции предводителей, которых ей всегда недоставало, наконец, заставлял слишком походить на те великие сеньориальные дома, от которых она должна была отличаться в глазах народа, дабы восторжествовать.

Но сплоченности и добрых нравов королевской семьи было недостаточно. Чтобы прочно установить свое превосходство в королевстве, ей надо было окружить себя особой атмосферой религиозного и даже священнического характера, делавшей из великого феодального сюзерена что-то большее — короля, суверена.

¹ Текст этого документа был опубликован Дюканжем (Du Cange) в кн.: *Histoire de l'Empire de Constantinople sous les Empereurs français*. Paris, 1657. Preuves. p. 40.

Для начала надо было забыть узурпацию, своеобразный акт, при помощи которого династия взошла на трон, сместив законное потомство Карла Великого. Хорошим средством было присоединиться к лишенной власти королевской семье. Друзей Капетингам было не занимать. В 1045 г. санский хронист монах Одоран показывает нам, что корону Гуго Капет получил «*donato regno Hugoni duci*»¹ от последнего Каролинга Людовика V; в то время как в эту же эпоху один северный монах утверждает, что Гуго принял корону «вопреки самому себе», «*invitus*»². Легенда скоро распространяется, и из нее видно, что последний Каролинг препоручил первому Капетингу не только королевство, но и свою жену с дочерью. Также извлекли выгоду и из брака Роберта Благодетельного с Констанцией. Мать последней, Аделаида Анжуйская, и в самом деле вышла замуж вторым браком за Каролинга Людовика V; но плодом этого была вовсе не Констанция. Аделаида развелась со своим вторым супругом, и именно от третьего мужа, Гийома Арльского у нее была дочь. Особенно настаивают на каролингском происхождении Адели Шампанской, третьей жены Людовика VII и матери Филиппа-Августа. Окружение этого государя настойчиво подчеркивает его материнское происхождение. Гийом Бретонец в своей «Филиппиде»³ приветствует его в посвящении титулом «Каролинг». Еще более это справедливо в отношении его сына; ибо Филипп-Август в свою очередь женился на даме, ведущей происхождение от Карла Великого, от Эрменгарды, дочери Карла Лотарингского, Изабелле де Эно. Так что у ребенка, рожденного от этого брака, текла в жилах каролингская кровь как со стороны отца, так и со стороны матери. В его лице, как с готовностью подчеркивают Большие Французские хроники Сен-Дени, «возвратилось потомство Карла Великого, бывшего императором и королем Франции, которое было отстранено на семь поколений»⁴. Впрочем, было время, когда этот союз двух династий существовал. В самом деле,

¹ «Посредством дарения королевства герцогу Гуго» (лат.): *Historiens de France*. Vol. X. p. 165.

² *Liber de inventione corporis sancti Judoci*: *Historiens de France*. Vol. X. p. 366.

³ *Philippide*, prologue, V. 28 (Éd. H. F. Delaborde. Paris, 1885. p. 3).

⁴ *Les grandes chroniques de France*. Éd. J. Viard. Vol. VII. Paris, 1932.

в начале XI в. монахам Сен-Рикье, благодарным за блага, полученные от Гуго Капета, и, возможно, желающим укрепить его потомство, пришла в голову мысль поведать в благочестивом рассказе явление святого Валериана Гуго, чтобы приказать ему перенести его тело и тело святого Рикье в их первоначальное место упокоения, обещая ему взамен, что он однажды наденет корону и его потомки будут королями до седьмого колена¹. Некий намек Великих Французских хроник Сен-Дени на предсказание святого Валериана показывает нам, что последнее было воспринято серьезно. Весьма возможно, что король Людовик VIII несколько опасался за прочность династии. Не был ли он сам седьмым потомком Гуго Капета, надевшим корону? И все же 3 ноября 1226 г. в Монпансье, чувствуя приближение смерти, он попросил прелатов и баронов принести клятву верности и оммаж его старшему сыну Людовику (или в случае его смерти младшему Роберту), и не задерживаясь, помазать его, едва он покинет этот мир².

Хотя сохранившиеся тексты умалчивают об этом, мы вправе себя спросить, не стояла ли за движением крупных феодалов, воспротивившихся регентству Бланки Кастильской на следующий день после смерти Людовика VIII, возможно бессознательно, идея, что время династии истекло, что должны, как и предсказал святой Валериан, произойти перемены. Заметим, наконец, не привлекая к этому большого внимания, что Людовик Святой выдал свою дочь Маргариту за Иоанна I, герцога Брабантского и Нижнелотарингского, «являющегося наследником французского королевства как старший из рода Карла Великого», — пишет современный ему автор генеалогии герцогов Лотарингских³.

Так что, конечно, вплоть до времени Людовика VIII, быть может, до правления Людовика Святого, перед Капетингами вставала проблема легитимности династии⁴.

¹ Historiens de France. Vol. X. p. 147-149.

² Éd. A. Teulet. Layettes du Trésor des Chartes. Vol. II. p. 96, n° 1811.

³ Éd. dans Compte rendu des séances de la Commission royale d'Histoire de Belgique. 3e série. Vol. X. 1868. p. 76.

⁴ Эта идея конца династии, подкрепленная одним пророчеством, присутствует в наставлении Святого Людовика своему сыну, сказанном на смертном одре, наставлении, о котором поведал Бернар Сейссе, епископ

Чтобы ее приглушить, они связывались брачными союзами с отстраненной их предками династией. Они также, дабы убрать наиболее деликатные споры, трудились над тем, чтобы сделать из короля персону религиозного характера, находящегося путем помазания под прямым покровительством Бога.

Нам не хватает хорошей книги о священстве французских королей. В ней следовало бы изучить не только истоки этого освящения, но еще, и возможно, особенно, значение, придаваемое ему государями и подданными. Из нее было бы видно, что Капетинги, во всяком случае, в первые два столетия своей истории рассматривали помазание как самую сильную гарантию, какая только могла предоставиться династии.

Пусть между ритуалом этого освящения и ритуалом освящения епископов есть сходство, это вне сомнения. Пусть, для мирян, если не для клириков, помазание суверена делает из него что-то вроде прелата, что вполне допустимо. Капетинги настаивали на том, что это священство, связывающее короля с королевством, как епископа с его церковью, может управляться их наследником при их жизни. Так, их заботами с 987 г., даты коронации Роберта Благочестивого при жизни своего отца, до 18 сентября 1180 г., даты смерти Людовика VII, сын которого, Филипп-Август был коронован в Реймсе 1 ноября 1179 г., Франция постоянно знала периоды бигамии, происходившие каждое правление между коронацией законного наследника и смертью его отца; ибо если священство епископа связывает его с церковью, то священство короля — с королевством. Этого Капетинги, возможно, не желали видеть, но надо думать, клирики с удовольствием наблюдали церемонию королевской коронации, столь отличной от целиком церковного рукоположения, делавшей невозможным дать двум лицам одновременно возможность занимать один и тот же престол.

Это помазание делало из короля, во всяком случае, в глазах мирян, священную особу, и Капетинги и их окружение пошли по пути развертывания этого священничес-

---

Памье, если, конечно, принять на веру свидетельские показания брата Арно Жана во время процесса над епископом: Dupuy P. Histoire du différend d'entre Philippe le Bel et Boniface VIII (Preuves). p. 637.

кого характера. Масло, которым совершалось помазание, имело божественное происхождение: его принес голубь, чтобы выручить из затруднения святого Ремигия в момент крещения Хлодвиг. Однако к этой истории, уже достаточно чудесной, надо прибавить еще чуда. В сосуде, содержащем священное масло, никогда не должен понижаться его уровень, правда, потом, с XIV в., его будут опускать, чтобы чудесным образом он наполнялся к каждой коронации.

Кроме того, это помазание государя сообщает ему чудесную власть исцелять золотуху. Французский король исцеляет страждущих, прикасаясь к ним. Это неожиданное последствие помазания проявляется с правления Роберта Благочестивого, так сказать, на следующий день восхождения на трон новой династии. И если невозможно проследить правление за правлением историю королевского «прикосновения», то у нас есть достаточно указаний, чтобы уверенно заявить, что все капетингские суверены претендовали на обладание этой исцеляющей силой.

Подобная власть исцелять может сообщаться только Богом, провозглашая таким образом особую избранность потомства Гуго Капета. Так, Роберт Благочестивый в одном из своих дипломов мог заявить: «Известно, что милостью Божьей мы возносимся над всеми прочими смертными; так что следует всячески стараться повиноваться нам по воле Того, Кто нас сделал первыми»¹. И это не просто общее место дипломатических формул. Уважительные обороты, употребляемые, чтобы обратиться к королевскому величеству, говорят о том, что это превосходство французского короля было не пустым словом для подданных, даже наиболее могущественных.

В этом королевском достоинстве, которое возносится над всеми «прочими смертными» под пером канцлера короля Роберта, отождествлявшего короля со священством, под пером Кадюрка, канцлера короля Людовика VII, которому он вменяет право на духовную власть, как во времена Роберта, так позднее королю недоставало признанного церковью ореола святости, и казалось маловероятным, чтобы последняя когда-либо была расположена предоставить эту высшую милость.

¹ Historiens de France. Vol. X. p. 612.

Не писал ли папа Герману, епископу Меца, 15 марта 081 г.: «Где найти среди императоров и королей человека, который сравнится бы своими чудесами, не говоря уже о вятых апостолах и мучениках, со святым Мартином, святым Антонием или святым Бенедиктом? Где император ли король, воскрешающий умерших, дарующий здравие рокаженным, свет слепым? Посмотрите на императора онстантина блаженной памяти, Теодориха, Гонория, арла, Людовика, друзей правосудия, распространителей ристианской религии, защитников церквей; святая церковь читает их и восхваляет, не указывая, что они славой одобных чудес были бы сожжены»¹. Этот выпад, направленный против императора Священной Римской империи, икошетом ударил по французскому королю.

Однако же 11 августа 1297 г. апостольским посланием апа Бонифаций VIII причислил к лику святых, почитаемых ерковью, французского короля Людовика IX. Добродетели уверена, дипломатический нажим на папу, осуществленый его внуком, имели своим результатом конечное освячение династии. Несомненно, ни в послании о канонизации, ни в речах, произнесенных понтификом по ее случаю², мы не находим упоминания о захватывающих чудесах, оторые, по Григорию VII, исходят от церковников, приисленных к лику святых. Но для большинства людей это имело второстепенное значение, а для французов, возможно, как ни для кого другого³. Учитывалось только то, что капетингская династия дала святого.

Династия, провозглашенная Богом, вещающим устами святого Валериана, покровительствуемая Богом в силе изечения больных, насчитывала теперь среди своих представителей святого, официально признанного церковью. Династический постамент был прочно установлен.

¹ *Registrum Gregorii VII, lib. VIII, cap. 21. Éd. Caspar. Epistolae selectae. (Monumenta Germaniae Hist.) Vol. II. Berlin, 1923. p. 559.*

² *Historiens de France. Vol. XXIII. p. 148 sqq.*

³ Очевидно, тем не менее, что король Филипп Красивый сожалел об отсутствии явных чудес, хотя один служитель Реймской церкви, Пьер де Тувау, писал ему в 1307 г., сообщая о чудесах, творимых саваном Святого Людовика в Реймсе, утверждая, что саван исцелял неизлечимых больных, глухих, немых и незрячих. Письмо опубликовано Э. Балюзом: *Baluze E. Vitae Paparum Avenionensium. Éd. Mollat. Vol. III, 1921. p. 65.*

ГЛАВА IV

ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ОСНОВА:

КОРОЛЬ

Прочно установить династию, укрепить ее преемственность, сообщить ей религиозный авторитет, приводивший к поклонению народы, которыми она должна была управлять, было первой задачей, вставшей перед потомками Гуго Капета. Но между тем, как это происходило, следовало предоставить этой династии средства выполнения задачи управления, фиксирующие за ней высшие сосредоточиваемые ею функции. Для этого ей нужно было использовать прерогативы, даваемые социальной организацией и эпохой.

Если на практике феодальный мир представляется глазам историка как общество, где слишком часто правит анархия, то, тем не менее, теоретически это строго организованное общество, где каждый индивидуум занимает свое место в иерархической структуре вассалов и сюзеренов. Основой системы является король, высший сюзерен. Распад государства, который мы наблюдаем в IX-X вв., факт, но факт, не затрагивающий принципы политической и социальной организации.

Хотя Франция X в. разделена на бесчисленные сеньории, почти независимые, нет ни одного сеньора, даже среди наиболее могущественных, осмеливающегося открыто отказать признать теоретическое верховенство короля. Само название Франция обозначает не только маленький кантон вокруг Парижа, но королевство Францию, старое *regnum Francorum*, во всяком случае, в теории, и до некоторой степени на деле. Это очень важно. Ибо глава этого королевства может быть слабым, более слабым, чем некоторые из самых крупных вассалов, но последние не меньше обязаны ему оммажем, и что еще важнее, приносят

ему оммаж. Фердинанд Лот¹ доказательно установил, что шесть крупных феодалов, которые в начале XIII в. станут шестью светскими пэрами королевства, были в XI–XIII вв. юридически тесно связанными с королем, не переставали быть его вассалами, его «людьми», какой бы, впрочем, ни была реальная зависимость их от капетинского суверена.

Эти юридические связи, права, которые они давали королю, всегда были достаточны, чтобы позволить Капетингам присматривать за всем, требуя исполнения обычаев.

С началом капетингской династии, когда герцог Бургундский Генрих, брат Гуго Капета, умер в 1002 г., не оставив наследника, король Роберт не разрешил бургундским епископам и баронам выбирать герцога по своей воле. Он отказался признать Ота-Гийома, пасынка умершего герцога, и в течение тринадцати лет вел кампанию за кампанией, чтобы наконец посадить во главе герцогства без герцогского титула своего второго сына Роберта.

Когда в 1035 г. герцог Нормандский Роберт Великолепный умер на Святой земле, оставив в качестве наследника лишь незаконнорожденного Вильгельма, будущего завоевателя Англии, французский король Генрих I утвердил выбор нормандских баронов, принявших в качестве герцога незаконного сына своего усопшего государя, поддержал его против знати Бессена и Котантена, противопоставившей ему его кузена Ги Бургундского, и оружием поставил во главе Нормандии юного Вильгельма.

Когда в 1078 г. Гуго де Ди, легат Григория VII, созвал в Пуатье собор, враждебно настроенный против короля Филиппа I, последний написал герцогу Аквитанскому Гийому VIII и прелатам письмо, обвиняющее их в недостаточной верности, в которой они ему поклялись, ежели они потерпят этот «лже-синод», и герцог, сопровождаемый жителями Пуатье, грубо выдворил членов собора. В 1101 г. при аналогичных обстоятельствах герцог Гийом IX попытался разогнать собор со следующими словами: «Король, мой сеньор, дал мне знать, что к моему и его бесчестью вы хотите отлучить его от церкви в сем городе, который

¹ F. Lot. *Fidèles ou vassaux? Essai sur la nature juridique du lien qui unissait les grands vassaux à la royauté depuis le milieu du IXe jusqu'à la fin du XIIe siècle.* Paris, 1904. (Thèse Nancy.)

я держу от него, и во имя верности, коей я ему обязан, он запретил мне терпеть сии действия. Я впредь запрещаю вам идти дальше. Иначе, согласно клятве, данной мною королю, вы не покинете этот город без ущерба»¹.

Когда в 1127 г. граф Фландрский Карл Добрый был убит, французский король Людовик VI решил, поскольку тот не оставил наследника, что имеет право вмешиваться в избрание нового графа. Так что он отдал приказ «*rgin-sires*» и баронам Фландрии прибыть 20 апреля в Аррас, чтобы вместе с ними решить вопрос о назначении графа. И их выбор, естественно, пал на королевского кандидата Вильгельма Клитона.

Когда в течение 1162–1163 гг. Раймон V, граф Тулузский, с целью напасть на своего могущественного соседа Генриха II, короля английского, герцога Аквитанского по браку с Алиенорой, попросил Капетинга Людовика VII прийти на помощь, то вот в каких выражениях этот крупный феодал писал французскому королю: «Мы потеряли нашу землю, нашу, нет, скорее вашу, поскольку мы — ваши вассалы и все наше — ваше»².

Этих примеров достаточно, чтобы показать, что Капетинги, в течение длительного периода кажущиеся бесконечно менее могущественными, чем их великие вассалы, не колебались всякий раз при возможности действовать таким образом, чтобы их положение сюзерена не было поставлено под сомнение и что это положение без затруднений было признано.

Сам оммаж, который эти великие вассалы не прекращали приносить королю Франции, когда наследовали свое графство или герцогство, хорошо показывает, каково было их юридическое положение по отношению к королю. Формулы его немного изменились в течение трех столетий, занимающих нас. Возьмем начало, оммаж, принесенный в Компьене в июне 1196 г. Бодуэном IX, графом Фландрским и Эно королю Филиппу-Августу в то время, когда этот суверен, побежденный Ричардом I Английским, был не в самом блестящем положении. «Я, Бодуэн, граф Фландрский и Эно, довожу до всех в настоящем и будущем, что

¹ Historiens de France. Vol. XI. p. 108.

² Historiens de France. Vol. XVI. p. 69–70.

согласился и поклялся своему законному сеньору Филиппу, знаменитому королю Франции, помогать во всякий день моей жизни, добровольно и без притворства, против всех живущих и умирающих людей; и кроме того, по земле Эно помогать ему как против моего сеньора епископа Льежского, ежели последний вздумает беспокоить короля Франции, или если то же сделает король в отношении означенного епископа, так и против императора; и что я никогда не прекращу сию помощь королю Франции, и так долго буду помогать, как этого пожелает мой вышеназванный сеньор, король Франции, оказывающий мне правосудие в своей курии и дающий право быть судимым теми, которые должны меня судить в курии короля Франции»¹.

От этого оммажа, посредством которого наиболее могущественные феодалы признавали себя «людьми» короля, никто из них и не помышлял отказываться. И это была не простая формула. Она создавала между сюзереном и его вассалом личную связь, силу, которой современные люди затрудняются облечь в точную идею. Она обязывала того, кто ее давал, приходить со своими людьми, связанными с ним договором такого же рода, под знамена своего сюзерена, когда последний требовал службы в ополчении, военной службы своих вассалов.

Так что от этой службы редко осмеливались отказаться даже самые крупные феодалы, порой даже при обстоятельствах, когда выполнение ее было настоящим полным поворотом политики. Примеров достаточно. 3 мая 1230 г. Генрих III, английский король, высадился со своим войском в Сен-Мало. Он прибыл поддержать французских баронов в их мятеже против регентши Бланки Кастильской. Последняя, действующая от имени малолетнего короля, призвала на помощь вассалов короля, дабы оказать сопротивление захватчикам. Разумеется, восставшие бароны были созваны и, как другие, вынуждены были отбыть свои сорок дней военной службы, даже против того, кого они просили им помочь.

¹ Historiens de France. Vol. XIX. p. 352.

Более того, когда крупные бароны короля объединялись с врагом против него, они сохраняли права своего суверена. 10 марта 1103 г. граф Фландрский Роберт заключил в Дувре с английским королем Генрихом I договор, направленный против короля Франции Филиппа I. Статья 2 этого договора замечательно иллюстрирует отношение к Капетингу этих великих вассалов, связанных оммажем, не могущих отбросить этот торжественный и добровольно принесенный обет. Граф Фландрский заверяет в своей поддержке английского короля, «спасая верность королю Филиппу таким образом, что ежели король Франции захочет захватить Англию, граф Роберт по возможности заставит оставить короля Филиппа I это намерение и постарается всевозможными средствами, своим советом и молитвами, своей верностью без худых намерений, без даров деньгами принудить его остаться. И, если король Филипп отправится в Англию и поведет с собой графа Роберта, последний приведет с собой столь малый контингент войск, какой сможет, однако таким образом, чтобы избежать совершения преступления за фьеф, который держит от короля Франции»¹.

Из этого видно, что вассал, восставший против короля, даже если этот король был таким слабым, как Филипп I, его опасался. Вассала стесняла клятва верности последнему; ибо, нарушая ее, он подавал опасный пример своим собственным вассалам. В самом деле, вся эта политическая система покоилась на вассалитете, и на вассалитете, располагавшем в определенном порядке всех — от скромного держателя до крупного феодала, непосредственного вассала короля. Вся система покоилась и на передаче фьефа. Этот фьеф, конечно, королю отобрать было нельзя, ибо король обладал меньшей силой, чем сила вассала, которого он хотел наказать. Но сюзерен мог передать фьеф мятежного вассала другому сеньору, который может быть достаточно сильным, чтобы захватить земли, дарованные сувереном.

Если положение короля перед восставшим вассалом, когда этот вассал могущественнее, чем он, не всегда легкое,

¹ Rymer. *Fœdera*. 3e éd. Paris. 1745. Vol. I. p. 2.

то положение восставшего вассала всегда таит некую опасность, которую названный вассал всегда сознает. В сущности, крепко связанные друг с другом юридическими связями оммажа и фьефа, вассал и сюзерен чувствуют, что не могут безнаказанно разрывать эти связи.

Именно это объясняет, как Капетинги сумели, будучи столь слабыми материально, продолжать существовать и теоретически доминировать над своими великими вассалами, намного могущественнее их. Сама их материальная слабость помешала вассалам отдать себе отчет в том, какую опасность представляли для них в будущем эти теоретические права — практика применения которых была лишь случайной, — когда политическая система замыкается на короля. Это также объясняет, как капетингская династия сразу после того, как овладела достаточной территориальной базой, стала наносить вред феодальному миру.

Эта преданность вассалов королю является великим делом, доминирующим на протяжении всей истории капетингской династии, особенно в первые два века. Они не очень хорошо изучены, за исключением того, что стал ясен истинный характер войн, в которых часто сталкиваются — но менее часто, чем думают — Капетинги со своими вассалами.

Каким бы неправдоподобным нам это ни показалось, но нам в самом деле следует допустить, что частные войны, те, что мы называем гражданской войной, как часто подчеркивал г-н Лот¹, рассматривались феодальной знатью как целиком законное средство. Опустошения, грабежи, убийства, пожары, бывшие следствием их, казались современникам Капетингов вполне допустимой процедурой. Вассал, предающийся подобным злоупотреблениям на землях суверена и против его людей, рассматривался, причем вполне чистосердечно, как пользующийся своим бесспорным правом. Сами короли очень долго разделяли подобное мнение. В самом деле, обычаи Франции признавали за осужденным вассалом право покинуть королевский суд и

¹ F. Lot. *Fidèles ou vassaux?* p. 4-5.

защищать свои права с оружием в руках. Отсюда ведет начало распространение юридического поединка, призыв к Божьему суду.

Эта концепция частных войн помимо того, что объясняет частые перемирия, показывает нам положение Капетингов по отношению к крупной знати или даже к феодалам домена. Ни крупные феодалы, ни мелкие непосредственные вассалы не питают враждебных чувств к королю. Их долго приводят к повиновению, но у них никогда не замечается ненависти или злобы.

Эд II, граф Блуасский по праву считается одним из самых недисциплинированных крупных феодалов в XI в., и история правления Роберта Благочестивого и Генриха I наполнена его мятежами и войнами с капетингскими суверенами. Однако вот как этот великий вассал, даже в момент нахождения в состоянии войны со своим сувереном, писал в 1023 г. Роберту Благочестивому, отказавшись повиноваться королевскому требованию явиться на суд: «Что меня в тебе очень удивляет, так это то, что, не выслушав меня, ты в великой поспешности считаешь меня недостойным твоей милости. Ибо если рассмотреть положение моего рода, то я милостью Божьей способен наследовать [графство Мо и Труа]. Ежели обратить внимание на статус бенефиция, данного тобой, то он не подвластен твоему фиску, но восходит ко мне по наследственному праву и твоей милостью. С другой стороны, посмотри на мою феодальную службу; тебе известно, сколько (поелику я был у тебя в милости) я служил тебе в твоём дворце, на войне, во время твоих поездок. Но когда ты отвернул от меня свою милость, когда ты пожелал отобрать у меня данные тобою владения, я, защищая себя и свою честь [т. е. фьефы], и совершил по-твоему некоторые неприятные действия, но я их совершил, мучимый оскорблениями и понуждаемый необходимостью. Как в самом деле я мог бы защитить свою честь? И клянусь Богом и своей душой, я предпочел бы умереть, защищая честь, чем жить без нее. Если тебе угодно прекратить меня бесчестить, то нет ничего на свете, чего бы я желал больше, чем снискать и заслужить твое расположение. Ибо для меня очень тягостно быть в ссоре с тобой, и эта ссора уносит у тебя,

мой сеньор, основу и плоды твоей службы, я хочу сказать, правосудие и мир. Так что я прошу и умоляю, чтобы со свойственным тебе милосердием, которое может отвергнуть единственно злой совет, ты прекратил бы меня преследовать и позволил бы мне помириться с тобой»¹.

Слушая эти слова, становится понятно, как Капетинги, слабые, одинокие в мятежном феодальном окружении, злоба которого исключительно проявлялась между большими и малыми сеньорами, оставляя невредимой особу короля, сумели выжить. Понятно и то, как Капетинг мог казаться, будучи еще очень слабым, единственным лицом, вокруг которого при некоторых обстоятельствах могли концентрироваться все силы королевства.

Мы видим, как в 1059 г. Генрих I ведет против Гийома (Вильгельма) Нормандского войско, в котором принимают участие рыцари из Ремуа, Суассона, Лаона, Вермандуа, Фландрии, Артуа, Амьена, Понтье, Нуайона, Орлеана, Берри, Бурбонне, Бургундии, Оверни и Гаскони. И Сугерий нам перечисляет не без некоторой эпической напыщенности «отряды», которые сформировал Людовик VI на равнинах Реймса в 1124 г. при угрозе вторжения императора Генриха V.

В свете сообщений Эда Блуасского понятно также и странное поведение английского короля Генриха II в 1159 г., когда, чтобы спасти графа Тулузского, король Людовик VII бросился защищать Тулузу. Английский король, бывший также графом Анжуйским, герцогом Нормандским и Аквитанским, а посему вассалом французского короля, решил снять осаду города, поскольку там находился его сюзерен. Людовик VII продолжал в нем упорно оставаться, и Генрих II отступил.

Так что Капетинг вследствие своих королевских функций пользовался реальным авторитетом в глазах крупных вассалов. Клятвы, приносимые ему и о которых он всегда заботился, чтобы их приносили, создавали вокруг него внушительную охрану, против которой не могли выступить самые могущественные сеньоры. Это не говорит о том,

¹ Historiens de France. Vol. X. p. 501-502.

что с ним не вели войн и он не бывал разбит. Мало суверенов столь часто терпело поражение, как Капетинги до правления Филиппа-Августа. Но короля никогда не удавалось раздавить. Ибо, несмотря на свою слабость, он оставался королем, помазанником Божьим, сюзереном, «людьми» которого прямо или косвенно были все феодалы королевства.

* * *

Не одна знать вела себя так по отношению к королю. Подобное поведение разделяет и сильно феодализованная в эту эпоху церковь, никогда не отказывающаяся поставить на службу королевству духовное или светское войско, которым она располагает.

Капетинги были любимцами церкви, и особенно церкви своего королевства. Для их священников они представлялись если и не как истинные клирики с тонзурой, то, по крайней мере, как люди, бывшие почти церковниками¹. Коронация, во время которой король одевает стихарь иподьякона, двояко причащает его путем помазания епископального характера, придавая ему видимость епископа.

Это вмешательство церкви в королевскую интронизацию регулярно воскрешается в сознании духовенства во время великих религиозных праздников, в ходе которых король снова получает корону из рук прелата, как явствует из письма епископа Ива Шартрского папе Урбану II², в котором Ив сообщает понтифику, что, несмотря на запрещение его легата, архиепископ Турский короновал короля Филиппа I на Рождество 1096 г.

Кроме того, все эти клирики, вскормленные Священным Писанием о Мелхиседеке, царе Салима, «бывшего священ-

¹ См. например, письмо, адресованное Людовику VII аббатом Ла Шез-Дьё, в котором этот прелат, сообщая, что каждый день молится за короля, заявляет: «Мы действуем так по двум причинам; во-первых, потому что Вы являетесь нашим сеньором, и потом, поскольку Вы принадлежите к нашему ордену» // *Historiens de France*. Vol. XVI. p. 147.

² *Historiens de France*. Vol. XV. p. 100.

ником Господа, создавшего небо и землю» (Творение, XIV, 18), и подобно тому как поэт Венанций Фортунат¹ обращался к Хильдеберту, они говорили о Капетингах: «Мелхиседек наш, по заслугам царь, а также первосвященник, наполнил мирское трудом благочестия»².

Этот суверен тоже носит церковный титул, даже если это только титул без выполнения функций. Он — аббат Сен-Дени, Сен-Мартен де Тур, Сент-Эньян д'Орлеан, и его предок Гуго Капет до 979 г. носил титул аббата Сен-Жермен-де-Пре.

Наконец, идеалом всех клириков был Град Божий, где правит порядок, распоряжения главы которого никому не вздумается обсуждать. В этом мире они мечтали увидеть воплощение этого идеального града с идеализированными ими королевскими функциями, окруженными ореолом их библейских воспоминаний, града, который им представляется единственным земным институтом, на который они могут перенести свои усилия, дабы приблизить великий час торжества. Так что все вело к тому, чтобы церковь увидела в королевстве принцип необходимого порядка при выполнении своих трудов, единственный сохраняющий и укрепляющий элемент в обществе, которое эта церковь хотела привести к христианскому миру.

Но церковь и королевство встретились не только в плане идеальном.

Если мы хотим хорошо уяснить положение этих двух институтов в эпоху Капетингов, то необходимо отгородиться в том, что касается церкви, от большей части представлений, которые у нас бытуют о современной церкви. Наша современная концепция церкви является концепцией целиком духовной. Мы видим в ней институт, действующий исключительно в моральной области, независимый от светской власти в той мере, в которой он смыкается на духовных и нравственных действиях, хорошо организованный и централизованный, с главою, руководство которого

¹ Венанций Фортунат (530–600) — родом из Италии, автор житий святых и литургических поэм. Епископ Пуатье с 595 г. (*Прим. ред.*)

² *Auctores Antiquissimi // Monumenta Germaniae Historia. Vol. IV, 1, Lib. II, c. 10, vv. 21–22.*

никто не смеет оспаривать. Организация целиком международного характера, полностью отказавшаяся от преобладания над телами, но необходимая всем тем, кто составляет в ней абсолютное единство веры и доктрины, без малейшего учета этических или духовных различий.

Церковь, которую знали Капетинги, совсем другая. Вне сомнения, догматы и мораль, в которой она наставляет, в целом те же, что и в церкви нашего времени. Но церковь капетингской эпохи знает лишь относительную централизацию даже к концу династии. Иннокентий III — современник Филиппа-Августа. Эта церковь не ограничивает свою активность духовной областью. Она является собственником, и значительным, земель, населенных многочисленным народом. Она — светская власть в еще большей степени, чем духовная, и в качестве таковой глубоко проникает в общество, в котором живет.

Надо спуститься к истокам, чтобы обрисовать положение церкви во Франции в эпоху Капетингов.

В меровингском обществе, сразу же после франкской победы¹, единственным устоявшимся институтом является королевство. Король правит в силу настоятельно необходимой традиции. Церковь видится лишь как один из ликов этой королевской власти. Священники считают короля избранником Божиим. Они рассматривают его власть как божественное представительство. В действительности же божественное право не создало права королевского, оно его освятило.

Королевская власть не является исключительно религиозной. Меровингский король не только представитель государства, он — его хозяин, собственник. Он располагает своим королевством как частной собственностью; его право на правление личное, неотменяемое, наследственное. Это — деспотизм, смягченный лишь запретом убивать.

Церковь склоняется перед этой властью. Король покровительствует ей, обогащает, оставляет свое право, свою внутреннюю конституцию, но не приобщает к управлению.

¹ Вождь салических франков Хлодвиг в 486 г. одержал победу над правителем римской Галлии Сиагрием, провозгласив себя королем и основав династию Меровингов (486-751 гг.). (Прим. ред.)

До конца VI в. церковь существует в государстве, не смешиваясь с ним. В течение VI в. вырисовывается движение, развившееся в следующем столетии. Церковь старается стать публичной силой, некоторое число ее канонов входит в королевское законодательство, но сам король остается вышестоящим и его власть над религиозным обществом воплощается в положении епископов. Последние приносят королю клятву верности и должны повиноваться его приказам. Епископ не может без разрешения короля покидать свой диоцез. Единственный хозяин территории, король лишь допускает с собственного одобрения отправлять правосудие. Наконец, он может вносить изменения в диоцезы. Он может вмешиваться в каноническое законодательство, так как последнее действует только с его согласия. Наконец, он назначает, когда хочет, епископов.

Такое же положение поддерживалось и при Каролингах. В их время, как и при их предшественниках, нет различия между церковным и светским обществом. Это подтверждено эдиктом в Тузи (865 г.), и теоретики этой эпохи Иона Орлеанский и Седулий Скотт не думают иначе.

Под влиянием восстановления империи в лице Карла Великого, император — а позднее и каролингский король — рассматривается как глава церкви. В качестве слуги Бога, его «викария в управлении церковью», по выражению Седулия Скотта, он следит за верой и нравами. Скорее во дворце, нежели в Риме, решаются церковные дела. Епископы становятся императорскими чиновниками, графами в области духовного.

В качестве служащего епископ получает светское имущество. Епископат одновременно становится областью мирского и официальной должностью в области духовного. В качестве чиновника епископ вверяет свою судьбу в руки суверена. Последний же имеет над епископством власть (*potestas*), осуществляемую во время вакансии фьефа (это — *регалия*, т. е. королевское право), которую он передает назначаемому им церковному чиновнику.

Дабы приблизиться к феодальной теории, оставалось только связать вассалитет епископа с дарованием епископства. Эта трансформация совершилась путем попадания в руки покровителя-суверена древнего права имущества свя-

того, патрона церкви, права слишком неопределенного, чтобы кто-то его поддерживал или защищал.

Таким образом суверен присвоил к нему такое достоинство, как земля, избрание епископа как собственность церкви. Здесь перед нами оммаж, инвеститура, феодальная форма выборного права.

Естественно, в течение IX и X вв. права короля на церковь претерпевают ту же участь, что и права регалии. Крупные феодалы, ведущие происхождение от каролингских графов, разделили их. Для периода приблизительно в два столетия старый альянс церкви и королевства разрушился в пользу сеньориальной власти.

К концу X в., когда к власти приходит династия Капетингов, большая часть епископств была зависима от знатного сеньора — короля или одного из его великих вассалов. Назначение епископа осуществляется путем инвеституры, которая распространяется одновременно на юрисдикцию, церковь и домен. Это назначение обязывает того, кто его получает, к отношениям оммажа и верности, — последние два слова выражают более или менее тесную личную связь, еще плохо определяемую и очень отличную от связи подчинения.

У Капетинга, как и у его великих вассалов, были епархии, называемые королевскими, что следует из списка этих епархий в течение двух первых столетий этой династии. Гуго Капет располагает престолами в Мансе, в Турской провинции; в Шартре, Орлеане, Париже, Мо и Сансе, в провинции Санс; в Бове, Санлисе, Суассоне, Нуайон-Турне, Лане и Реймсе, в провинции Реймс; в Лангре, в провинции Лион; в Пюи провинции Буржа. Роберт Благочестивый добавляет к ним престолы в Труа и Оксерре в провинции Санс, в Шалоне-на-Марне в провинции Реймс, в Маконе в провинции Лион, и в Бурже в одноименной провинции. Генрих I теряет Манскую епархию; Филипп I обогащается за счет Турской епархии в одноименной провинции, Теруанской и Амьенской в провинции Реймс, Шалоне-на-Марне в провинции Лион. Людовик VI добавляет епископство Аррасское в провинции Реймс, а Людовик VIII — епископство Отенское в провинции Лион, Мандское в провинции Бурж и Агдское в провинции Нарбонне.

Все, что мы сказали о епископствах, частично относится к приходам и монастырям, и список королевских монастырей с 987 по 1180 гг. насчитывает 65 религиозных учреждений, бывших — но не всегда — королевскими монастырями.

В течение всего этого периода папство, даже во времена Григория VII, успешно трудившееся над тем, чтобы прибрать к рукам церковь, имело, во всяком случае, во Франции очень относительную власть, распространявшуюся только на область духовного. И даже в этой области вопреки клятве, даваемой епископами при их посвящении, они не становятся «людьми» папы.

То же самое касается отношений епископов с их метрополией, как мы сегодня выражаемся, с архиепископом. Он — их вышестоящее церковное лицо. Это он посвящает их в сан епископа, но не является их сюзереном или сувереном.

Добавим, наконец, что эти епископы и аббаты часто рекрутируются в благородном классе и, естественно, разделяют его идеи, обладают в феодальной иерархии своими личными владениями.

Наконец, нужно без преувеличения рассматривать епископат или аббатство в капетингскую эпоху и особенно в первые два столетия этого периода как что-то вроде церковного феодализма, не могущего в отличие от светских феодалов увеличивать свои феодальные владения, над которыми король сохраняет теоретические права короля или каролингского императора.

Ибо даже не переставая ценить феодальные светские связи, капетингское королевство никогда не отказывалось от требования уважать церковь права короля. В королевских епископствах и монастырях капетингский суверен всегда требовал, чтобы его воля учитывалась во время избрания епископа или аббата. Надо было испрашивать у короля согласия на избрание преемника усопшего прелата. Часто, если не всегда, на избрании председательствует королевский эмиссар. И эти выборы не имеют никакой связи с тем, что мы понимаем сегодня под этим словом. Нет тайного голосования. Называют имя и избиратели принимают его. Надо провозгласить и принять имя кандидата, хорошо знакомого суверену, потому что последний

во время того, как престол пустует, берет в свои руки светскую власть епархии или монастыря и, естественно, если избираемый ему не нравится, будет чинить трудности в возвращении этой власти. Кроме того, он может отказаться признать выборы.

Если же он принимает последние, то новоизбранный должен принести ему клятву, и клятву, связывающую его лично, вроде той, которую приносили реймские архиепископы, начиная с Арнуля, избранного в 989 г., в которой меняются только имена собственные: «Я, Арнуль, архиепископ Реймский, обещаю королям Гуго и Роберту полностью хранить им верность, давать им помощь и совет во всех делах, не предоставлять ни помощи, ни совета их врагам, впадая в умышленную неверность»¹.

В этих условиях понятно, что история капетингской династии тесно переплетена с историей церкви в королевстве. Во всякий момент мы видим, как король вмешивается в дела королевских епископств, которые, и это надо подчеркнуть, не всегда расположены исключительно на территории собственно королевского домена и которые часто вторгаются при помощи королевской власти в домены крупных вассалов.

И поскольку епископства и аббатства часто конфликтуют с династиями или местными сеньорами, более или менее независимыми от короля, поскольку не могут ждать материальной поддержки от очень слабой метрополии или очень далекого папы, их главы охотно поворачиваются к единственной светской власти, выражающей готовность им помочь².

И делают они это тем более охотно, что капетингская династия, энергично поддерживая свои права над церквями и требуя, порой бесцеремонно, уважения последних, вы-

¹ Richeri Historiarum libri IIII. Éd. R. Latouche. Vol. II. Paris, 1937. (Classiques de l'Histoire de France au Moyen Age). p. 246-247. Liv. IV, § 60.

² Это отношение Церкви к королю запечатлено в послании капитула г. Шалона Людовику IX в сентябре 1245 г. О короле говорится, что для него «есть одно лишь убежище — Церковь, всеобщая свобода которой основана единственно на его [короле] защите, который является ее ревнителем и покровителем, и за кого вся Церковь беспрестанно и с особенным усердием, как и за все его королевство, молит Господа» // Éd. A. Teulet. Layettes du Trésor des Chartes. Vol. II. p. 456, n° 2940.

казывает себя хозяйкой твердой, но щедрой. Дары, принесенные монастырям и церквям королями, переполняют каталоги их актов. Кажется, никогда не иссякнет источник милостей, привилегий, даров деньгами и землей.

Добавьте к этому набожность государей, набожность действительную и искреннюю, уважение к духовенству, дружеский прием, который им всегда оказывается, и мы легко увидим, как сближаются, приходят на помощь друг другу король и церковники.

Итак, помогая церкви, завоевывая ее своей политикой, король делает из нее крупного феодала, богатого землей, деньгами, людьми, должного, как всякий добрый вассал, своему сеньору помощью и советом.

Феодалная служба церквей королевства королю включает частично службу, которую не всегда можно получить от светских вассалов. Известна история лысого анонимного священника, приведенная в истории Людовика VI Сугерия, вырывающего во главе своей паствы палисад, и пробивающего таким образом дорогу королевскому войску. С виду мелкий инцидент, но достаточно репрезентативный до того, что касается отношения церкви к борьбе Капетингов за то, чтобы королевская власть заняла в королевстве свое место.

Все это возможно только в связи с отношениями капетингских суверенов к главе этой церкви, к папе. Поведение чрезвычайно ловкое, в котором смешаны реальная независимость с некоторой непреклонностью, даже когда на деле уважались права, с крайним почтением, очень часто искренним и совершенно естественным расположением, которое ставит королевскую власть на сторону Святого престола, когда последний оказывается (и довольно часто) в опасности. А особенно важно то, что Капетинги избежали принципиальных разногласий. Они выжидали века, прежде чем сформулировать теорию взаимоотношений светской и духовной властей. Инциденты, произведшие на свет эти отношения, были для них всегда лишь инцидентами, которые можно ликвидировать при взаимопонимании. Во Франции не было борьбы инвеститур. Никогда не было трагических случаев вроде убийства Фомы Бекета в Англии. В общем, никаких настоящих кризисов в отношениях капетингского королевства с церковью и папой до конца XIII в. Так, всегда в добром согласии с главой

церкви, капетингским суверенам, капетингской династии, не претендующим на права, которые церковь не была готова за ними признать, не переставшим наделять ее милостынями и привилегиями, удалось восстановить в свою пользу власть, которой обладали над клириками их предшественники Каролинги. И они в этом преуспели, так что в один прекрасный день церковь поняла, что обрела хозяина, но отдала себе отчет в этом слишком поздно, когда уже не могла сопротивляться.

* * *

Прежде всего кажется, что права капетингского суверена на народные массы королевства труднее всего уяснить. В самом деле, за исключением сельского или городского населения личного домена короля, повсюду между сувереном и его подданными — если можно употребить подобное слово в эту эпоху — находится целый ряд посредников, благородных или священников, делавших практически невозможным прямое вмешательство короля. Однако подобно ситуации с привилегированными классами, Капетингам к своему концу удалось распространить королевскую власть на крестьян и бюргеров, как если бы они были светскими или церковными феодалами.

Несомненно, чаще всего им приходилось дожидаться, когда они присоединят к своему домену земли и фьефы, на которых жили эти горожане и крестьяне, чтобы полностью осуществлять юрисдикцию над ними. Но скорость, с которой осуществилось это воздействие, ничего не объясняет, если не допустить, что еще со времен, когда королевство заключалось в ограниченном домене, король уже имел право нуправлять третьим сословием, право, о существовании которого это сословие могло вспомнить. К несчастью, как сказал Люшер, «за редкими исключениями у городского и сельского люда нет истории до начала XII в.»¹, и для предшествующего периода наша докумен-

¹ Luchaire A. Les communes françaises à l'époque des Capétiens directs. Paris, 1890. p. 4.

тация умалчивает об отношениях короны и третьего сословия.

Однако следует себя спросить, как сама идея короля — высшего сюзерена могла существовать у населения, в дела которого король никогда не вмешивался и высшая власть над которым была представлена непосредственным местным сюзереном, герцогом, графом или сеньором. Следует ли допустить у них полное исчезновение королевской идеи в XI в. и видеть в восстановлении этой идеи одно из многочисленных чудес, которые угодно приписывать этой эпохе?

Бесспорно, если судить только по некоторым популярным литературным произведениям как «Песнь о Роланде», с конца XI в., задолго до подъема капетингского королевства, королевская идея начинает пониматься по-новому. Само распространение легенды о Карле Великом, первые симптомы которого относятся к периоду много более раннему этой эпохи, позволяет думать, что эта идея никогда полностью не исчезала. Можно даже предположить, что исчезновение королевской власти послужило поддержкой этой идеи, делая из короля, представителя правосудия, высшего арбитра в конфликтах, персонажа идеального, долгожданного, желаемого, который бы возвратил золотой век, бывший для людей, чье сознание было чисто эпического порядка, каролингским прошлым.

Духовенство, будучи в более близком общении с третьим сословием, способствовало выживанию королевской идеи. Во время мессы церковь официально молится за короля. По канону в *Te igitur* («Тебя же») суверен называется своим именем, равно как и в конце *Exultet* («Да возликует») на Святую субботу, а накануне этого дня одна из *Oraisons solennelles*¹ посвящена королю, имя собственное которого упоминается. Самых великих сеньоров, кажется, так не почитают. Следует ли думать, что во время всех этих упоминаний короля в ходе богослужения ничего не доходило до верующих? Очевидно, мы знаем мало о том, что происходило в церкви во время службы во времена, когда верующие не следили за этой службой по книге; но нисколько не воспрещается думать, что не-

¹ Торжественных молитв (фр.).

которые из присутствующих, по крайней мере, внимали тому, что говорил служитель и, может быть, знали, что он говорит, и понимали что-то из их литургической латыни.

К тому же часто употребляли в публичных или частных актах в качестве элемента даты год правления суверена. Этот обычай вменяет знание нотариусами имени правящего суверена и точного времени, когда он получил корону. Следует ли думать, что это знание ревниво оберегалось нотариальной корпорацией, или допустить, что этот дипломатический обычай передает достаточно общие знания об изменениях, происходящих с короной, в самых разных областях королевства? Ответ здесь маловероятен.

Наконец, исполнение воинской службы крупными феодалами, их присутствие на частых ассамблеях в *Curia regis* (в королевской курии), осуществление королевских прав над церквями и монастырями не были неизвестными народу, тем более что сопровождались отправкой послов, агентов, предоставлявших много случаев третьему сословию услышать голос короля, даже во времена, когда действия последнего были самые ограниченные.

То, что мы только что сказали, естественно, не относится к податному населению собственно королевского домена. Оно, понятно, хорошо знало короля, своего непосредственного сюзерена. Впрочем, само географическое положение домена способствовало распространению королевской идеи на остальной части королевства. Расположенный вокруг Орлеана, Парижа, Лана, этот домен, где королевская особа хорошо знакома, находится на перекрестке артерий королевства. Все, что передвигается в эту эпоху, более или менее проходит через королевские земли, слышит, как говорят о короле, часто ощущают его власть при уплате пошлин за право переезда.

Народ — горожане и крестьяне — никогда не мог утратить воспоминание о королевском институте, и также вероятно, что этот институт использовал тот факт, что он возник в прошлом, окруженный прославленной атмосферой легенды. Когда Капетингам удастся представить себя наследниками Карла Великого, примкнув к семье великого императора путем матримониальных связей, престиж каролингского королевства отразится на новой династии, и мы увидим, что Людовик VII, несмотря на свои многочисленные поражения, снискал после своего брака с Адель

Шампанской авторитет, который не знали его предшественники.

Наконец, когда в XII в. начинается великое движение объединения сельского и городского населения, приведшее к созданию коммун, Капетинг получит возможность проявить, осуществить свои права высшего сюзерена. Коммуна, коллективная сеньория, внедренная в феодальную организацию, может и должна иметь в ней неприемлемые отношения вассалитета, вплоть до индивидуумов, составляющих ее. Мы видим многочисленные коммуны вне домена, поворачивающиеся к королю, их высшему сюзерену, и просящие у него утверждения хартий. Связь, которая устанавливается путем признания королем коммунальной хартии, еще не связь непосредственной зависимости, но она подготавливает последнюю. Она подготавливает день, когда король присоединит к своему домену земли, на которых существуют эти коммуны, коммуны, над которыми королевский сюзеренитет теперь неоспорим и которые стараются не ждать этого присоединения, чтобы признать в качестве сюзерена короля.

ГЛАВА V

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОСНОВА:

СУВЕРЕН

Права, извлекаемые из сюзеренитета французского короля, не могли бы полностью осуществляться и принести свои плоды, если бы этот высший сюзерен не был одновременно сувереном, то есть наивысшей властью по отношению ко всем другим, существующим в этом мире. Ибо политическая и социальная структура Западной Европы могла в некоторых случаях поставить короля Франции в вассальную зависимость от собственных вассалов; позволяла рассматривать его в светском плане как зависящего от императора Священной Римской империи; в духовном же плане со всеми вытекающими отсюда мирскими последствиями — от власти Бога, представленного его викарием, папой римским.

Трудно утверждать, полностью ли сознавали Капетинги эту тройную опасность, но, несомненно, они пытались избавиться от нее, и в тот момент, когда исчезает династия, им это удалось.

Французский король является сеньором, теоретически самым могущественным сеньором своего королевства, но по фьефам, которыми он владеет, он подчинен феодальному обычаю. Ибо на протяжении трех столетий, в течение которых правила первая капетингская династия, ничто не отличает фьеф, который держит король, от фьефа другого сеньора. Распад каролингской империи, дары, сделанные при Меровингах и их преемниках, повлекли исчезновение или узурпацию почти всех старых доменов императорской патримонии, древнего фиска. Собственно говоря, земель, принадлежащих королю как королю, почти не осталось.

Так что король обладает большей частью своих земель как сеньор. Он может их держать как аллодист или рассматривая себя в качестве такового, и тогда он не держит их ни от кого. Это случай патримониальных доменов династии, теми, которыми обладал ее основатель. Но присоединения, совершавшиеся на протяжении столетий, находились в ином положении, особенно те, весьма многочисленные, которые были представлены маленькими фьефами, ибо для больших фьефов, вассалы которых прямо зависят от короля, вопрос, естественно, не стоит. В приобретенных им фьефах король держит землю так же, как и сеньор, которого он сменил. И если этот сеньор держал землю от другого сеньора, которому он был обязан оммажем и феодалной службой, то и король в свою очередь будет должен этому сюзерену оммажем и службой. Итак, ничего не противодействовало тому, чтобы король путем приобретения фьефа становился вассалом одного из своих собственных подвассалов.

Эта парадоксальная ситуация не могла бы существовать, когда король обретет всю полноту своих прав, и очень скоро Капетинги стали претендовать на то, чтобы не приносить оммаж.

В самом деле, в 1124 г. аббат Сен-Дени Сугерий сообщает нам интересные сведения. Он рассказывает нам, что король Людовик VI, отправляясь в аббатство Сен-Дени взять знамя святого, на которое он имел право по графству Вексен, находящемуся в его держании как фьеф от монастыря, торжественно объявил, что, будучи вассалом церкви по этому графству, он принес бы оммаж, «если бы не был королем», «*si rex non esset*»¹. Впрочем, эта история несколько неясна, и королевское заявление малопонятно на тот момент, когда оно сделано. Более того, в хартии, упоминающей это взятие знамени, нет слов об оммаже². Однако рассказ Сугерия выражает состояние дел, которое казалось бесспорным. И впрямь мы никогда не увидим, чтобы король вел себя как вассал Сен-Дени.

¹ Suger. De rebus in administratione sua gestis // Oeuvres. Éd. par Lecoy de La Marche. Paris, 1867. p. 161–162.

² Tardif. Monuments historiques. Cartons des rois. Paris, 1866. p. 217, n° 391.

Для 1184 г. у нас есть более точные свидетельства. Филипп-Август, получив графство Амьенское, стал по этому графству вассалом епископа Амьенского. Итак, он должен был последнему оммажем и службой. Но как он сам заявляет, амьенская церковь «решила и согласилась оставить за нами указанный фьеф без принесения оммажа, ибо мы не должны и не можем никому приносить оммаж»¹. И, чтобы компенсировать убыток, причиненный амьенской церкви, король оставил ей право пристанища, которым он обладал, с оговоркой, что «если когда-либо названная земля попадет в руки того, кто мог бы принести оммаж амьенской церкви, оммаж по поводу указанного фьефа будет приноситься заново» и право пристанища будет возвращено королю. В 1192 г. аналогичное соглашение было заключено между епископом Терауанским после приобретения Эсдена Филиппом-Августом.

В 1223 г., когда Людовик VIII вступил в обладание огромными доменами, конфискованными у альбигойских еретиков, епископ Нарбоннский актом, датированным октябрём месяца, получил постоянную ренту в 400 турецких ливров как компенсацию за оммаж и службу, которые ему должен был король за некоторые домены, перешедшие в его руки, поскольку он «не мог никому приносить оммаж», *«et ipse nemini homagium facere teneatur»*².

На Сретенье 1270 г. Парламент издал постановление, принятое к исполнению в апреле месяце³. Он не заявлял, что король не может приносить оммаж епископу Кутанса за графство Мортен, но признавал, что, несмотря на все просьбы этого прелата к суверену, последний отказался принести оммаж. Он даже решил, с согласия епископа, что бальи Котантена будут приносить оммаж ему всякий раз, когда он окажется в их бальяже. Легкое отступление от позиций, занимаемых короной до сих пор; но мы уже в конце правления Людовика Святого.

¹ Recueil des actes de Philippe Auguste. Vol. I. Paris, 1916. p. 169–170, n° 139.

² Éd. A. Teulet. Layettes du Trésor des Chartes. Vol. II. p. 94, n° 1808.

³ Olim (Les) ou registres des arrêts rendus par la Cour du roi. Éd. Beugnot. Paris. 1839. Vol. I. p. 327–328. Cf. L. Delisle. Cartulaire normand. n° 778, dans: Mémoires de la Société des Antiquaires de Normandie. Vol. XVI. 1852. p. 178.

Наконец, 20 февраля 1285 г. принц Филипп, сын Филиппа III Смелого, законный наследник короны, женившись на Жанне Наваррской, графине Шампани и Бри, должен был принести со стороны жены оммаж епископу Лангрскому за некоторые шампанские фьефы. Он исполнил эту церемонию, но в документе, удостоверяющем это предоставление оммажа, он велел объявить: «при том условии, что, если мы унаследуем Французское королевство, оммаж будет аннулирован и не будет считаться; однако оговариваем, что мы будем вынуждены дать названному епископу или его преемнику на лангрском престоле вассала, который в состоянии держать фьеф и приносить оммаж епископу или же заключить с ним любовное соглашение»¹.

В свете изложенных здесь фактов можно было бы предположить, что такая позиция, занятая королевской властью в плане оммажа, относится только к церкви, и думать, что со светским сеньором все обстояло бы иначе.

В самом деле, мы видим, что Филипп Красивый в своем великом ордоннансе от марта 1303 г. о переустройстве королевства, не возобновляя заявление о невозможности для короля приносить оммаж, фиксирует правило, которому надо следовать в случае приобретения фьефа по отношению к сеньору, которому должно принести оммаж. Король решает, что, если ему придется отобрать путем конфискации фьеф у какого-либо сеньора, он должен будет «или же поместить фьеф вне своих владений, передав его какому-нибудь человеку, способному нести службу, или же дать сеньору фьефа достаточную и разумную компенсацию»². Здесь нет никаких различий между светскими и духовными сеньорами; речь идет об общих вещах. Тем не менее, все исчезает перед текстом постановления Парламента от 22 октября 1314 г., вводящего в действие ордоннанс 1303 г., в котором заявлено, что французские короли не должны приносить оммаж своим подданным³.

¹ A. Longnon. Documents relatifs aux comtés de Champagne et de Brie. Vol. I. Paris, 1901. p. 486, n° 61.

² Ordonnances des rois de France de la troisième race. Paris, 1723. Vol. I. p. 358; E. Boutaric. Rapport sur une communication de M. Beauchet-Filleau // Revue des Sociétés savantes. 1866. 2e semestre. p. 446.

³ Olim. Vol. II. p. 616, n° 5.

Так в этом важном пункте французскому королю удалось уклониться от общего закона. Он мог, как все сеньоры, иметь вассалов, но не признавал сюзерена среди сеньоров своего королевства¹.

Значит ли это, что он сам становился вне королевства? Однако в средневековой Европе существовало лицо, теоретическую власть которого в области мирского должны были признавать все, — император. Но эта идея набрала свою силу лишь в XIII в. с возрождением римского права и работами юристов школы в Болонье.

В тот момент, когда Капетинги восходят на трон Франции, концепция, вырабатываемая в Священной Римской империи, несколько отлична. Об империи Карла Великого думают больше, чем о Священной Римской империи; восстановление империи Оттоном I — это каролингское восстановление. Но потомство Карла Великого сохранилось во Франции, а не в Германии. Адсон, знаменитый аббат Монтьеранде в своем *Libellus de Antichristo*², посвященном королеве Герберге, жене Людовика IV Заморского (936–954), писал: «Королевство римлян большей частью уничтожено, но поскольку существуют короли Франции, которые должны держать римскую империю, достоинство римской империи целиком не погибло. Оно живет в них»³.

Это, возможно, объясняет то, что потомки Оттона I с неудовольствием видели в новой французской династии прямых потомков Карла Великого. Но если в императорском окружении на момент избрания Капетингов некоторые, вроде Герберта, с 998 г. известного под именем папы Сильвестра II, и пытались поставить новую династию и ее королевство в вассальную зависимость от императора, то это намерение не удалось.

Капетинги всегда выказывали желание жить в мире со Священной Римской империей. Их к этому вынуждали и внутренние трудности в королевстве. Но никогда они не допускали того, чтобы очутиться в положении вассала императора. И со своей стороны, императоры никогда не

¹ На эту привилегию успешно притязали также принцы из королевской семьи, например, брат Людовика Святого, Альфонс де Пуатье. См. Boutaric. *Loc. cit.* p. 446.

² «Небольшое сочинении об Антихристе» (лат.).

³ Migne. *Patrologia latina*. Vol. 101, col. 1295.

считали Капетингов вассалами и нижестоящими. Как совершенно справедливо заметил немецкий историк¹, французский король был единственным сувереном в Европе, с которым германский король договаривался на равных.

У нас сохранился детальный рассказ о встрече в августе 1023 г. императора Генриха II и Роберта Благочестивого². Оба государя встретились 6 числа этого месяца на берегах Мааса, причем император расположился в Ивуа, на правом берегу реки, а король французский в Музоне, на левом берегу. Оба были окружены многочисленной свитой. Собралась большая толпа зрителей. Какой из двух суверенов сделает первый шаг навстречу другому? Дожидались четыре дня. Потом император, припомнив мудрый завет «Чем выше ты, тем больше должен во всем унижаться», решил пересечь реку в сопровождении нескольких сеньоров и нанести французскому королю первый визит, который был ему возвращен на следующий день. Это было поведением не вассала, что подтвердит случай в 1043 г. в той же деревне Ивуа при встрече с императором Генрихом, ибо свидание закончилось бурно и французский король обвинил императора в том, что он был избран незаконно германскими суверенами.

Впрочем, скоро ссора со Святым престолом поглотила все внимание германских императоров. Французский король нисколько в нее не вмешивался, кроме того что принимал под различными предлогами высшего понтифика, когда его противник делал невозможным для него пребывание в Риме и в Италии. Император, правда, много раз требовал, чтобы Филипп I стал на его сторону, но императорские требования никогда не принимали форму выговора сюзерена вассалу, и Филипп ограничился тем, что ничего на них не отвечал. И действительно, именно при этом государе началось сближение французской королевской власти и Святого престола, достигшее своего апогея при Людовике VII. Это сближение даже повлекло некоторое охлаждение франко-германских отношений. Мы видим,

¹ W. Michael. Die Formen des unmittelbaren Verkehrs zwischen den deutschen Kaisern und souveränen Fürsten, vornehmlich in X, XI und XII Jahrhundert. Hambourg, 1888. p. 17-18.

² Raoul Glaber. Histoire universelle. Éd. Prou. Paris, 1886. Liv. III, C. 2. p. 58-59.

как при Людовике VI в 1124 г. император Генрих V тщетно пытается напасть на Шампань: собираемые им войска не соединились.

Английский писатель Вальтер Мап в своем «*De nugis curialium*»¹ сообщает по поводу последнего события текст письма, посланного императором Генрихом французскому королю, и развязный ответ, данный Людовиком VI последнему². Письмо и ответ кажутся более чем сомнительной аутентичности. Этот краткий рассказ ничего не приоткрывает, кроме того, возможно, что в глазах писателя король французский никоим образом не признавал себя вассалом императора.

Но с избранием Фридриха I Барбароссы положение меняется. С этим сувереном утверждаются претензии Гогенштауфенов на наследие Августа, Константина и Теодориха. Эта эпоха, когда Барбаросса пишет византийскому императору, что Франция, Испания, Англия, Дания и другие пограничные с империей страны постоянно посылают к германскому двору посольства, выражающие уважение своих монархов и укрепляющее их повиновение, и, дабы гарантировать его, дают клятвы и залог; кстати, правда, что касается французского короля, то это было, скорее, желанием императора, чем действительностью. Император величает себя Августом, Императором римлян (*Romanorum Imperator Augustus*), заявляет, что держит в своих руках управление Римом и миром, (*urbis et orbis gubernacula*), потому что ему надлежит присматривать за судьбами христианского государства, мы должны заботиться о Священной Империи и божественном государстве (*Sacre Imperia et divinae Reipublicae consulere debemus*). По его мнению, римская империя возносит его над всеми королевствами и княжествами, подобно тому, как солнце возносится над всем. Заявление столь же напыщенное, как и неопределенное. Не более того. На сейме в Сен-Жан-де-Лоне Фридрих и его канцлер Рейнхольд фон Дассель пренебрежительно говорили об этих царьках, *reguli*, маленьких королях провинций империи, осмеливающихся вмешиваться в дела

¹ «О придворных мелочах» (лат.).

² Walter Map. *De nugis curialium*. p. 229.

Римской церкви¹. Намек на французского короля Людовика VII, принявшего сторону папы Александра III против императорского кандидата, был очевиден. Никто в этом не сомневался. Сатирическая поэма того времени приписывает императору даже намерение послать посольство французскому королю, чтобы утвердить императорскую супрематию, напомнить ему, что он должен подчиниться римскому праву и пригласить на службу этой империи².

Это поведение Фридриха Барбароссы воскрешается у его непосредственного преемника императора Генриха VI, и затем у Оттона Брауншвейгского, гвельфа, отправившегося по стопам гибеллинов³. Его претензии на универсализм, на сюзеренитет империи над всеми королевствами находили поддержку среди болонских легистов, его пламенных защитников, счастливых видеть воскрешение Римской империи, право которой было предметом их изучения. Но эти претензии, естественно, вызвали негативную реакцию государей, поставленных таким образом, без учета их мнения, в императорскую зависимость. Французский король при помощи папы в этих обстоятельствах отказывался от императорского вассалитета.

Прежде всего Капетинг начал привязывать себя к семье Карла Великого. Людовик VII женился на Адели Шампанской, принцессе каролингского рода; его сын Филипп, Каролинг, по словам Гийома Бретонца, последовал его примеру. Филипп не имел никакого намерения склоняться перед претензиями императора. Папа Иннокентий III мог ему сказать, что император мечтает получить от него оммаж⁴, но эта мечта так никогда и не исполнилась. Императорское прозвище Август, данное Филиппу его биографом Ригором и сохраненное за ним историей, ясно характеризует его отношение к императорской мечте о

¹ Saxo Grammaticus. *Gesta Danorum*. Éd. Watterich. Pontificum Romanorum Vitae. Leipzig, 1862. Vol. II. p. 532.

² Ed. J. Acher. Le jubilé de M. Hermann Fitting, dans *Revue générale de Droit*. Vol. XXXII, 1908. p. 152.

³ Гвельфы и гибеллины — название враждующих политических партий, поддерживающих соответственно представителей династии Вельфов и Гогенштауфенов в борьбе за трон императора. Папство принимало сторону Вельфов. (*Прим. ред.*)

⁴ Registrum de negocio Imperii, epist. 64 // Migne. Pat. Lat. Vol. CCXVI, C. 1071.

супрематии. За ним следовало и общественное мнение, вслед за жонглерами видевшая в Карле Великом французского короля.

Но король Франции не ограничился привязкой к семье великого основателя Западной империи и отсутствием действий как вассала империи. Он старается урегулировать вопрос в плане теоретическом, следит за тем, чтобы избежать всякой видимости императорских действий в своем королевстве. В этом ему поможет Святой престол.

В 1202 г. декреталия «К почитаемому» (*Per venerabilem*), изданная папой Иннокентием III по поводу просьбы о узаконении детей Гийома VIII де Монпелье, объявила, что король Франции не признает в светском плане никого вышестоящего, «Поскольку король вообще не признает никого вышестоящего в светских отношениях» (*Cum rex superiorem in temporatitibus minime recognascat*¹).

В 1219 г. папа Гонорий III по просьбе Филиппа-Августа запретил обучение римскому праву в Парижском университете² — мера предосторожности против императорских претензий, который мог сослаться на употребление этого права средиземноморским населением французского королевства, дабы отстаивать свое право на королевство как часть новой римской империи.

Король Франции, со своей стороны, трудился в том же духе. В 1254 г. Людовик Святой в своем непосредственном домене, где теперь фигурируют сенешальства Бокерское и Нимское, разрешает населению этих сенешальств сохранять обычай римского права, но подчеркивает, что король не считает себя связанным с римским правом этими римскими законами, «поскольку власть их (законов) не связывает нас» (*non quod earum obligat nos auctoritas*³). Наконец, в 1312 г. Филипп IV Красивый, организовав изучение римского права в Орлеанском университете, спешит объявить, что римские предписания на Юге являются не правом, вводимым его собственной властью, но только

¹ *Registrum*. Liv. V, ep. 128 // *Migne. Pat. Lat.* Vol. CCXIV, C. 1132.

² *Décrétale Super specula* (16 novembre 1219) // *Denifle et Chatelain. Chartularium Universitatis Parisiensis*. Vol. I. Paris, 1889, n° 32. p. 92.

³ *Isambert. Recueil des anciennes lois françaises*. Paris, 1821. Vol. I. p. 264.

обычаем, сформировавшимся при одобрении королевской власти писанного права¹.

С другой стороны, под воздействием конфликта между императором Фридрихом II и Святым престолом заявление Иннокентия III в декреталии *Per venerabilem* было с жаром прокомментировано в мире канонистов, и Синибальдо Фиески, который станет папой под именем Иннокентия IV, в своем комментарии декреталий четко отбросит идею подчинения французского короля императору². Французские юристы-законники выскажутся в том же духе, и мы видим, как появляется и воспроизводится в их произведениях знаменитый тезис, что «король не держит ни от кого, кроме Бога и себя».

Вне сомнений, вплоть до конца капетингской династии существовали еще юристы, отказывающиеся расстаться с этими универсалистскими идеями, благоприятствующими теоретической супрематии императора над королем, но юридические спекуляции этих юрисконсультов ничего не значили на практике. В действительности же мы видим Жана Парижского или Гийома де Манда как наиболее упорствующих в абсолютной независимости французского короля.

Так что факты показывают тщетность этих императорских претензий на супрематию королей. Оттон Брауншвейгский сражался при Бувине в июле 1214 г. и был разбит Филиппом-Августом. Соперник Филиппа-Августа Фридрих Швабский, будущий император Фридрих II, посвященный в следующем году в сан короля римлян в Эккла-Шапель, снова бросил империю в итальянскую авантюру, возобновив конфликт со Святым престолом. В течение этого конфликта, пытаясь привлечь на свою сторону королей Западной Европы, он старался показать им, что его дело — это и их дело, и он не будет брать на себя супрематию над кем-либо из тех, от кого он ждет материальной и моральной поддержки.

Потом, после смерти Фридриха II, 13 декабря 1250 г., началось то, что называют великим междоусобицей. В течение более века, за исключением периода с 24 июня 1312 по 24 августа 1313 гг., в течение которого правил Ген-

¹ Ordonnances. Vol. I. p. 502.

² Apparatus in quinque libros Decretalium, sur c. 13, IV, 7.

рих VII Люксембург, императорская корона оставалась без государя. Будут римские короли, избранные императорскими выборными, но ни один из них не получит из рук верховного понтифика помазание, делающее императора императором. Эти короли будут казаться своим современникам тем, чем они были в действительности, суверенами Германии и суверенами довольно слабыми, занятыми в целом борьбой с конкурентами, неспособными, несмотря на их желание и усилия, закрепить римскую корону за своей семьей.

В течение этого длительного междуцарствия у римских королей было достаточно забот, чтобы претендовать на превосходство над всеми остальными суверенами. Впрочем, им для этого недоставало императорской короны, предмета их вожделений. Далекие от того, чтобы считать французского короля нижестоящим, некоторые из них ищут его помощи, чтобы получить эту корону. Так поступали Альберт Австрийский и Генрих Люксембург. По правде, со смерти Фридриха II и вплоть до избрания Валуа на деле императором на Западе был французский король.

Не пытался ли он стать им по праву, заставив передать себе самому императорскую корону, которую носил его предок Карл Великий? Конечно же, этого желали. В 1272, 1308, 1313, 1324 гг. Капетингов пытались вовлечь в эту авантюру, пытаясь заставить избраться то самого короля, то члена его семьи. Но здравомыслие Капетингов уберегло их от императорских мечтаний. Сделанные им посулы оставили их равнодушными. Они никогда серьезно не поддерживали в качестве кандидатов на престол Священной Римской империи принцев своего дома. Марино Санудо даже рассказывает нам, что окружение Карла IV Красивого отказалось воспринять всерьез чешского короля Иоанна Люксембургского, излагавшего красивые идеи по возложению императорской короны на голову своего зятя, французского короля. Последнему достаточно было навсегда избежать императорских претензий на суверенитет, провозгласить свою высшую власть по отношению к власти императора или папы и заявить, что король Франции не признает никакого верховенства в мирских делах. Ему

довольно было стать, как говорили с 1300 г. в его окружении, «императором в своем королевстве».

* * *

Не ведая никакого сюзеренитета в своем королевстве, никого вышестоящего в мирских делах вне своего королевства, наследники Гуго Капета, пламенные христиане, верные слуги церкви, никогда и не помышляли о том, чтобы опротестовать в духовном плане суверенитет главы этой церкви, папы, викария Бога на земле. Но этот суверенитет в обществе, глубоко проникнутый религиозными элементами, очевидно, мог иметь опасные последствия для королевской власти. Не всегда возможно было провести четкую границу между мирским и духовным. Следовало определить взаимные позиции высшего понтифика и французского короля, суверена в делах мирских.

В течение двух первых столетий этот вопрос не стоял. Вначале, потому что французские короли были очень слабыми, чтобы позволить в случае столкновения двух властей раздражаться и развязать конфликт. Позднее Святой престол при столкновении со Священной Римской империей, пытаясь найти в этой борьбе поддержку французского короля, должен был избегать конфликтов при мелких инцидентах, которых хватало в отношениях между двумя сторонами.

В течение XIII в. положение изменилось. С усилением своего могущества и расширением власти французский король становился все более подозрительным и чувствительным к задеванию своего суверенитета. И одновременно Святой престол, победоносно выйдя из борьбы со Священной Римской империей, начинает постепенно развивать политическую доктрину, делавшую из папы духовного суверена, мирского суверена этого мира через посредничество духовного начала. Начатая Григорием VII в ходе его борьбы с императором Генрихом IV, воспринятая и развернутая с мягкой умеренностью Иннокентием III в его декретах «Он знает» (*Novit*), теократическая доктрина излагается безоговорочно в энциклике «Изгони у него легкомыслие»

(*Eger cui levia*), опубликованной Иннокентием IV во время его борьбы с императором Фридрихом II. Направленная целиком против императора, эта теория до некоторой степени могла касаться французского короля. Однако Капетинги не отреагировали на нее. Тем не менее, они не могли игнорировать опасность, которую она представляла для них, и император Фридрих II позаботился, чтобы их в этом убедить. Но им она, вне сомнения, казалась лишь интеллектуальной спекуляцией; и известно, что Капетинги, во всяком случае, до Филиппа Красивого, выказывали мало интереса к спекуляциям подобного порядка. Довольно долго, пока папа умеренно вмешивался в дела королевства, король действовал по отношению к церкви во Франции подобно своим предшественникам, но до тех пор, пока Святой престол не провозгласил новые теории. Капетинги продолжали вести по отношению к церкви традиционную политику своего дома: выказывать себя покорными и услужливыми сыновьями, способными дать почувствовать уважительно и твердо, что это подчинение может иметь границы, извлекая отсюда ценную пользу, полюбовно урегулируя неизбежные инциденты и избегая прежде всего дискуссий о принципах.

Но хотя этот конфликт и запаздывал, избежать его было нельзя. Король не мог быть настоящим сувереном в королевстве, пока чужая власть в этом королевстве могла, как претендовал на это папа, вмешиваться в его дела от имени морали, чтобы ограничить или даже прекратить действия короля. Уже во время борьбы с Иоанном Безземельным Филиппу-Августу пришлось довести до папы, что в эту ссору вассала и сюзерена, в этот вопрос, касающийся фьефа, который составлял суть франко-английской войны, никто не имеет права вмешиваться¹. Папа, однако, ратовал за свое право вмешательства, но ему достало мудрости ограничить его чисто моральной областью и добавить: «Пусть никто не думает, что мы хотим чем-то смутить или приуменьшить юрисдикцию знаменитого короля Франции... Но мы едва ли можем противостоять долгу

¹ Apparatus in quinque libros Decretalium, sur c. 13, IV, 7.

нашей юрисдикции. Почему мы и осмеливаемся посягать на юрисдикцию другого»¹.

Теократические заявления Иннокентия IV не являлись поводом (в том, что касается Франции) перейти к практике. За исключением нескольких неизбежных инцидентов, между Святым престолом и французским королем вплоть до последних лет XIII в. царил мир. Но в конце этого столетия Бонифаций VIII и Филипп Красивый сталкиваются по опасному вопросу о принципах, который королевство и Святой престол сумели избежать в течение трех столетий.

Здесь не место рассказывать о разногласиях между папой и королем. Достаточно было бы определить позиции обоих противников, отметить некоторые из их заявлений, открыть кое-какие их действия, обозначить конечный результат.

Первый акт этих разногласий, первый конфликт имел под собой чисто финансовые причины, — денежная помощь, потребованная королем от клира и церковей своего королевства на борьбу против его восставшего вассала — английского короля, герцога Аквитании. В самом деле, *pro defensione regni*² король имел право требовать от всех своих подданных помощи. Клирики, имеющие свое личное состояние, не составляли исключения. Вопрос о церковном имуществе никогда серьезно не рассматривался. На практике в течение XIII в., за исключением отказа папы Николая IV в 1292 г., Святой престол всегда предоставлял королю для необходимого использования на благо веры и церкви запрашиваемые последним десятины.

В 1294 г. Филипп Красивый получил от различных провинциальных синодов, заседавших с июля месяца до конца года и даже в течение февраля 1295 г. двухгодичную десятину без совета со Святым престолом и без протестов с его стороны. Но папский престол долго оставался вакантным до избрания Целестина V, понтификат которого был кратким, что, вероятно, и объясняет молчание Рима

¹ Registrum Innocentii IV, lib. VII, ep. 42 // Migne. Pat. Lat. Vol. CCXV, col. 326.

² Ради защиты королевства (лат.).

по этому случаю. В 1295 г. король поднял размер взимаемой сотой части имущества, потом пятидесятой, которые обе ударили по состояниям клириков. Раздавались кое-какие протесты, но папа молчал. В 1296 г. Филипп Красивый попросил и получил от ассамблеи прелатов новую десятину. На сей раз протесты были многочисленнее и энергичнее. Поскольку король английский так же обходился со своими священниками, Бонифаций VIII счел своим долгом вмешаться и декреталией «Клирикам о мирянах» (*Clericis laicos*¹) от 24 февраля 1296 г., направленной как против французского короля, так и против английского, запретил всякой светской власти облагать клириков налогами без утверждения Святым престолом, а клирикам платить или предоставлять помощь или субсидии светским властям без того же разрешения.

Не следует судить эту декреталию с позиций наших современных идей. Как такового налога в эту эпоху не существовало. И все же речь не шла об отказе королю в деньгах, и король первым допустил, что клир его королевства не может воспротивиться финансовой помощи. Нужно согласие церковников. Но серьезным было то, что глава церкви запретил клирикам давать свое согласие. В этом, бесспорно, и состояло вмешательство в дела королевства, посягательство на королевский суверенитет. И вопреки запирательствам Бонифация VIII в булле «Невыразимая любовь» (*Innefabilis amoris*) от 20 сентября 1296 г., те, кто по свидетельству папы говорили королю: «Прелаты и церковники твоего королевства не могут исполнять службу фьефа или платить помощь ввиду обладания фьефом..., не могут приносить дары королю, ни чаши, ни коня»², возможно, были не так уж и далеки от правды, на которую претендовал понтифик.

Впрочем, Бонифаций VIII быстро сдал свои позиции и в конечном счете 31 июля 1297 г. утвердил короля в случае необходимости в праве взимания финансовой помощи от клира его королевства даже без утверждения

¹ Les registres de Boniface VIII. Éd. Thomas, Faucon, Digard et Fawtier. Paris, 1931. Vol. I. C. 584-585, n° 1567.

² Registres de Boniface VIII. Vol. I. C. 619 n° 1653.

Святым престолом, без утверждения Римским понтификом (*«inconsulto etiam Romano Pontifice»*)¹.

В течение этого первого конфликта можно отметить лояльность духовенства Франции в целом по отношению к королю. Можно видеть также, что папа настолько увлекся, что попытался запугать короля, угрожая ему поставить силы церкви на служение иноземным соперникам французской короны и воспользоваться оппозицией, существовавшей против него внутри королевства: в общем, довести до него, что Святой престол может развязать против него иностранную и гражданскую войну. Наконец, памфлетисты, возобновляя словесные обличения конфликта между Фридрихом II и Иннокентием IV, произносили слова, беспокоящие церковь, тем более что, возможно, некоторые персоны из королевского окружения если не инспирировали, то во всяком случае одобряли их. Так, анонимный автор «Диалога между клириком и рыцарем» заявил, что церковная свобода, дарованная установлением принцев, может быть отобрана и приостановлена государями в интересах общественного блага; и не надо говорить, что право отобрать принадлежит только императору, а не королям; наконец, французский король имеет право изменить имперское законодательство². И этот анонимный писатель после утверждения, что короли Франции являлись хранителями королевства до того, как появились клирики, *«Antequam essent clerici»*³, дал церкви опасное для духовной власти определение: «Святая мать церковь, супруга Христа, состоит не только из клириков; часть ее также составляют миряне и не только для клириков воскрес Христос»⁴.

Впрочем, конфликт прекратился без обремененного деталями урегулирования. Но следующий инцидент — арест епископа Памье Бернара Сейссе — привел к окончательной встрече двух противников. Непосредственная причина этого второго конфликта — епископ Памье — быстро отошла на второй план, и на сей раз столкнулись принципы.

¹ Eod. loc. Vol. I. C. 942, n° 2354.

² Goldast. *Monarchia sancti Romani imperii*. Hanau, 1612. Vol. I. p. 17.

³ «Прежде чем были клирики» (лат.).

⁴ Опубликовано у Дюпюи: Dupuy. *Histoire de différend*. p. 12.

В булле «Внемли, сын» (*Ausculda, fili*) от 5 декабря 1301 г. говорится, что глава церкви стоит «над королями и королевствами», как сказал некогда Иеремия. Папа добавляет: «Пусть же никто не убеждает тебя, дражайший сын, что ты высший и подчинен высшему главе католической иерархии. Кто думает так, тот безумец, а кто упорствует в поддержке сего, является неверным, вышедшим из лона церкви Господа». И чтобы показать, что эти претензии Святого престола не являются исключительно теоретического порядка, папа, адресовав королю многочисленные упреки его поведению, упреки, не относящиеся исключительно к духовной сфере, сообщал ему в следующих словах свое намерение собрать в Риме, за пределами королевства, 1 ноября 1302 г. собор, на котором будут присутствовать французские прелаты: «Чтобы направить Вас на правый путь, мы считали бы себя вправе обратиться против Вас Ваше оружие, лук и колчан. Но мы предпочитаем посоветоваться с церковными лицами Вашего королевства, прежде чем отдать приказ во исполнение того, что надлежит для установления мира, спасения и процветания названного королевства. Вы можете лично присутствовать на сей ассамблее или прислать представителей. Впрочем, мы приступим и в Ваше отсутствие. И Вы услышите, что угодно Богу сказать нашими устами»¹.

Годом позднее в булле «Единая Святая» (*Unam Sanctam*) от 18 ноября 1302 г. Бонифаций VIII в следующих выражениях закончил позицию относительно духовной и светской властей: «Святая католическая церковь — единая и апостолическая; в этом — догмат, в который предписывает нам верить и хранить его вера...; вне ее нет ни спасения, ни отпущения грехов... Сия церковь, единая и единственная — только одно тело и одна голова, а не две головы, что было бы чудовищным; это — Христос и викарый Христа, Петр и преемник Петра... В этой церкви и в ее власти есть, как нам известно из Евангелия, два меча, духовный и светский... Естественно, тот, кто отрицает, что светский меч принадлежит святому Петру, недостаточно воспринимает слова Господа: вложи свой меч в ножны. Так что два меча, духовный и светский, находятся во власти церкви; но один должно держать в руках для

¹ Les registres de Boniface VIII. Vol. III. C. 328-335, n° 4424.

церкви, а другой церковью; один должен быть в руке священника, другой в руках короля и рыцарей, но по приказу священника и поскольку он позволяет. Ибо надо, чтобы меч был под мечом, а светская власть подчинена духовной. Духовное могущество торжествует достоинством и благородством над всяким мирским могуществом... Духовное могущество должно устанавливать светскую власть и судить ее, ежели она нарушает свой долг... Если светская власть отклоняется в сторону, ее должно судить духовной власти; но если низшая духовная власть сбивается с пути, она может быть судима своим вышестоящим; а если это высшая церковная власть, ее может судить только Бог... И наконец мы заявляем, говорим и определяем подчинение римскому понтифику, чтобы обрести спасение»¹.

И вот в интервале между двумя буллами в консистории 24 июня 1302 г. папа в речи перед членами Священной коллегии, в которой он желал оправдаться от упреков, направленных французским двором, заявил: «Ежели король не желает раскаяться, если не попытается пристать к нашему берегу, мы не будем его мучить; но в последующем мы ему ответим сообразно его безрассудству. Мы знаем положение в королевстве, нам известно все, мы знаем при всех обстоятельствах, что нам предпринять; мы знаем, какие чувства питают французы, немцы, жители Лангедока и бургундцы... Позвольте мне, братья мои, сказать, что наши предшественники сместили трех французских королей; они могут прочесть сие в своих хрониках, как мы читаем в наших декретах. И хотя мы не считаем достойными затевать скандалы, как наши предшественники, но поскольку король совершает подобные злоупотребления, мы сместим его как слугу»².

Таким образом, позиция Святого престола была выражена ясно. Папа объявлял себя выше короля в его королевстве. Он созывал в Риме епископов и прелатов, чтобы судить там короля присутствующего или отсутствующего. Он угрожал королю низложением и не только духовными молниями.

¹ Les registres de Boniface VIII. Vol. III. C. 888-890, n° 5382.

² Dupuy. Histoire de différend. p. 79.

В этом папском наступлении против суверенитета французского короля самым ужасным было то, что оно опиралось на идеи, нисколько не внушавшие отвращения умам этого времени. Превосходство Святого престола в духовной области никем не оспаривалось. И то, что принимали, это последствия, которые это превосходство могло повлечь для светской власти.

Чтобы победоносно бороться против этой опасности, следовало сделать высшую духовную власть папы незащищенной и менее опасной для короля. Филипп и его советники преуспели в этом. Папе они в самом деле противопоставили всеобщую церковь, которая, как напоминал памфлетист, цитированный выше, «состоит не только из одних клириков; миряне также входят в нее». Папа может быть главой церкви, но есть нечто, перед чем склоняется его власть, — это решения церкви, собранной на ассамблеи, каноны соборов. Если папа признает власть соборных решений, то это означает, что собор выше папы. Папа обвиняет короля в дурном обращении с французской церковью, в том, что он не ведет себя как покорный сын. Король отвечает, обвиняя папу в том, что он — самозванец, еретик, прожорливый волк, что он неправо облекся апостольским достоинством, дабы сеять смерть в овчарне. И против этого самозванца созывается всеобщий собор.

Чтобы придать этому созыву силу, король заставляет его поддержать все население своего королевства, с которым советуются начиная с 15 июня 1303 г. по всей Франции, и поддержка короля почти единодушна. Затем, при такой поддержке французская королевская власть, заимствуя у римской процедуры расследования свой образ действий, обосновывает осуждение данного лица. 7 сентября 1303 г. в Ананьи папу задержал Гийом де Ногаре. Безусловный арест, ибо население Ананьи, перекинувшись в другой лагерь, предало его. Не перенеся удара, Бонифаций VIII, привезенный своими сторонниками в Рим, умер там 21 октября.

В продолжение этого дела мы припомним только один факт: дезавуирование церковью позиции, занятой Бонифацием VIII. 27 августа 1311 г. папа Климент V буллой

«Царь Славы» (*Rex gloriae*)¹ приказал уничтожить в регистрах апостольской канцелярии все то, что могло опорочить французского короля. Так что из этих регистров исчезли тексты булл «Единая Святая», «Спаситель Мира», «Внемли Сын» (*Unam Sanctam, Salvator Mundi, Ausculta, fili*) и другие. Наконец, было объявлено о «добром, искреннем и справедливом» рвении, проявленном Филиппом Красивым в его борьбе против Бонифация, и король был признан «абсолютно невинным и безгрешным».

Булла «Царь Славы» *Rex gloriae* обозначает точный момент, когда король Франции добился полного суверенитета, дата, начиная с которой он не признает никакого авторитета над собой. Отныне он, как говорит его окружение с 1300 г., «император в своем королевстве» и император, получивший свою корону только от Бога и по его законам.

Заметим, чтобы закончить, что в течение этого движения к абсолютной независимости французский король избежал провозглашения принципов в ордоннансах, опубликованных его властью. Он предпочел заставить признать превосходство его положения теми, кто попытался его опротестовать. Это — епископы, объявляющие короля неловким и беспомощным для того, чтобы получить оммаж своих подданных. Именно папе, стоящему над императором, обязаны заявлениями об абсолютной независимости французского короля от императора. Наконец, если Святой престол смолчал на абсолютную независимость светской власти от власти духовной и ее превосходство над ней, то это означает, что церковь признала эту независимость и превосходство, уничтожив акты, которыми неосторожный понтифик имел смелость опротестовывать подобное положение вещей, опозорив память Бонифация VIII похвалами усердию его победителя.

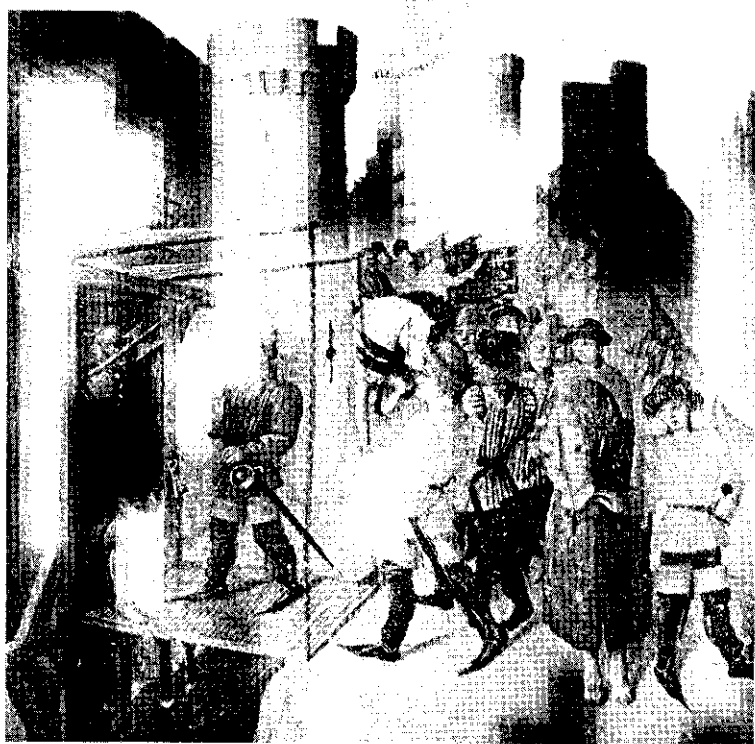
---

¹ Dupuy P. Histoire de différend. p. 600.

ГЛАВА VI

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ
ОСНОВА:

КАПЕТИНГСКАЯ
ПАТРИМОНИЯ

Капетингам понадобилось три столетия, чтобы, не опасаясь насмешек, называться «императорами в своем королевстве». Они добились этого потому, что в обществе, где обладание землей являлось единственным источником могущества, они смогли создать более значительный домен, чем домены других суверенов в ту же эпоху, домен, в котором официальный документ, составленный в 1328 г. вследствие довольно точной переписи, насчитывал на тот момент, когда угасла первая капетингская династия 23671 приход и 2469987 дворов, все, что в территориальном плане переводится как 313663 квадратных километра; совокупность же апанажей и крупных фьефов вне домена достигала только приблизительно трети этой площади, то есть 110721 квадратный километр¹.

Хорошо было бы оценить с такой же точностью королевский домен при избрании Гуго Капета в 987 г. и потом сравнить точно путь, пройденный династией. К сожалению, это невозможно. Только появление документа типа «Состояние приходов и дворов» 1328 г. дает такую точность, и появление его совпадает с концом династии.

Однако можно по картам исторического атласа Огюста Лоньона² проследить развитие королевского домена, и автор этого атласа в его классических уроках о формировании французского единства³ дает там комментарий выше

¹ F. Lot. L'état des paroisses et des feux de 1328 // Bibliothèque de l'École des Chartes. Vol. XC, 1929. p. 51-107, 256-315.

² A. Longnon. Atlas historique de la France. Paris, 1885-1889.

³ A. Longnon. La formation de l'unité française. Paris, 1922.

всяких похвал. Но карты и комментариев представляют для пользующихся ими без предупреждения возможность рождения иллюзии, что король, получая графство, город или кастелянство, вступает в абсолютное обладание этими владениями, в то время как в действительности он этим приобретением только заменяет державшего их сеньора и получает по ним только права замещенного сеньора.

Ибо эти права не содержат в себе непременно обладания и могут представлять собой лишь теоретическую власть, не распространяясь на все части графства, города или кастелянства. Превосходную иллюстрацию этого состояния вещей дает сам капетингский домен во времена Филиппа I и Людовика VI, потому что мы наблюдаем этих суверенов, которые заняты в течение почти всего своего правления тем, что заставляют признать с мечом в руке свою власть и права на земли, которые с давних пор являются частью их семейной патримонии.

Домен сеньора, — а королевский домен ничем от него не отличается, по крайней мере в XI—XII вв., — в самом деле состоит из земель, но еще больше из прав. Получится даже так, что с XIII в. некоторые сеньориальные домены будут состоять только из прав, что будет приводить, как тогда говорили, к «сеньорам без земли»; и интересно было бы уточнить, в каком русле происходила эволюция королевского домена и не было ли усиление прав более значительным и выгодным, чем увеличение земель.

К сожалению, историю королевского домена в своей совокупности еще предстоит написать. Один только американский эрудит В. М. Ньюман позволил, на наш взгляд, себе попытку заняться этой темой в очень достойной диссертации, посвященной королевскому домену с 987 по 1180 гг.¹, то есть периоду, по которому у нас имеется менее всего документов. Пример г-на Ньюмена заслуживает того, чтобы его продолжили для других периодов.

Этот эрудит занялся экономическими вопросами. Он рассмотрел как часть домена только те области и земли, на которых конкретный документ показывает нам короля, пользующегося своим правом и если так можно выразиться,

¹ W. M. Newman. Le domaine royal sous les premiers Capétiens (987-1180). Paris, 1937. (Thèse Strasbourg.)

доходным правом. Никто не смог бы его порицать за подобную точку зрения. Конечно, чтение его книги, особенно тех страниц, где в продолжение Огюста Лоньона, но в совершенно отличном духе он рисует широкими мазками историческую географию домена с 987 по 1180 гг., оставляет впечатление разительного контраста с книгой его предшественника. Это впечатление усиливается еще больше, если сопоставить составленные им карты домена при Генрихе I и Людовике VII с картами из атласа Лоньона.

Это означает только то, что один из историков был неправ за счет другого. Это значит только то, что они рассматривали вопрос по-разному. Лоньон видел домен в его политическом аспекте; Ньюман рассматривает его как экономическую целостность. Домен же был одновременно экономическим и политическим образованием; и судя по тому, под каким углом зрения он рассматривается, его границы и значение существенно меняются.

При экономическом подходе он остается главным образом совокупностью земель и прав, которыми король прямо пользуется как собственник. Именно так рассматривали его современники Капетингов. То же самое было при Валуа. Поэтому доходы, получаемые королем в качестве суверена, получили название «экстраординарных» доходов, а земли стали управляться специальной администрацией, отличной от администрации, на которой лежала ответственность собственно за управление доменом.

С точки зрения политической под доменом понимается кроме собственно домена то, что называют ленной зависимостью (*tenance*), то есть фьефы, на которых осуществляется более или менее непосредственный сюзеренитет короля. Было бы также логично добавить сюда земли, на которых король может заставить лишь уважать свои права суверенитета. Но следует уточнить, что сюзеренитет и суверенитет порой претворяются друг в друга, и первый часто определяется экономическими реалиями, уплатой прав или штрафов, возможностью взимать финансовую помощь.

В этих условиях мы отдаем себе отчет, что вопрос много сложнее, чем можно предположить, читая карту

исторической географии. В действительности карту королевского домена в широком смысле слова, кажется, установить невозможно. И эта невозможность не новость. Может, широкая перепись, осуществленная Палатой Счетов, вновь воссозданной в начале XIV в., была осуществлена, чтобы установить права короля и продолжить таким образом дело расследователей Филиппа Красивого и, возможно, Людовика Святого.

Следует добавить, что капетингские суверены были очень щедрыми и раздавали часто направо и налево до такой степени, что иногда не знали, что именно они даровали, а что было у них захвачено. Ибо за исключением кадастра домениальных земель и полной регистрации прав короля, узурпации, «*soupprises*», как говорили в XIII в., были частыми, и первая капетингская династия исчезнет в тот самый момент, когда корона будет прилагать настойчивые усилия, чтобы стабилизировать дела в этой сфере.

Это был домен, рассмотренный с точки зрения экономической, позволявший королю жить и действовать. Именно король стал изыскивать средства, чтобы сделать эффективным и в свою очередь прибыльным свой сюзеренитет. И именно после развития этого сюзеренитета, когда последний стал эффективно осуществляться, стало возможным воплотить в определенной степени суверенитет короля. Только тогда Капетинг стал настоящим королем Франции.

Жаль, что начало этих действий нам неизвестно. Мы видим, как в течение почти двух столетий Капетинги сражаются с захватом земель окружавшими их сеньорами, мелкими и крупными феодалами, и отмечаем, что, собственно говоря, приведение к повиновению феодалов домена потребовало от королей больше всего усилий. Потом, когда со временем эти феодалы были подчинены, королевская власть делает огромный рывок и становится хозяйкой всего королевства.

Итак, когда мы хотим узнать, какими средствами располагали короли от Гуго Капета до и включая Людовика VII, мы можем собрать лишь некоторые неопределенные указания. Можно только допустить — и Ньуман первый признает это, — что домен Гуго Капета был сокращен до

незначительных владений, список которых этот эрудит терпеливо восстановил. Более богатая картина, которую он также нарисовал для последующих правлений, включая правление Людовика VII, также не особо впечатляет.

Следует ли тогда думать, что то, что называют церковным доменом, и было настоящим источником власти, впрочем, очень относительной, которой обладали Капетинги в первые дни династии? Здесь также мнения историков разделяются. Спорят, что следует понимать под королевской епархией, королевским монастырем. И потому как принимается одно или другое мнение, список этих епархий или монастырей или удлиняется, или сокращается. И различия значительны. Ф. Лот утверждает, что из 77 епископских кафедр, которые насчитывает королевство, от 20 до 25 находятся в ведении короля, что обеспечивает ему доходы во время периодов, когда эти кафедры вакантны, ибо он применяет свое право регалии¹. Ему также приписывают патронаж над 51 монастырем разного значения. Ньюман сокращает эти цифры² только до 6 конкретных епархий, 6 очень вероятных и 2 вероятных, в целом максимум 15. Он допускает с уверенностью существование 9 монастырей, 2 возможно, 4 вероятно, и всего 30 максимум. И впрочем, даже если договориться о числе епархий и монастырей, останется уточнить существенное — что церковные домены могли приносить королю.

Как ни рассматривай, проблема королевского домена кажется изначально неразрешимой. Все, что можно сказать, так это то, что первые Капетинги владели доменом, с которого они жили без уточнения домениальных доходов до конца XII в.

Для этой эпохи мы, наконец, получаем менее размытые сведения. Прево Лозанны по имени Конон в 1223 г. после смерти Филиппа-Августа узнает из уст самих королевских служащих, исполняющих волю усопшего короля, что отец последнего, то есть Людовик VII, имел едва 19 000 парижских ливров в месяц, то есть годовой доход в 228 000

¹ В том, что касается этих монастырей, Ф. Лот в дальнейшем делает ряд оговорок: *Études sur le règne de Hugues Capet*. p. 222–223 et 226–232.

² W. M. Newman. *Le domain royal*. p. 202–224.

парижских ливров. Кому-то пришла в голову счастливая мысль записать эти сведения, и записки сохранились¹.

Не пытаясь узнать, как можно прокомментировать эти цифры, и идет ли речь о полных доходах или о том, что, после упорядочивания расходов на центральную и локальную администрацию, оседало в королевских сундуках, мы можем воспользоваться ими, чтобы пролить некоторый свет на прошлое, доселе очень неизвестное.

Ибо если мы не знаем хорошо, что представлял собой королевский домен в самом начале династии, то мы относительно лучше осведомлены о приобретениях, сделанных заботами суверенов до Филиппа-Августа. Изучение этих приобретений позволит нам отдать отчет в увеличении домена в этот период и, сравнив с цифрами прево Лозанны, оценить с некоторой долей уверенности доходы первых Капетингов. Кроме того, это изучение позволит нам уяснить и средства, использованные суверенами для возрастания своих доходов.

23 декабря неопределенного года, между 980 и 991 гг., и что наиболее вероятно, к концу этого периода, Ева, вдова Готье, графа де Дрё, умершего до 980 г., последовала в могилу за своим супругом. Имущество осталось без прямого наследника. Поскольку для фьефов наследование еще не было твердо установлено, король Гуго Капет получил графство Дрё или, точнее, половину этого графства, вторая половина которого перешла герцогу Нормандскому, быть может, по соглашению с Гуго. Но в 991 г. король передает свое новое владение Эду I, графу Шартрскому в качестве платы за помощь Капетингам в борьбе против претендента на трон Карла Лотарингского.

Это единственное приобретение, сделанное мимоходом, которое можно с уверенностью приписать основателю династии. Но поскольку мы видим, что он владеет аббатством Корби, не зная, является ли это владение предшествующим или последующим по отношению к его избранию королем (987 г.), остается предполагать, что перед нами другое приобретение, более стабильное, первого из Капетингов.

Напротив, правление Роберта Благочестивого обнаруживает значительное расширение домена в самом прямом

¹ Monumenta Germaniae Hist. SS. Vol. XXIV. p. 782.

смысле. В самом деле, этому королю принадлежит честь аннексии Бургундии. Герцог этой страны умер в Пуийсюр-Луар 15 октября 1002 г. Он принадлежал к капетингской династии, являясь третьим сыном Гуго Великого и дядей короля Роберта. Он не оставил прямого наследника. Однако около 974 г. он женился на Герберге, графине де Макон, вдове Адальберта, сына и соправителя итальянского короля Беренгария, и матери Ота-Гийома, сына от первого брака. Мать и сын так ловко воспользовались ситуацией, что герцог Генрих принял пасынка и назначил его своим наследником герцогства Бургундского и двух графств — Оксерр и Отен, которыми он прямо владел внутри герцогства. Но вмешался король Роберт. В самом деле, было недопустимо, чтобы такой крупный фьеф, как герцогство Бургундское, был отдан новому герцогу без согласия короля. Требовалась королевская инвеститура, чтобы наследнику великого вассала вступить законно во владение своим фьефом. С другой стороны, герцог Генрих не оставил наследника своего рода. Усыновление им своего пасынка Ота-Гийома было исчезающей практикой во французском обществе этого времени. Итак, если и допускалась наследственная передача герцогства, но усыновление не было признано, французский король, племянник усопшего герцога мог вести себя как наследник в герцогстве Бургундия.

Впрочем, мы мало знаем, что произошло. От-Гийом отказался склониться перед претензиями короля Роберта, и последнему потребовались годы войны, с 1003 по 1016 гг., чтобы, наконец, наложить руку на герцогство. Но ненадолго. Ибо если Роберт сохранял в нем администрацию до конца своего правления, то его старший сын Генрих, едва став королем, отдал своему юному брату Роберту в 1032 г. все отцовские завоевания в Бургундии.

Таким образом, эти бургундские приобретения оказались мимолетными, и если рассматривать борьбу, которую потребовало их завоевание, то трудно думать, что операция, оплачиваемая короной, принесла реальную пользу. И все-таки она заслуживает упоминания, ибо показывает нам, что капетингская королевская власть изначально оказалась способна на длительные и напряженные военные усилия, плодом которых был не один лишь список земель и прав,

восстанавливаемый по документам. Правда, король Роберт получил помощь герцога Рихарда II Нормандского. Но получил бы он эту помощь, если бы его власть была ничтожна?

Кроме этого мимолетного приобретения Роберт Благочестивый восстановил свою власть над графствами Дрё и Мелен и подготовил присоединение к короне графства Санского.

Дрё он получил только путем переуступки, сделанной ему Эдом I, графом Шартрским; но мы не знаем обстоятельств, оснований и даже даты этого акта. Мелен, графство, составляющее часть патримонии династии, было отдано Гуго Капетом до его избрания королем Бушару Достопочтенному, графу Вандомскому. Со смертью последнего в 1007 г. графство Мелен перешло к его сыну, епископу Парижскому Рено. Когда в 1016 г. он умер, графство естественно отошло к короне.

В Сансе граф Фромон пребывал в конфликте с архиепископом Льетри, которому он не простил того, что тот взял верх над его сыном Бруноном. Со смертью Фромона в 1012 г. отношения между архиепископом и братом его старого соперника, графом Рено, еще более усложняются, потому что, по свидетельству хроники Сен-Пьер-ле-Виф, когда во время службы архиепископ давал поцелуй мира графу, *«ille, vultum avertens, ei offendebat»*¹. Архиепископ в результате попросил защиты короля. Роберт Благочестивый 22 апреля 1015 г. захватил Санс, затем после незначительных военных операций король и граф договорились. Рено сохранял графство пожизненно. С его смертью половина города Санса и графство целиком должны были вернуться к королю, архиепископ же получал другую половину города. В 1055 г. граф Рено умер, и соглашение 1016 г. было приведено в исполнение.

Это стало единственным приобретением Генриха I. В конечном счете как мы видели, он оставил плоды совершенных его отцом в Бургундии завоеваний своему брату Роберту, получив от графств Оксеррского и Неверского

¹ «Тот, лицо отворачивая, его [Льетри] ударил» (лат.): *Historiens de France*. Vol. X. p. 223.

лишь оммаж. Сеньория Корби, данная в качестве приданного за его сестрой Адель в результате брака последней с графом Бодуэном V Фландрским, также вышла из домена. Он также оставил герцогу Роберту Нормандскому сюзеренитет над французским Вексеном, то есть областью между Уазой и Эптом.

Эти утраты были частично возмещены Филиппом I.

14 ноября 1060 г. граф Анжуйский Жоффруа Мартел умер, не оставив детей и разделив свою землю между племянниками Фульком и Жоффруа Бородатым. Наследование фьефов теперь превращалось в обычай. Но Фульк, недовольный разделом, напал на брата. Мы плохо знаем, что произошло, ибо хроники противоречат друг другу. Тем не менее, они согласны в том, что виконтство Гатине было отдано Фульком королю Филиппу. В целом предполагают, что это была плата за капетингский нейтралитет. Этот факт демонстрирует, заметим, что в 1069 г. (дата соглашения) капетингский суверен вовсе не был ничтожным сеньором, потому что дорогой ценой заплатили за его безучастность. Впрочем, трудно определить границы нового капетингского приобретения. Но поскольку в 1120 г. преемник Филиппа I в свою очередь приобрел некоторые кастелянства Гатине, мы вправе думать, что дар Фулька включал четыре кастелянства — Шато-Ландон, Ла Шапель-ла-Рен, Лорре-ле-Бокаж в современном департаменте Сены-на-Марне, и Лоррис в современном Луаре.

Рауль де Крепи, граф Вексена, Валуа, Амьена, Бар-сюр-Оба и Витри, отчим короля Филиппа I по браку с Анной Киевской, вдовой Генриха I, умер в 1074 г., оставив от первого брака сына Симона и двух дочерей, одна из которых была замужем за Варфоломеем де Бруа, сыном Гуго Бардуля, сира де Питивье, другая — за Гербертом де Вермандуа. Наследие Рауля стало предметом спора между Филиппом I и Гуго Бардулем; его наследник Симон стал предметом матримониальных притязаний дочери Хильдеберта, графа Оверньского, и дочери герцога Вильгельма Нормандского, английского короля. Дабы избежать всех этих зол, Симон укрылся в монастыре и, вероятно, в апреле 1077 г. надел монашескую рясу. В продолжение всех этих событий мы не знаем, ни почему, ни каким

образом Филипп I получил графство Вексен, но это произошло, конечно, с согласия Симона.

Между июнем 1097 г. и октябрём 1102 г. виконт Буржа Эд Арпен оказался без денег при подготовке к участию в крестовом походе. Дабы раздобыть их, он продал королю Филиппу свое виконтство, состоящее в основном из города Буржа и пригорода, «*septaine*». Хроники, сообщающие нам об этой продаже, к сожалению, не сходятся в цене, полученной Эдом Арпеном. Одни¹ говорят о 60000 су (приблизительно 3000 ливров), другие о 60000 ливров², третьи³ о 6000 су (приблизительно 300 ливров). Две последние кажутся одна чрезмерной, другая очень скромной. Первая кажется наиболее правдоподобной, но мы не могли бы положиться и на нее. Хронисты средневековья в том, что касается цифр, идет ли речь о деньгах или солдатах, дают крайне неточные данные. Однако тот факт, что они отмечают определенную цифру со столькими вариациями, показывает, что сумма им показалась значительной и достойной упоминания. Она должна была быть таковой, если считать, что превотство Буржа, правда, вместе с сеньорией Иссуден, дало в королевскую казну в 1202–1203 финансовом году ощутимый доход в 1977 ливров и 4 су⁴. Интересно и то, что Филипп I, по праву считающийся одним из наименее могущественных из первых Капетингов, изыскал из более чем скромных, как считается, доходов необходимые суммы на это приобретение.

Кроме того, ему обязаны возвращением Корби в королевский домен. Обстоятельства этого возвращения неясны. По всей вероятности, их можно рассматривать следующим образом. Бодуэн V, граф Фландрский, к которому сеньория Корби отошла по браку с Адель, сестрой короля Генриха I, оставил двух сыновей: Роберта Фриза, отстраненного от наследования и получившего фьеф в результате женитьбы на вдове графа Голландского Флорана, и Бодуэна VI, на-

¹ Aimoin. De gestis Francorum // Historiens de France. Vol. XI. p. 157.

² Chronicon Regum Francorum // Historiens de France. Vol. XI. p. 394.

³ Chronicon Vizeliacense // Historiens de France. Vol. XI. p. 385.

⁴ F. Lot et R. Fawtier. Le premier budget de la monarchie française. Paris, 1932. p. 142, 144, 146.

следовавшего своему отцу и получившему Корби с остальным наследством. У Бодуэна VI от его жены Рихильды было двое сыновей, из которых старший, Арнуль, получил со смертью своего отца в 1070 г. Фландрию, в то время, как младшему, Бодуэну, досталось Эно. Оба наследника были очень молодыми, и их мать Рихильда правила от их имени к великому неудовольствию знати. Именно тогда Роберт Фриз потребовал отцовское наследство, от которого был отстранен. Его невестка пригрозила ему тюрьмой. Роберт воззвал к правосудию сюзерена Фландрии королю Филиппу I, своему дяде. Однако сумма в 4000 ливров золотом, своевременно уплаченная последнему Рихильдой, пресекла всякие слабые попытки королевского вмешательства в пользу Роберта Фриза. Напротив, Филипп включился в кампанию против своего племянника и сражался при Касселе 22 февраля 1071 г., в каковой битве юный Арнуль нашел свою смерть. Но через несколько дней после битвы Роберт Фриз был взят в плен и передан французскому королю. Поскольку Арнуль был мертв, Филипп I договорился с Робертом, отныне графом Фландрским, которого он женил на своей падчерице Берте Фризской. Так что различные тексты, сообщающие нам о возвращении Корби в руки Филиппа I, не оставляют никакого сомнения о вмешательстве Арнуля в эту передачу. С другой стороны, поскольку был заключен мир между королем и Робертом, ставшим графом Фландрским, вопрос о Корби больше не стоял, и можно сделать вывод, что эта сеньория явилась платой за вмешательство французского короля в пользу Арнуля. После смерти последнего, Роберт утвердил дар, сделанный Филиппу I незадачливым сыном Бодуэна VI.

Наконец, в 1104 г. принц Филипп, старший сын Филиппа I и Бертрады де Монфор, женился на Елизавете, дочери Ги Труссея, сеньора де Монлери. Договоры, благоприятные для этого молодого человека и заключенные по этому случаю, привели в начале 1108 г. к тому, что сеньор де Монлери, прежде чем умереть, передал свою землю в руки наследного принца Людовика, будущего Людовика VI, соправителя своего отца с 1100 г., который и наследовал ему несколькими месяцами позднее, 3 августа 1108 г.

Поскольку он энергично сражался с феодалами Иль-де-Франса, в Людовике VI пытались видеть одного из наиболее активных созидателей домена. Но приобретения, сделанные им, были незначительны, и достаточно нескольких строк продолжателя Эмуэна¹, чтобы их перечислить: «Он купил у Фулька [Анжуйского] виконтство Гатине, сеньории Море и Ле Шатре в Бри, Боэсс, Иевр-ле-Шатель и Шанбон. Он укрепил также Моншове, Лорре-ле-Бокаж и Гре, а также Корбей и Ла Ферте-Але; к нему также попали Монлери и Шатофор»². Его настоящим трудом было восстановление королевской власти в Иль-де-Франсе и Орлеане. История малоизвестная, путано рассказанная Сугерием в его книге о жизни Людовика VI, с неопределенной хронологией. Результатом этой неясности является то, что нам порой представляют как приобретения, то, что может быть лишь более удачным видом подчинения.

И если домен выходит из рук Людовика VI лучше управляемым, лучше подчиненным королевской власти, то труднее представить, чтобы он существенно возрос территориально. Силловые операции, проведенные королем, — не победные операции. Подчиненные сеньоры не теряют ни своих земель, ни своих титулов, и мы скоро обнаружим их самих — или же их непосредственных потомков — в королевском окружении как первых проводников королевской власти, приведенных к феодальному долгу.

Вошло в обычай по поводу домена при Людовике VI вспоминать о женитьбе наследного принца на Алиеноре и говорить о приобретении Аквитании. Однако известно, что Аквитания не составляла часть королевского домена. Она являлась приданым Алиеноры, и это приданое последовало за ней, когда Алиенора перешла из рук Людовика VII в руки Генриха Плантагенета. Если бы первый союз сопровождался рождением сына и если бы этот сын наследовал отцу на французском троне, тогда и только тогда Аквитания была бы присоединена к королевскому домену.

¹ Эмуэн де Флэри (ок. 970 — после 1008) — монах-бенедиктинец, автор «Истории Франков», которая во многом легла в основу официальной королевской историографии. (Прим. ред.)

² Historiens de France. Vol. XII. p. 123.

Можно даже спросить себя, увеличила ли серьезно Аквитания за время союза Людовика VII и Алиеноры доходы семейства. Щедрость пожалований, сделанных аквитанским церквям наследным принцем в момент своей свадьбы, позволяет несколько усомниться в этом. Кажется, что даже администрации Плантагенетов, много более совершенной, нежели администрация, которой располагал Людовик VII, не удалось извлечь из Аквитании значительные доходы.

Так что можно похвалить Людовика VI за попытку присоединения герцогства Аквитанского, но не более того, и следует избегать впечатления, что это присоединение было реализовано, хотя бы на время краткого союза Алиеноры и Людовика VII.

За исключением одной глубокой монографии о правлении этого суверена, история королевского домена во время этих сорока трех лет его правления остается довольно неточной. Известно, что не было значительных приобретений, и если происходило расширение домена, то его следует понимать как утверждение реальной королевской власти там, где прежде она была бездейственной. Также называют принесение королю нескольких церковных оммажей, особенно на Юге, но ценой передачи епархиям или аббатствам королевских прав, чем, впрочем, король чаще всего был не в состоянии воспользоваться.

В общем, если и нельзя отрицать прогресс капетингской династии с 987 по 1180 гг., то труднее узнать, действительно ли увеличился домен за эти два столетия. Ибо некоторые приобретения, о которых мы говорили и которые не были простыми проходящими приобретениями, кажется, щедро компенсировались утратами, из коих нам известна лишь малая их часть. Посмотрите на комментарии, сделанные Ньюманом к его таблицам, где он терпеливо собрал все сведения, предоставляемые нашими источниками по домену в рассматриваемый период, и мы быстро заметим, что значительный процент земель и прав, находящихся во владении Капетингов, нам известен по документам, упоминающим о потере этих земель и имущества короной, и эти таблицы, возможно, еще больше, чем состояние коро-

левского домена с 987 по 1180 гг., показывают нам уровень убытков, понесенных в этой области.

Так что не было бы, возможно, парадоксом предположить, что в течение этих двух столетий королевский домен в своей совокупности мало изменился и что от Гуго Капета до Людовика VII доходы короны были приблизительно одинаковы.

Ибо что представлял во времена Гуго Капета королевский домен в его широком смысле, то есть земли, на которых король прямо или косвенно пользовался реальной властью, извлекая из нее доход? По мнению Ф. Лота¹ этот домен состоял, прежде всего, из ядра, которое составляли остатки патримонии Робертинов²: Парижская область, Орлеане, Этампе, Шатре, Пенсере, Мелёне, несколько аллодов в Берри, порт Монтрей и аббатство Сен-Рикье-ан-Понтье, Корбийское аббатство в Амьенуа. Сюда же следует присоединить то, что новая династия унаследовала от своих предшественников Каролингов: несколько королевских дворцов на равнинах Эны и Уазы — Аттиньи, Компьень, Вербери, назначения в епархии Реймскую, Ланскую, Нуайонскую, Шалонскую, Лангрскую и Ле Пюи.

Вокруг этого домена от короля зависят ряд графств: Вандомуа, Корбонне, Гатине, Мелёне, Арсезе, Валуа, Суассонне, графства Понтуа-Мелан и Бомон-сюр-Уаз, Бове-зи, графства Бретей, Амьенуа, Вермандуа, Понтье, Вимё. Сюда же надо добавить графства Санское и Жуаньи, виконтство Буржское и, несомненно, сеньорию Бурбон.

На всех этих различных частях домена Гуго Капета наследники этого короля по очереди пользовались, теряли, вновь обретали свои права. Наша документация, к несчастью, недостаточна для того, чтобы детально проследить изменения в сфере влияния этой власти. Но права короля, реализуемые или на короткое время утрачиваемые, оставались, и, вероятно, давали короне доходы, позволившие династии продержаться в течение двух первых веков своей истории.

¹ *Études sur le règne de Hugues Capet*, p. 187–191.

² Название Капетингов в IX–X вв. (по имени Роберта Смелого, герцога Франции, основателя династии). (Прим. ред.)

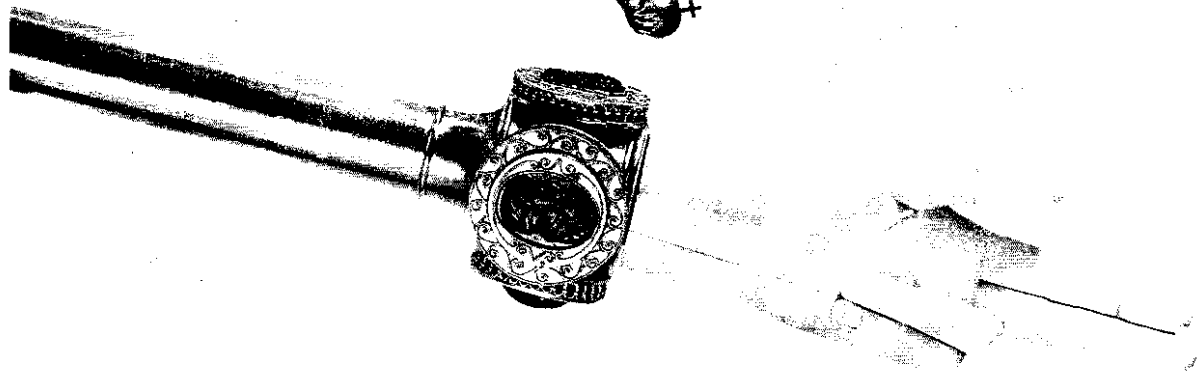
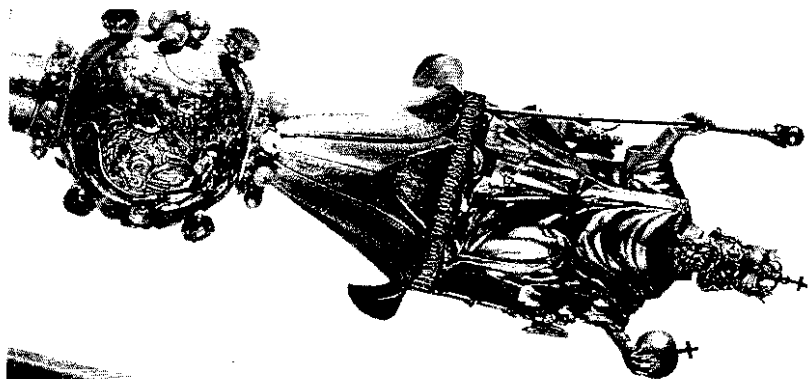
В этих условиях возможно, что различия между доходами Гуго Капета и Людовика VII слабые. Но если это так, то надо отдавать отчет в том, что речь идет о разных временах, и не забывать, что 19000 парижских ливров ежемесячного дохода, приписываемых Людовику VII судебными исполнителями Лозаннского превоства, представляли в конце X в. состояние более значительное.

Быть может, кто-то заметит, что не следует переносить на два столетия назад данную цифру доходов, рискуя впасть в серьезное заблуждение. Но это означало бы забыть, что большая часть королевских доходов фиксировалась древней традицией или длительными договоренностями, автоматически возобновляющимися.

Итак, если мы правы, то видим, что первые Капетинги были могущественными сеньорами, о чем мы часто забываем, когда говорим о «мелком сеньоре» Иль-де-Франса. Им достало мудрости, быть может, в силу обстоятельств, не иметь чрезмерных территориальных притязаний. Доходов их домена, не столь урезанного, как думают, хватало им на жизнь и на действия в этом домене и по соседству с ним. Права, которые их титул короля предоставлял им над великими и практически независимыми фьефами, позволил им возвыситься над своими крупными вассалами, ибо этими правами, как мы видели, отнюдь не пренебрегали. Но чтобы получить от них все то, что они могли дать, следовало, очевидно, чтобы непосредственный королевский домен, средоточие капетингского могущества, находился в крепких руках короля. Отсюда — необходимость военных действий, используемых Робертом Благочестивым, Филиппом I, Людовиком VI и Людовиком VII.

В 1180 г. сей труд был почти закончен. Отныне, не прекращая приобретений, если представлялся случай, Капетинги начинают медленный нажим на крупные фьефы и используют великие территориальные приобретения, которые за столетие сделают из них настоящих суверенов всего французского королевства.

Мы видим, что их труды были подготовлены, а средств всегда было достаточно.

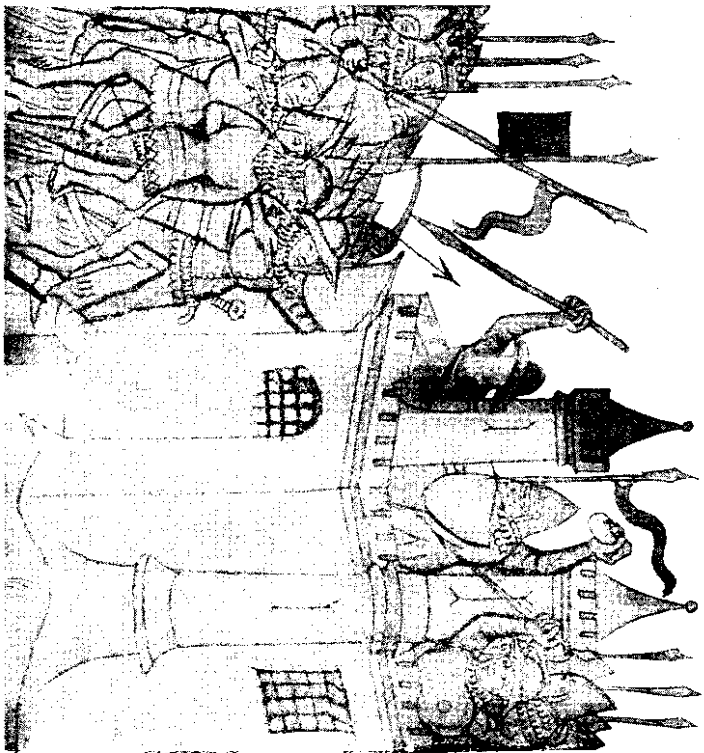

ГЛАВА VII

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОСНОВА:

КРУПНЫЕ ФЬЕФЫ

В течение XII в. великие феодальные княжества королевства — Фландрия, Анжу, Бретань, Шампань, Бургундия и в меньшей степени на Юге герцогство Аквитания и графство Тулуза — стали проявлять активность, аналогичную той, которую, как мы видели, развернул в своем домене капетингский дом. Герцоги Нормандские, опередившие всех в подобных действиях и, возможно, ставшие образцом, применили, кроме того, этот метод в завоевании Англии.

Отныне королевство перестает быть множеством сеньорий, старающихся путем жестокости некоторых великих авантюристов возобладать друг над другом. Все стабилизируется. Наследование фьефов, крупных и мелких, становится правилом. Феодальные династии основаны, и представители великих феодальных домов образуют личный значительный домен, подготавливают постоянную администрацию. В этой поглощающей их работе Фландрия, Анжу, Шампань яростно соперничают, и, когда в 1180 г. Филипп-Август наследует своему отцу, феодальный домен оказывается окруженным феодальными княжествами, организация которых, по крайней мере, такая же, как и организация домена, если не лучше. Король воспользуется этим; ибо отныне, когда ему удастся приобрести какую-нибудь крупную сеньорию, заменив собою кого-либо из сеньоров, он приобретет домен и права последнего, не возобновляя ту «полицейскую» работу, которая так долго поглощала внимание его предшественников. Его могущество быстро и значительно возрастет и привлечет к нему новых сторонников или новых протеже.

Но и до и после 1180 г. политика Капетингов по расширению своей власти останется той же самой. Если могущество, которым они располагают и которое является реальным, и приносит пользу, то лишь затем, что оно служит им для обоснования своего права, и именно на последнее они особенно рассчитывают. Оно-то им и помогает, может быть, медленнее, чем насилие, но прочнее, окончательно и беззлобно приобретать земли и права, в конечном счете сделавшие из них хозяев королевства.

Дабы показать Капетингов в действии, мы основательно исследуем события начиная с правления Филиппа-Августа и до конца династии, связанные с борьбой против великих феодальных княжеств, графства Фландрского, графства Тулузского, графства Шампанского, герцогства Бургундского и герцогства Бретань. Потом мы увидим, как пришлось им действовать супротив огромного княжества, образованного на западе анжуйским домом, ставшим хозяином в Англии, и определим, не надо ли было измениться методу, действующему столь успешно на севере, юге и востоке, чтобы преуспеть на западе. Мы изучим также второстепенные приобретения, сделанные в течение этого периода, чтобы закончить, постаравшись определить, какие концепции вдохновляли Капетингов в создании сей территориальной основы.

Неудобством такой манеры исследования является постоянное возвращение читателя назад, но она вносит больше ясности в рассказ о событиях чрезвычайно сложных. Она не рассеивает внимания. И если она рискует создать впечатление преемственности в усилиях, которое, возможно, не существовало в умах тех, кто прилагал эти усилия, то достаточно об этом предупредить, чтобы избежать ошибок.

* * *

Графство Фландрское является первым почином, и его сокращение намечается с самого начала правления Филиппа-Августа.

Этот государь женился 28 апреля 1180 г. в замке Бапом на Изабелле, дочери Бодуэна V, графа Эно и племяннице Филиппа Эльзасского, графа Фландрского. Последний владел графством Фландрским, включающим, помимо совре

менной Фландрии, край за Неф-Фоссе, которому начинали давать имя Артуа и который включал Аррас, Бапом, Рюу, Сент-Омер, Эр, сюзеренитет над графством Булонским, Лансом, Гином, Сен-Полем, Лильером и Эсденом. Филипп Эльзасский женился в 1159 г. на Елизавете де Вермандуа, дочери Рауля де Вермандуа, племянника короля Филиппа I, и Перонеллы, сестры Алиеноры Аквитанской, первой жены короля Людовика VII. Со смертью своего брата Рауля Прокаженного, графа де Вермандуа, в 1164 г. Елизавета унаследовала Вермандуа (то есть графства Рибемон, Перонн и Мондидье), Амьенуа (маленькое графство Амьенское под сюзеренитетом епископа) и Валуа (в котором ядро составляло графство Крепи). В неопределенное время, может быть, в 1175 г. Филипп Эльзасский заставил жену вследствие серьезного нарушения супружеской верности принести ему в дар эти три владения, дар, подтвержденный королем Людовиком VII в 1179 г., потом королем Филиппом-Августом, возможно, по случаю свадьбы последнего с племянницей графа Изабеллой де Эно. Этой племяннице Филипп Эльзасский дал в приданое Артуа. Но эта уступка не была полной, так как граф сохранял за собой прижизненное пользование приданым и на деле управлял до своей смерти землями, данными им за племянницей.

Между 14 и 16 апреля 1183 г. жена Филиппа Эльзасского Елизавета де Вермандуа умерла. Сестра усопшей, Элеонора, бывшая замужем за Матье, графом де Бомон, потребовала свою часть наследства, поскольку Елизавета не оставила прямого наследника, а Элеонора отказалась признать дар, сделанный ее сестрой Филиппу Эльзасскому. Однако было заключено соглашение между ним и его свояченицей, получившей Валуа и ренту с Руа.

Именно тогда вмешался французский король. Филипп-Август посчитал себя наследником Елизаветы и отказался признать сделанный ею дар своему супругу, дар, который он сам и подтвердил; он говорил, что это подтверждение было навязано ему опекуном Филиппом Эльзасским, главным заинтересованным лицом. Под каким же предлогом вмешался король? Об этом давно спорят. Кажется, однако, что он вмешался в качестве короля, дабы защитить право законной наследницы. Сей интерес в защиту прав Элеоноры де Бомон, прикрывал, однако, политические намерения. Неуверенный в том, что он сохранит на северо-востоке

приданое королевы, обладание которым зависело от рождения и жизни наследника, коему еще предстояло родиться, Филипп-Август с трудом мог позволить графу Фландрскому создать государство, более значительное, чем его, а все, что могла бы получить Элеонора де Бомон, как он надеялся (при лояльном отношении мужа последней, великого камерария Франции¹), рано или поздно должно было возвратиться к королю, тем более что семья Матье и Элеоноры была бездетной.

Филипп Эльзасский взялся за оружие, дабы защищать то, что он рассматривал как свое право. Он получил поддержку многих крупных феодалов, обеспокоенных королевскими притязаниями. Но французский король ловко маневрировал, связав коалицией графа де Эно, угрожая разводом с его дочерью, сблизился с графом Шампанским, обрел поддержку английского короля Генриха II, континентальные домены которого смешивались с феодальной жизнью королевства Франция. Наконец, без великого сражения, без использования Филиппом-Августом большой армии в 2000 рыцарей и 14000 оруженосцев, которую ему великодушно приписывают хронисты, король и граф Фландрский окончательно договорились в Амьене 20 марта 1186 г.

Из наследства своей жены Филипп Эльзасский сохранил только пользование графствами Сен-Кантен и Перонн с городом Амом. Собственность этой части Вермандуа отходила королю с правом их приобретения у графа, когда ему будет угодно, за установленную цену. Король получал непосредственно графство Мондидье, Туротт и Шуази, графство Амьенское с Руа, с оммажем от шестидесяти пяти укрепленных замков, зависевших от него. Остальная часть Вермандуа отходила Элеоноре де Бомон без уплаты последней королю суммы выкупа за вступление в права, что должно было происходить при всяком новом жаловании земли; уступленные Филиппу-Августу территории рассматривались как компенсация за эти права. Положение в Артуа оставалось неизменным. Но шансы увидеть приданое

¹ Великий камерарий Франции (Grand chambrier) — одна из главных дворцовых должностей при Каролингах и Капетингах, держатель которой отвечал за состояние королевских покоев и денежные средства короля. (Прим. ред.)

королевы присоединенным к королевскому домену становились более серьезными вследствие рождения 5 сентября 1187 г. принца Людовика, сына Филиппа-Августа и Изабеллы. Когда последняя в 1189 г. умерла, ее сын наследовал ее права на Артуа.

Филипп Эльзасский сопровождал французского короля в крестовом походе и умер в Птолемаиде 1 июня 1191 г. Король тут же написал знати и горожанам Перонны и Сен-Кантена, чтобы потребовать от них клятву верности; однако регентша Адель Шампанская и архиепископ Рейнский, замещающий короля, заняли Артуа от имени принца Людовика. Фактически Артуа было присоединено к короне. Факт станет правом в 1223 г. при восшествии Людовика VIII на престол.

Немного спустя после смерти Филиппа Эльзасского король возвратился на Запад. Полагают, он тогда помышлял о захвате графства Фландрского. Позволительно в этом сомниться; ибо неизвестно, в силу какого права он смог бы это сделать, и мы достаточно знаем, чтобы понять, что король не действовал без юридического обоснования. Впрочем, Филипп Эльзасский оставил наследницу, свою сестру Маргариту, бывшую замужем за графом де Эно, причем семейство имело сына. Кроме того, когда король вернулся, Бодуэн де Эно уже вступил в обладание графством Фландрским, и мы не видим, чтобы король помышлял опротестовывать этот захват фламандского наследства. Напротив, в марте 1192 г. он получил оммаж от нового графа Фландрского.

Если и были притязания, то со стороны последнего. С 1193 г. он требует не только Артуа, но еще и часть Вермандуа, уступленного по Амьенскому трактату 1186 г., и его сын будет притязать на то же после него. Впрочем, безуспешно. 2 января 1200 г. по трактату, подписанному в Перонне, граф Фландрский Бодуэн IX окончательно уступил королю Артуа (предварительно отрезав Эр и Сент-Омер, возвращенные в 1212 г., и окончательно Гин, Ард, Лильер и Ришбур), Амьенуа, графства Перонн и Сен-Кантен.

Что до Элеоноры де Бомон, то она заново договорилась с королем в 1192 г. Посредством права выкупа в 5 тыс. марок золотом она была введена во владение Валуа, Шони, Рибомоном, Рессоном, Лассиньи и Ориньи. Кроме того, она получила графство Сен-Кантен и ренты с Перонны и

Руа. В конечном счете за сумму в 13000 ливров и освобождение от выкупа, упомянутого выше, она отказалась требовать остальное Вермандуа и графство Амьенское. Она и ее муж должны были держать землю, обладание которой было оформлено в виде фьефа, при условии принесения оммажа. Король наследовал его, если Элеонора умирала бездетной. Но если у короля не будет наследника, графиня де Бомон вновь получит то, что потеряла.

Матье де Бомон умер в 1208 г., его жена в 1213 г. Поскольку единственными возможными наследниками были родственники, Филипп-Август лишил их наследства и принял под свою руку то, что осталось от Валуа и Вермандуа.

Так, без использования силы, посредством переговоров, на деле еще более сложных, чем здесь изложено, не оставляя места требованиям возврата под каким-либо юридическим основанием, домен короны расширился за счет Амьенуа, Артуа, Вермандуа и Валуа и оказался в соприкосновении с собственно графством Фландрским.

Ибо если фламандское княжество было подрублено, сама Фландрия оставалась нетронутой. Но немного спустя после своего восшествия граф Бодуэн IX отбыл на Восток в ожидании трона Латинской империи. Там он и нашел смерть в 1205 г. под стенами Адрианополя. Он оставил наследницами своих графств двух дочерей, Жанну и Маргариту, под опекой их дяди Филиппа Намюрского. Последний, слабый и заинтересованный, провозгласил себя вассалом французского короля и обещал не выдавать замуж своих племянниц без разрешения их сюзерена.

В 1208 г. Филипп-Август потребовал и получил право охраны двух девушек, и в 1212 г. выдал старшую, Жанну, за Феррана Португальского, племянника своей невестки Бланки Кастильской. Прежде чем новобрачный со своей юной женой вступили в обладание своим графством, принц Людовик, заставив признать права своей матери, захватил Эр и Сент-Омер, ненадлежащим образом удержанных, говорил он, графом Фландрским в Перонне в 1200 г. и кому ему были оставлены по соглашению, подписанному в Лан 25 февраля 1212 г.

Это вновь нанесенное оскорбление графу оставило его преисполненным злобы, заставив забыть, что своим положением он обязан родству с Бланкой Кастильской.

И когда в следующем году Иоанн Безземельный, король Англии, сформировал большую коалицию, должную, как он надеялся, вернуть ему его континентальные домены, завоеванные Филиппом-Августом при условиях, о которых мы скажем позднее, Ферран Португальский не без колебаний позволил вовлечь себя в переговоры с врагами короля, и последний, будучи предупрежден, захватил входящую в коалицию Фландрию.

Авантюра не принесла удачи графу. Коалиция была разбита при Ларош-о-Муане 2 июля и при Бувине 27 июля 1214 г. В последней битве Ферран попал в плен. Тринадцать лет он пребывал пленником в Лувре. Но Филипп-Август не лишил его фьефа, принадлежавшего на деле графине Жанне Фландрской. Последняя, подписав 24 октября 1214 г. предварительный договор с французским королем, должна была принять что-то вроде королевской опеки. В 1224 г. она воспротивилась признанию юрисдикции королевского суда. После смерти Филиппа-Августа Жанна Фландрская заключила мир в 1226 г. с его наследником королем Людовиком VIII. Посредством суммы в 50000 парижских ливров, выплаченных в два приема, из которых второй был гарантирован залогом городов Лилля, Дуэ и Эклюза, Ферран обретал свободу. Граф и графиня Фландрские становились вассалами короля. Их верность обеспечивалась угрозой отлучения от церкви и клятвами, принесенными королем рыцарями и городами графства, обещавшими сюзерену совет и помощь, ежели граф и графиня нарушат свои обещания.

Суверенитет французского короля был во Фландрии неоспорим вплоть до смерти Жанны в 1244 г., и Ферран Португальский был одним из тех редких князей, на которого Бланка Кастильская не могла пожаловаться во время малолетства Людовика Святого. Со смертью Жанны ее сестра Маргарита унаследовала графство Фландрское. В 1212 г. она вышла замуж за Бушара Авеньского, от которого имела двух сыновей, Жана и Бодуэна. После смерти супруга она снова вышла замуж за Гийома де Дампьера, которому принесла трех сыновей и двух дочерей. Законность детей от ее первого брака, впрочем, была спорной, поскольку до своего союза Бушар Авеньский был иподьяконом. Когда Маргарита унаследовала своей сестре, обоих ее супругов не было в живых. Так что дети от этих

союзов поставили вопрос о возможном наследовании своей матери. Будучи не в состоянии договориться, они попросили своего сюзерена, короля французского, послужить арбитром. В 1246 г. в Амьене Людовик Святой решил вопрос в пользу Гийома де Дампьера, старшего сына от второго брака Маргариты, брака, законность которого не вызывала сомнений. Но дети от первого получали компенсацию. Старший, Жан Авеньский, получил графство Эно, отделенное от графства Фландрского.

Это решение было довольно ловким. Разделяясь с Фландрией, Эно, зависящее от Священной Римской империи, а не от французского королевства, ослабляло имперское влияние на Фландрию, отныне разделенную надвое: на севере отделялся большой фьеф под французским влиянием. Кроме того, графу Фландрскому давали крайне трудного соседа в лице графа де Эно — Авеньцы не отказывались от своих претензий на фламандское наследство в целом. Надеялись даже привлечь Эно если не к ленным владениям Франции, то, по крайней мере, к союзу с королевской властью, что и удалось Филиппу Красивому в 1293 г., после получения от графства Эно оммажа за Остревант, ситуация с которым была неопределенной и которое было признано зависимым от французского королевства.

В общем, со времени Бувина, капетингский суверен полностью осуществляет свой сюзеренитет над Фландрией. Его положение еще более усилилось после судебного решения 1246 г., когда Дампьеры, которым угрожали требования Авеньцев, увидели в нем единственную возможную поддержку своего права. Посредством предоставляемой им опоры король Франции все больше и больше обеспечивал проникновение своей власти в графство Фландрское.

Для этого он использует конфликты, разделявшие графа и фландрские города, где под воздействием динамичного экономического развития складывается городской патрициат, богатый, могущественный, недоверчивый ко всему, что несет ущемление его независимости. В этих конфликтах обе партии призывают к суверену, и французский король тогда кладет начало политике, которой он постепенно собирается подрывать в свою пользу власть крупных феодалов в их собственных доменах.

Она опирается на права суверена и состоит в передаче королевскому суду, особенно высшему — Парижскому пар-

ламенту, — всех дел, где король может усмотреть свои права и интересы; в получении всех апелляций к правосудию. Ибо известно, что в интервале, разделяющем апелляцию от приговора, апеллянт выходил из-под юрисдикции своего непосредственного сеньора и оставался под охраной судьи. Под прикрытием сей роли судьи французский король насаждает во Фландрии свою власть, доходя даже до того, что предписывает употребление французского языка при графских судах, когда на них присутствует один из королевских агентов, заставляет развешаться своему знамени на дозорной башне городов под его охраной.

Граф Фландрский пытается прореагировать на этот прогрессирующий и неумолимый нажим. Он опирается на другую жертву этой политики, английского короля, терпящего в своем герцогстве Аквитанском аналогичный захват. Кризис разразился во времена Филиппа Красивого. Но союзник графа Фландрского не поддержал его в 1297 г. и бросил в 1299 г. В мае 1300 г. графу Ги де Дампьеру с двумя сыновьями, Робертом Бетюнским и Гийомом де Кревкёром, пришлось предаться в руки французского короля, заключившего их в темницу.

Но графство Фландрское не было присоединено к домену. Оно управлялось короной в ожидании дня, когда граф явит доказательства, что в будущем он выкажет себя покорным вассалом, и тогда король возвратит ему графство. Мы и это увидим, когда после серии вооруженных столкновений с королем, причем более сильных, чем с освобожденными сыновьями графа, добрые города Фландрии, недовольные королевской администрацией, наконец, подписали мир в Ати-сюр-Орже 23 июня 1305 г. Сей договор не содержал никаких статей, уменьшающих территорию графства Фландрского. После смерти Ги де Дампьера его сын Роберт Бетюнский просто и полностью получил графство. На будущее король ограничился тем, что срыл стены фламандских городов, потребовав от всех жителей графства клятвы верности, возобновляемой каждые пять лет и содержащей обещание никогда не заключать союзов без соглашения короля.

Однако финансовые статьи этого договора, столь delicate для исполнения, сколь это возможно, влекли территориальные приобретения французской короной. По соглашению, подписанному в Понтуазе 11 июля 1312 г.,

рента в 20 000 ливров, которую должен был предоставить граф королю во искупление своей вины, была смягчена уступкой короне Франции кастелянств Лилля, Дуэ и Бетюна. Это то, что называли «*transport*» Фландрии.

* * *

Без непосредственного контакта в течение более двух столетий с землями, находящимися под прямой властью Капетингов, графство Тулузское, самое мощное феодальное государство на Юге, казалось последним французским княжеством, которое должна была поглотить корона.

Несомненно, под различными предложениями Людовик VII, как мы видели, проявлял к делам этого графства отчетливый интерес, стараясь заручиться его дружбой и верностью. Несомненно, мы наблюдали, как корона расставляла вехи по дороге, ведущей к омнам этого графства, главным образом церковным. Наконец, в последние годы правления Филиппа-Августа, вмешиваясь или заставляя вместо себя вмешиваться сира де Бурбона, под предлогом покровительства епископу Клермонскому, король довел до подчинения графа Ги II Оверньского, успешно осуществляя сюзеренитет над этой страной, попавшей в руки короля английского — герцога Аквитанского — по договору в Азей-ле-Ридо в июне 1189 г. Однако поглощенная другими делами капетингская королевская власть, думается, еще долго выжидала, прежде чем начать наступление на границы графства Тулузского. Помимо своей воли она была вовлечена в это начиная с царствования Филиппа-Августа. И за это ответственна церковь.

В начале XIII в. графство Тулузское представляло значительную территорию, поскольку в него входили, помимо собственно графства Тулузского, герцогство Нарбоннское, Керси, Руэрг, Ажене, Альбижуа, виконтство Нимское, Конта-Венессен, вассалитет признавали виконтства Безье, Каркассон, графство Фуа и сеньория Монпелье. Тогда оно было в руках одного из представителей древнего дома Сен-Жиллей, графа Раймона (Раймунда) VI.

Но в течение XII в. манихейские доктрины, известные под именем катаризма, завоевали значительную часть населения, не только народа, но также и знатных семей¹. Уже в 1163 г. папа Александр III на соборе в Бурже, возможно, под нажимом благочестивого короля Людовика VII, забил тревогу. Но только после Латеранского собора 1179 г. церковь попыталась прореагировать отправкой в Лангедок настоящих миссий, состоящих из членов цистерцианского ордена, успехи которого, впрочем, были довольно посредственными. Избрание папы Иннокентия III ускорило события.

Усилия папских легатов, рвение святого Доминика и его соратников оказались недостаточными, быть может, из-за покровительства, оказываемого катарам средиземноморской знатью, и терпимостью или милостью, выдаваемой графом Раймоном VI врагам церкви. Тогда Иннокентий III решил прибегнуть к силе. Убийство легата Пьера де Кастельно в 1208 г. давало повод для проповеди крестового похода против лангедокских еретиков.

Приглашенный участвовать в этой экспедиции, Филипп-Август отказался, не проявляя все же никакого неодобрения предприятия. Он заметил, что крестовый поход против графа Тулузского имеет смысл только в том случае, если удастся убедиться в ереси этого знатного сеньора. Ему приписывают следующие слова, и весьма справедливые: «Осудите его как еретика. Только тогда у вас будет право вынести приговор и приглашать меня, меня, сюзерена графства, для того, чтобы законно конфисковать домены моего вассала».

Несмотря на эту сдержанность, когда Латеранский собор в 1216 г. лишил Раймона VI его доменов, дабы передать их Симону де Монфору, за исключением северной части графства Тулузского, поставленной под секвестр для сына низложенного графа, молодого Раймона VII, Филипп-Август одобрил решение собора и на ассамблее в Мелене в апреле 1216 г. принял оммаж Симона де Монфора за завоеванные земли.

¹ Катаризм (от греч. *katharós* — чистый) — еретическое движение в Западной Европе XI—XIII вв., получившее особенное распространение на юге Франции и ставшее основой вероучения альбигойцев. (Прим. ред.)

Смерть Симона, убитого близ Тулузы в начале 1218 г., кажется, изменила взгляды французского короля на этот вопрос. Начиная с этого времени король был обременен заботами, кои ему доставляла война против Иоанна Безземельного, но ему пришла идея использовать обстоятельства, чтобы вступить на юг королевства. И когда в 1219 г. Амори де Монфор, сын и наследник завоеванных его отцом земель, получил угрозы от графа Раймона VI и его сына, подкрепленных настоящим национальным лангедокским движением, король сначала обязал своего сына, принца Людовика, отправиться в графство Тулузское во главе войска. В 1222 г. король послал еще 200 рыцарей и 10 000 оруженосцев на помощь Амори, все более и более теснимому своими противниками — молодым Раймоном VII, наследовавшим своему отцу в 1221 г., и виконтом Каркасонским Раймоном Транкавелем, другой жертвой крестового похода. Но, когда Амори де Монфор предложил королю отдать ему Альбизуа, Филипп-Август отказал.

Его сын Людовик VIII, наследовавший ему в 1223 г., имел более четкие намерения. Понимая, что без его вмешательства дело ортодоксальной церкви в Лангедоке обречено, он решил поддержать его всеми силами, но при условии воспользоваться результатами этого вмешательства и не понести расходов. Он желал также окончательно установить свою власть на Юге.

В январе 1226 г. в Париже легат Святого престола торжественно отлучил от церкви Раймона VII, хотя последний прибыл в предыдущем году в Бурж, признавая поражение и испрашивая прощения за свои заблуждения. Французский король был утвержден церковью во владении доменов отлученного графа, дабы держать их в своей власти и передавать преемникам. Амори де Монфор со своей стороны оставил королю все права на земли, завоеванные его отцом Симоном, и его дядя Ги де Монфор подтвердил это решение.

Тогда французский король принял крест, полученный от церкви для него и его королевства, прощение грехов и обычные привилегии, и обещание пятилетней десятины от доходов церквей. Наконец, он заставил двадцать девять своих главных баронов передать ему акт, по которому те

признавали, что посоветовали ему вмешаться в дела альбигойцев и обещали верно помогать в этом предприятии¹.

Последний акт можно интерпретировать по-разному. Он кажется простой гарантией против измены баронов, гарантией весьма необходимой, как показали события. Но он мог быть также и предосторожностью на будущее для королевских завоеваний на Юге. Король собирался завоевать фьеф одного из своих крупных вассалов. Последний был отлучен церковью, но после своего подчинения и без процесса над еретиком. Была ли законной и окончательной конфискация его имущества при этих обстоятельствах сюзереном? Очевидно, нет, следуя мнению Филиппа-Августа, приведенному выше. Но ежели двадцать девять баронов посоветовали королю это предприятие, конфискация принимает другой вид. Она кажется до некоторой степени результатом приговора королевской курии. С точки зрения феодального права дело становилось законным.

Тогда Людовик XIII отправился в Лангедок с крупным войском. Начиная с марта 1226 г. началось подчинение Юга. После падения Авиньона, приблизительно 9 сентября, и во время осады этого города, вопреки предательству некоторых крупных баронов, покинувших войско по истечению своих сорока дней ополчения, оно только усилилось. Крестовый поход свелся к военной прогулке. Организовав управление в завоеванном крае и поддержав административную систему, установленную Симоном де Монфором, основанную на прочном союзе с местным духовенством, Людовик VIII отправился в обратную дорогу. Он умер в Монпансье 8 ноября 1226 г.

Капетинги заняли графство Тулузское, но нельзя сказать, что они вступили в законное владение. Им недоставало того, что они ценили превыше всего, акта о безоговорочной уступке со стороны старого владельца. С небольшим трудом Раймон VII сумел восстановить свои домены. Он предпочел прибегнуть к силе, приняв участие в восстании баронов против регентши Бланки Кастильской. Поначалу все шло хорошо. Значительная часть недавно оккупированной страны снова объявила об отступничестве. Но легат Святого престола кардинал Романо Франжипани,

¹ Éd. A. Teulet. *Layettes du Trésor des Chartes*. Vol. II. p. 68-69, n° 1742.

поддерживая регентшу, следил за тем, чтобы пятилетняя десятина, уступленная королю в 1226 г., платилась, что позволяло Юмберу де Боже добывать необходимые силы для защиты королевского Юга¹. В конце 1228 г. Раймон VII запросил пощады, и 12 апреля 1229 г. подписанный в Париже договор определил судьбу лангедокской Франции². Мы коснемся только статей, интересных для короны.

Раймон VII заявил, что он приносит оммаж и клянется в верности королю за земли, которые тот ему оставлял. Он признавал то, что оставляет королю все свои остальные владения по эту сторону Роны (сенешальства Бокер-Ним и Каркассон-Безье), равно как и сюзеренитет над неким числом фьефов, переходящих в непосредственную ленную зависимость от короны. Один из братьев короля женится на дочери Раймона VII, Жанне Тулузской, которую передадут в руки короля. Эта принцесса и ее супруг получают всю территорию епископства Тулузского после смерти Раймона VII, и, если семья будет бездетной, Тулуза и ее епархия отойдут королю. Для остальной части оставленных Раймону VII доменов было решено, что ежели граф умрет, не оставив другого законного потомства, нежели его дочь Жанна, то последняя и ее наследники получают все.

Мы не можем слишком настаивать на значении этого дипломатического акта, узаконившего королевское завоевание и окончательно закрепившего за короной владение сенешальствами Бокер и Каркассон и, возможно, подготавливавшего, если бы удача улыбнулась Капетингам, аннексию всего огромного лангедокского фьефа.

Начиная с 1229 г. капетингская политика, олицетворяемая Бланкой Кастильской, старалась смягчить участь Раймона VII, поддерживая его против слишком алчного духовенства, предоставляя ему заем, дабы помочь исполнить его обет отправиться в Святую землю, безуспешно пытаясь создать для него Прованский маркизат, что договор 1229 г. вменял церкви.

Раймон VII не выразил никакой признательности за эти добрые начинания. В 1240 г., когда восстание Раймона

¹ Юмбер де Боже (ум. 1250) — сенешал Каркассона, с 1239 г. — коннетабль Франции. (*Прим ред.*)

² Éd. A. Teulet. *Layettes du Trésor des Chartes*. Vol. II. p. 147-152, n° 1992.

Транкавеля, виконта Каркассонского, лишенного своих владений, в какой-то момент поставило в опасность королевское владычество на Юге, поведение графа Тулузского было довольно подозрительным. Когда в 1242 г. против короля создалась с помощью английского короля Генриха III новая коалиция, Раймон присоединился к мятежникам. Коалиция провалилась, и с 20 октября 1242 г. граф Тулузский писал королю, испрашивая прощения. В январе 1243 г. договор в Лоррисе установил мир между королем и графом. Последний был прощен и принужден к выполнению статей договора 1229 г., предусматривавших гарантию его верности посредством клятвы, приносимой прямо королю его вассалами. Кроме того, он потерял сюзеренитет над графством Фуа, перешедшим в прямую ленную зависимость от короны.

Граф Тулузский умер 27 сентября 1249 г. Его дочь Жанна, вышедшая в 1236 г. замуж за третьего сына Людовика VIII Альфонса, графа де Пуатье и с 1241 г. сеньора части Оверни, была его единственной наследницей. Но в момент смерти своего отца она находилась на пути в Египет, сопровождая своего супруга в крестовый поход, который вел французский король.

Наследство было значительным, поскольку включало графство Тулузское, Альбигуа на севере Тарна, Руэрг, Конта-Венессен (возвращенный Раймону в 1234 г.), Ажене и Керси, сильно укрепленное королем. И во всех этих областях, как свидетельствует графский картулярий, граф Тулузский с 1229 г. вел интересную политику покупок, существенным образом расширивших его личный домен.

В отсутствие Жанны и ее супруга регентша Бланка Кастильская, действовавшая в интересах своего сына, отправила двух рыцарей — Ги и Эрве де Шеврезов, а также одного клирика, Филиппа, казначея церкви Святого Илария, принимать от имени нового графа наследство Раймона VII. Длинное письмо этих уполномоченных к Альфонсу де Пуатье описывает нам в деталях действия «комиссии» и трудности, которые ей пришлось преодолеть¹.

Надо не без оснований отметить, что этот захват тулузских владений Альфонсом де Пуатье был совершен в

¹ E. Boutaric. Saint Louis et Alphonse de Poitiers. Étude sur la réunion des provinces du Midi et de l'Ouest à la couronne. Paris, 1870. p. 69-77.

силу статей договора 1229 г., а отнюдь не во исполнение завещания Раймона VII. Более того, по своему возвращению с Востока Альфонс повелел кассировать завещание усопшего графа, чтобы освободиться от некоего числа благочестивых начинаний, сделанных Раймоном VII, которым его наследник отказывался следовать.

В течение двадцати лет Альфонс де Пуатье строго управлял своим личным доменом и доменом, хозяином которого он стал по браку. Это управление, детальное изучение которого¹ стало возможным благодаря счастливому случаю, сохранившему нам архивы, было идентичным королевскому управлению. Своим руководством средиземноморским доменом Альфонс подготавливал пути для королевской власти на тот день, когда Капетинги простерли бы свою прямую власть на все древнее лангедокское княжество.

Эта возможность, вероятно, приходила на ум королю, когда Людовик Святой 11 мая 1258 г. заключил с королем Хайме I Арагонским договор в Корбее, по которому посредством оставления французским королем сюзеренитета над Каталонией и Руссильоном, сюзеренитета, восходящего к истокам династии, но который никогда не осуществлялся в полной мере, король Арагона отказывался от всех претензий на графство Тулузское и ограничивал свое право одной сеньорией Монпелье².

Наконец, настал день, когда граф Тулузский и его жена, союз которых не увенчался рождением детей, сопроводив Людовика Святого в его последнюю экспедицию в Тунис, умерли в Савоне по возвращении, Альфонс — 21 августа, его жена — 24 августа 1270 г.

С 5 октября того же года Гийом де Коардон, сенешал Каркассона, отъехал из Тулузы, дабы руководить от имени французского короля вступлением в наследство, которое возвращалось Филиппу III в силу договора 1229 г. Это вступление не встретило сопротивления. После своего возвращения из Африки король отправился продемонстрировать свою силу на военной прогулке и вразумить графов

¹ E. Boutaric. Saint Louis et Alphonse de Poitiers. Paris, 1870.

² Éd. J. de Laborde. Layettes du Trésor des Chartes. Vol. III. p. 405-408; n° 4411.

Фуа и Арманья, желавших воспользоваться случаем, чтобы обрести независимость. В долгих операциях, продолвшихся до 1285 г., король действовал методично, избегая наносить обиды населению, у которого эта новая власть могла вызывать еще слишком недавние воспоминания о резне и крестовом походе.

Корона тщательно проследила, чтобы это владение было юридически обосновано и чтобы случай каждого возможного наследника, требующего всё или часть наследства Альфонса и его жены, был изучен и урегулирован. Претензии Филиппы де Ломань, кузины Жанны Тулузской, которой усопшая графиня оставила свое личное имущество, были отклонены Парижским парламентом, и удовлетворены иначе. Карлу Анжуйскому, брату Альфонса де Пуатье, считавшему себя наследником доменов, составлявших апанаж усопшего, — графств Пуатье и Оверни — Парламент также противопоставил принцип, согласно которому имущество умершего без прямого наследника владельца апанаж возвращается к короне. Святой престол получил графство Конта-Венессен, оставленное Раймоном VII в 1229 г. церкви и возвращенное графу Тулузскому папой Григорием X в 1234 г. в качестве церковного фьефа и каковой за неимением наследников должен был вернуться к церкви. Английский король, наконец, мог возобновить претензии на Ажене и Керси. Ажене составляло часть приданого Жанны Английской, жены графа Раймона VI, данного ее братом, королем Ричардом I Львиное Сердце; в 1259 г. в Париже было решено вследствие договора, подписанного между Людовиком Святым и Генрихом III, что, ежели Жанна Тулузская не оставит детей от брака с Альфонсом де Пуатье, Ажене вернется к своему первоначальному собственнику — королю английскому, герцогу Аквитанскому. По договору, подписанному в Амьене в 1279 г., эту провинцию должно было вернуть. Что же до Керси, которого под тем же предлогом требовал король Эдуард I, то вопрос о том, составляла или нет эта земля часть приданого Жанны Английской, должен был стать предметом расследования. В результате которого земля осталась за французским королем с уплатой ежегодной ренты в 3000 турских ливров в пользу английского короля.

Так посредством крестового похода, ловко обернувшегося к выгоде, и брака капетингская династия прибрала к

рукам огромное феодальное княжество лангедокского Юга. Но если бы последнее было быстро присоединено к домену, то это не соответствовало бы длительному плану, нацеленному на подчинение графства Тулузского. Напротив, еще немного, и династия воссоздала бы посредством брака Альфонса и Жанны на юге и востоке столь могущественное княжество, что в будущем оно могло бы стать опасным для монархии. Но судьба еще раз послужила Капетингам. Жанна и Альфонс умерли, не оставив наследника. Опасность превратилась в ощутимую выгоду.

* * *

Еще один брак, и брак, в котором тоже случай сослужил добрую службу Капетингам, предоставив династии владение крупным фьефом, столь часто угрожавшим ей на востоке, — графствами Шампань и Бри¹.

В течение XI и XII вв. французским королям приходилось напрямую осуществлять в отношении Шампанского дома, владениями которого в определенные моменты они были окружены, оборонительную политику, которая могла даже принимать вид политики подчинения.

Женитьба Людовика VII на Адели Шампанской провозгласила изменения, особенно ощутимые в правление Филиппа-Августа. Воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, Капетинг перешел в наступление, впрочем, мирное, под видом дружбы и желания помочь графу Шампанскому в трудностях, с которыми тот столкнулся, но в действительности стремясь поставить великого восточного вассала в зависимость от королевской власти.

Смерть графа Тибо III в 1201 г. накануне его отбытия в крестовый поход оставила шампанский фьеф, состоящий из графств Шампани и Бри и их ленных владений, в руках молодой графини Бланки, дочери Санчо VI, короля Навар-

¹ Книга Arbois de Jubainville «Histoire des Comtes de Champagne» (7 vols. Paris, 1859–1869) заканчивается на браке Жанны Шампанской и Филиппа Красивого. О дальнейшей истории Шампани см. малоизвестную работу: Secousse. Mémoire sur l'union de la Champagne et de la Brie à la couronne de France // Mémoires de Littérature tirés des registres de l'Académie des Inscriptions. Vol. XVII, 1743. p. 295–315.

ры, тогда бывшей на последних месяцах беременности. Торопясь отъехать на Восток, сообразно с феодальными обычаями, желая упрочить будущее великого фьефа, шампанские бароны не углядели опасности, исходившей от французского короля, вмешивающегося в шампанские дела. В конце мая, в Сансе, графиня Бланка, уже мать маленькой дочери, стала вассалом короля Филиппа-Августа. Она обещала не выходить вновь замуж без согласия короля, передать ему дочь и ребенка, рождения которого ожидали. Со своей стороны, король обещал охранять и содержать свою кузину и по достижении ею двенадцати лет выдать ее замуж с согласия королевы-матери Адели Шампанской и десяти специально назначенных шампанских баронов. Эти обещания были гарантированы передачей в руки короля крепостей Бре-сюр-Сен и Монтеро.

После рождения маленького Тибо IV графине Бланке пришлось согласиться не объявлять его совершеннолетним до 21 года и, когда Тибо достигнет 12 лет, новым договором от 21 ноября 1213 г. поклясться вместе с сыном верно служить королю, подкрепив обещание клятвой шампанских баронов. В действительности же вплоть до своей смерти Филипп-Август действовал в Шампани по-своему.

После смерти Людовика VIII и во время регентства Бланки Кастильской Тибо IV попытался избавиться от королевской опеки. Мы видим, что он активно вмешивается во все интриги против регентши, участвует во всех феодальных коалициях. Но этот толстяк, будучи тонким поэтом, был достаточно неловок в политике, снедаемый платонической страстью к королеве Бланке Кастильской, и амбициями по поводу Наварры, корону которой его дед Санчо VI ему оставил в 1234 г. К тому же он столкнулся с притязаниями на графства Шампанское и Бри двух дочерей Генриха II, графа Шампанского, его дяди, королевы Алисы Кипрской, и Филиппины, жены авантюриста Эрара де Бриенна.

Именно французская регентша должна была прийти ему на помощь, спасти его, когда старые союзники по феодальной коалиции 1230 г. повернули против него, обвиняя в предательстве. Она урегулировала в его пользу вопрос с шампанским наследством и предоставила ему необходимые средства для компенсации королеве Кипра. Возмеще-

ние этих расходов было произведено за счет его отказа от ленных владений — графств Блуа, Шартра, Сансерра и виконтства Шатоден, отныне зависящих от французской короны.

Его преемник, Тибо V, наследовавший отцу в 1253 г., также нуждался в поддержке французского короля против претензий герцога Иоанна Бретонского, требовавшего прав на шампанские графства от имени своей жены Бланки Шампанской, дочери Тибо IV. Молодой граф с матерью, Маргаритой Бурбонской, третьей женой графа Тибо IV, тесно сблизился с Людовиком Святым, на дочери которого, Изабелле, Тибо V женился, в то время как его брат, Генрих Тучный, который должен был стать его преемником, женился на Бланке д'Артуа, племяннице французского короля.

Тибо V сопровождал Людовика Святого в крестовый поход в Тунис и умер по возвращении из него 4 декабря 1270 г. Его брат, Генрих Тучный вскоре наследовал ему и в свою очередь скончался 22 июля 1274 г., оставив наследницей своего наваррского королевства и шампанских графств дочь Жанну Наваррскую.

Рука этой юной и богатой наследницы стала предметом многих вожделений. Однако, пообещав свою дочь сыну английского короля, потом сыну короля арагонского, королева Бланка д'Артуа, ловко руководимая старыми советниками Людовика Святого, оставленными в должности при его сыне Филиппе III, согласилась подписать в Орлеане в мае 1275 г. договор, урегулировавший вопрос в пользу французской короны.

Королева Бланка оставляла королю Франции охрану королевства Наварры; она и ее новый супруг, за которого она вышла замуж на следующий день после подписания договора, Эдмонд, брат короля Эдуарда I Английского, получали управление шампанскими графствами до совершеннолетия наследницы или ее замужества. Затем последняя должна была выйти замуж за одного из сыновей Филиппа III, и, поскольку оба будущих супруга состояли в близком родстве, у Святого престола было испрошено необходимое разрешение.

Который из сыновей короля Франции получит руку Жанны и ее наследство, не оговорили. Возможно, опасались вызвать беспокойство шампанского партикуляризма. Но позволительно думать, что по мысли королевских советников, речь шла о наследнике короны, принце Людовике, старшем сыне Филиппа III и его умершей супруги Изабеллы Арагонской. Во всяком случае, этого не желал Святой престол, обеспокоенный возрастающим могуществом французского короля. Так что папа Григорий X предоставил просимое разрешение, но для второго сына короля, принца Филиппа.

Папские предосторожности оказались бесполезными уже в следующем году, со смертью в 1276 г. принца Людовика. Филипп, будущий Филипп Красивый, одновременно становился женихом Жанны Наваррской и наследником французской короны. Свадьба была справлена в 1284 г., когда молодая королева Наваррская достигла положенного возраста.

В том же году, 17 мая, Бланка д'Артуа и ее супруг освободили Жанну от опеки. Бланка получила в конце своего владычества над Шампанью 60 000 турецких ливров, что должно было составить значительную вдовью часть. Отныне Филипп именуется королем Наварры и графом Шампанским и Бри. В следующем году, со смертью своего отца он становится королем Франции.

Но это не повлекло присоединения шампанских графств к королевскому домену. Совсем напротив, Филипп, став французским королем, прекратил носить шампанский титул, в то время как королева его сохранила, равно как и титул королевы Наварры. Если в актах, касающихся Шампани, король Франции действовал как сеньор этих территорий, то в конце всегда заботился об обосновании своих действий в качестве супруга своей жены, именуемой графиней-наместницей Шампани и Бри. Речь идет о том же титуле, что и у мужа Бланки д'Артуа как управляющего от имени жены территориальным имуществом последней.

Когда 4 апреля 1305 г. Жанна умерла, положение не изменилось. Королем Наварры и графом-наместником Шампани и Бри стал в свою очередь старший сын Жанны, принц Людовик, унаследовавший имущество матери.

И, когда он достиг совершеннолетия, акты, касающиеся управления Шампанью, издавались от его имени; имя его отца больше не появлялось.

В 1314 г. Людовик X становится королем Франции. Графства Шампань и Бри, наконец, присоединяются к домену, но это присоединение связано с той же личностью Людовика X, наследника своей матери. С исчезновением этой персоны, как показали события, территориальный союз мог быть поставлен под вопрос.

Людовик X умер 5 июня 1316 г. Он оставил единственную дочь Жанну, законность происхождения которой вследствие «проступков» ее матери, Маргариты Бургундской¹, опротестовывалась, и молодую вдову Клеменцию Венгерскую, ожидавшую ребенка, считавшегося наследником. В ожидании рождения этого наследника и в предвидении его малолетства регентом королевства был утвержден брат усопшего короля, Филипп, граф де Пуатье.

Но наследник, король-младенец Иоанн I, родившийся 14 ноября 1316 г., умер 19 числа того же месяца. Так что Жанна, дочь Людовика X и Маргариты Бургундской, наследовала короны Франции и Наварры, а также графства Шампань и Бри. И на сей раз присоединение к домену казалось окончательным.

Однако регенту, Филиппу, удалось отстранить от французского трона законную наследницу и заставить короновать себя в Реймсе 9 января 1317 г. Ибо если два последних суверена этой династии были по семейной традиции добрыми отцами, добрыми сыновьями и добрыми супругами, то должно признать, что как дяди они мало уважали права своих племянниц.

Жанна Шампанская, теряя корону Франции, должна была все же сохранить по крайней мере корону Наварры и графств Шампани и Бри. Таковым было мнение шампанских баронов, предпочитавших власть семилетней графини власти такого энергичного лица, как французский король. Они пришли в движение, и случилось то, что хроника называют «волнениями и мятежом шампанской

¹ См. гл. III.

знати», последнего наступления умирающего феодального мира, которого ожидала участь всех «волнений» такого рода, то есть полный провал.

Филипп V, впрочем, заставил почувствовать, что прошлые соглашения вследствие его назначения регентом утверждали его, по смерти Иоанна I, покровителем Шампани и Бри. Он предпочел получить от молодой принцессы, или, скорее от ее опекунов, старой герцогини Агнессы Бургундской, ее бабки, и герцога Бургундского Эда IV, ее дяди, отказ от претензий. По договору, подписанному 27 марта 1318 г., юная Жанна отказывалась от своих прав на графства Шампань и Бри посредством получения ренты в 15 000 турских ливров и суммы в 50 000 турских ливров. Статья, однако, провозглашала, что в случае, если Филипп V не оставит наследника мужского пола, права Жанны на Шампань и Бри вновь обретут силу.

Филипп V умер 2 января 1322 г. В качестве наследниц он оставил лишь дочерей. Его брат, Карл де Ла Марш, отстранив их, захватил корону. Но Жанна Шампанская, с 18 июня 1318 г. замужем за Филиппом, графом д'Эвре, потребовала графства Шампань и Бри в соответствии с условиями договора 27 марта 1318 г. Король Карл IV велел отложить эти дела, придя в последние месяцы своего правления к новому соглашению, поднимающему до 15 000 парижских ливров ренту в 15 000 турских ливров, принятую в 1318 г., и до суммы в 70 000 турских ливров сумму в 50 000, установленную тогда же.

Но окончательный отказ Жанны был дан только в 1335 г., и лишь в ноябре 1361 г. графства Шампань и Бри окончательно присоединились к французскому домену. Но фактически хозяином их король был с 1285 г.

Мы постарались показать с некоторыми деталями действия капетингской династии в отношении этих крупных присоединений. Они вовсе не были результатом завоевания. Присоединение совершалось путем осторожного и медленного проникновения королевской власти, не пренебрегающей никаким случаем, чтобы воспользоваться правами вмешательства, принадлежащими суверену и сюзерену, способствуя возникновению новых прецедентов, добавляя сюда политику, матримониальные союзы. И все делалось с бес-

конечным терпением, в конце концов истощившим сопротивление и приведшим к законному обладанию титулом согласно владению, увенчивающим порой почти вековое господство.

Но никогда у Капетингов не возникало желания завоевания крупных фьефов, и доказательство тому — Бургундия и Бретань.

* * *

Герцогство Бургундское со времени правления Генриха I находилось в руках династии, ведущей начало от Роберта, брата этого суверена. Родство герцогов Бургундских и французских королей, вероятно, и объясняет добрые отношения, в целом поддерживаемые великим бургундским вассалом со своим сюзереном. Возможно также, что очень серьезные трудности, встречаемые герцогами Бургундии в собственном герцогстве во взаимоотношениях с их могущественными феодалами, не создавали никаких поводов для беспокойства французским королям, которые даже вмешивались на правах сюзерена в их пользу.

Далее, герцогство Бургундское было единственным из крупных фьефов, над которым сюзеренитет короля никогда не ставился под сомнение. Герцоги не только регулярно приносили оммаж и выполняли службу, которую должны были королю, но, кажется, первыми согласились на требование представлять перед королевским судом, дабы уладить разногласия с вассалами, и порой даже были счастливы от того, что их царственный кузен вмешивается, поддерживая их, в дела герцогства.

Естественно, чем больше усиливалась королевская власть, тем более она заставляла почувствовать себя в Бургундии. Во времена Филиппа-Августа герцог Гуго III, на короткий момент, правда, решил объединиться с врагами короля. Филипп немедленно поддержал против герцога одного из его наиболее могущественных вассалов, сира де Вержи, известного хроническими ссорами с бургундским сюзереном. Королевское войско вступило в Бургундию, взяло в 1186 г. Шатийон-сюр-Сен и захватило в плен наследника герцога. Последний тотчас же заключил мир

с королем Франции. Немного спустя Гуго III сопровождал его на Восток, где мы видим, что он верно участвует во всех тайных намерениях короля против Ричарда Английского.

Отныне и до конца династии герцоги Бургундские не перестают быть верными вассалами короны, и юридическое и финансовое воздействие последней все более и более чувствуется в герцогстве, не встречая там серьезного сопротивления при условии уважения формы и видимости герцогского сюзеренитета. Даже приобретение в 1295 г. Филиппом Красивым графства Бургундского, того, что лучше известно под названием Франш-Конте, территории, зависящей от империи, но на которую герцоги Бургундские имели некоторые претензии, не вызвало у герцога Роберта II никакого серьезного беспокойства. Или, ежели он и взволновался, то был быстро успокоен предоставлением ренты в тысячу ливров и обещанием, что принц Филипп, ставший по браку графом Бургундским¹, будет приносить оммаж герцогу за фьефы Франш-Конте, зависящие от герцогства. Более того, старший сын французского короля был женихом дочери герцога Роберта², и последний в январе 1297 г. подтвердил охрану герцогства королем.

По короткой реакции, которую она вызвала в 1314 г., можно составить себе представление о проникновении в герцогство Бургундское королевской власти.

Известно, что в последний год правления Филиппа Красивого и в короткое правление его старшего сына по всему королевству началось широкое движение протеста знати против нарушения королевской властью прав и привилегий этого класса. Подобное движение, естественное в непосредственном королевском домене, кажется несколько удивительным в таком крупном фьефе, как герцогство Бургундское, где можно было бы ожидать его против власти герцога, но не короля. Однако это произошло, когда 31 марта 1315 г. в Дижоне собралась Лига бургиньонов. Лига объединяла 110 человек знати, 18 аббатств, 11 ка-

¹ Филипп, граф де Пуатье, и граф Бургундский по браку с Жанной Бургундской, второй сын Филиппа Красивого, с 1316 г. король Филипп V. (Прим. ред.)

² Речь идет о Людовике, старшем сыне Филиппа Красивого, будущем Людовике X, и его первой жене Маргарите Бургундской. (Прим. ред.)

питулов и 11 городов герцогства. Она потребовала от Людовика X издания двух *Хартий бургиньонам* в апреле 1315 и 17 мая того же года. Не входя в детальное изучение этих документов, заметим только, что, судя по представленным замечаниям, королевская власть, кажется, действовала в Бургундии почти по-абсолютистски, и рекламации, выраженные бургиньонами, представляются почти идентичными рекламациям знати королевского домена. Заметим, наконец, что эти хартии представляют герцога Бургундского уже не сувереном над своими подданными, к которому вызывают по поводу бесчинств, творимых королевскими чиновниками, но, напротив, теперь от короля требуют ликвидации злоупотреблений.

В этих условиях понятно, что территориальная целостность герцогства Бургундского не подвергалась посягательствам со стороны королей первой капетингской династии. Не было необходимости стараться присоединить к королевскому домену большой фьеф, где король и так чувствовал себя дома и глава которого, связанный с королем узами родства, действовал, скорее, как королевский наместник, нежели как великий собственник.

Незадолго до предоставления *Хартии бургиньонам* король Людовик X издал по просьбе герцога Бретонского в марте 1315 г. в Сен-Жермен-ан-Ле ордоннанс, который историк этого движения 1314–1315 гг., не колеблясь, рассматривает как документ, аналогичный провинциальным хартиям, уступаемым в эту эпоху королевской властью различным лигам знати, образовавшимся в домене¹. Но в отличие от провинциальных хартий этот ордоннанс издан по просьбе герцога. Это он жалуется королю на своих вассалов. Как подчеркнул А. Артонн, «наличествуют король и герцог», и хотя поставленные вопросы разрешены в том же смысле, что и в других провинциальных хартиях, хотя они часто даже те же самые, отличие является важным.

Но это отличие ничего не прибавляет к факту, что в начале XIII столетия Бретань испытала, приблизительно как и другие части королевства, действие королевской

¹ А. Artonne. Le mouvement de 1314 et les chartes provinciales de 1315. Paris, 1912. p. 48.

власти. Ибо следует напомнить, что король Людовик VI в 1113 г. подписал договор в Жизоре, оставляющий герцогу Нормандскому Генриху I, королю Англии, в ленное владение графство Бретань, и мы признаем, что у первой капетингской династии был длительный период, чтобы установить в этом краю влияние, ставшее навязчивым для населения или, по крайней мере, для части его. Еще здесь мы сталкиваемся с крупным фьефом, в отношении которого корона не злоупотребляла территориально, но над которым ей удалось, во всяком случае, на время, прочно установить свой суверенитет.

Капетинги, несмотря на уступку 1113 г., не переставали действовать в Бретани. В 1123 г., десять лет спустя после Жизора, Людовик VI передал епископу Нантскому торжественное подтверждение каролингских дипломов его церкви, провозгласил свободу последней и объявил, что епископ Нанта имеет по отношению к королю тот же долг, что и другие королевские епископы¹. В течение части своего правления Людовик VII поддерживает претензии на герцогскую корону виконта де Пороэ, равно поддерживая очаг сопротивления против возрастающего влияния английского короля.

Когда по браку своего сына Жоффруа с Констанцией, дочерью графа Конана, король Генрих II стал настоящим хозяином бретонского фьефа, его суровое и авторитарное управление не понравилось мятежным бретонским феодалам. Также после смерти Жоффруа Филипп-Август, поддерживая Констанцию и ее сына, юного Артура, против Генриха II и Ричарда Львиное Сердце, сумел выставить себя поборником бретонских вольностей.

Впрочем, это поведение — целиком политическое. Мы это хорошо видим, когда после смерти Ричарда Львиное Сердце его племянник Артур почувствовал себя его наследником. Французский король сначала поддерживает Артура, чтобы затем покинуть его в момент заключения мира в Гуле 22 мая 1200 г., по которому за ним оставалась одна Бретань в качестве фьефа от его дяди Иоанна Безземельного. Двумя годами позднее, когда Иоанн был

¹ Morice. Histoire ecclésiastique et civile de la Bretagne. Paris, 1750. Preuves. Vol. I. p. 544-547.

«лишен» наследства королевской курией, а его владения попали в руки Филиппа-Августа, французский король занял Бретань, чтобы передать ее Артуру. Капетинги принудили графство Бретань войти в прямую ленную зависимость от короны.

Еще один шаг был сделан, когда Артура в апреле 1203 г. убил его дядя. Бретань должна была бы возвратиться сестре Артура, Элеоноре, единственному оставшемуся в живых ребенку Жоффруа и Констанции. Но Элеонора находилась в Бристоле в Англии, в руках своего дяди Иоанна Безземельного, который в качестве опекуна наследницы потребовал управления наследством. Признать права Элеоноры значило передать Бретань английскому королю, чего не хотели бретонские сеньоры, а особенно — французский король.

В свою очередь Констанция, более или менее принужденная вновь выйти замуж за английского рыцаря Ральфа Честера, заставила аннулировать этот брак и вышла замуж в третий раз за пуатевинского сеньора Ги де Туара, от которого, прежде чем умереть в 1201 г., имела нескольких дочерей.

Ассамблея бретонских баронов и прелатов, собравшаяся в Ванне в 1203 г., ввиду заключения Элеоноры признала недействительными ее права на Бретань. Тогда же была выдвинута кандидатура ее единоутробной сестры, Алисы, старшей из дочерей Констанции и Ги де Туара, управлявшего большим бретонским фьефом. Затем, в 1206 г., когда Ги де Туар был уличен в интригах с пуатевинскими баронами в пользу Иоанна Безземельного, Филипп-Август взял под свою руку управление Бретанью.

Задумав выдать замуж Алису за бретонского сеньора Генриха де Пантьевра, король Франции потом решил дать ей в супруги принца из своей семьи, Пьера де Дре, правнука Людовика VI, того, кто вошел в историю под именем Пьера Моклерка. 27 января 1213 г. Пьер принес королю оммаж за Бретань, и формула этого оммажа подчеркивала, что, если новый герцог будет пренебрегать своими обязанностями в отношении короля, его вассалы могут восстать против него в пользу его сюзерена¹.

¹ Éd. A. Teulet. Layettes du Trésor des Chartes. Vol. I. p. 387, n° 1033.

Так что Бретань оказалась в положении, аналогичном Бургундии, под управлением принца из капетингского дома, и, казалось бы, Филипп-Август мог считать, что во главе этого крупного фьефа стоит вассал, вдвойне верный ему, поскольку связан с королевской династией узами крови и признательностью. Ничего подобного.

Занятый укреплением своей власти в герцогстве, Пьер Моклерк мог показать себя только покорным вассалом короля в течение последних лет правления Филиппа-Августа и краткого правления Людовика VIII. Но регентство Бланки Кастильской и малолетство Людовика Святого предоставили ему случай доказать, что ни родство, ни признательность не умерили его притязаний. Мы видим, что он вмешивается во все феодальные коалиции против регентши, даже приносит в 1229 г. оммаж Генриху III, английскому королю, изо всех сил помогая последнему против французского короля. Его усилия не увенчались успехом. В ноябре 1234 г. Пьеру Моклерку пришлось последний раз подчиниться и с 1237 г. по достижении совершеннолетия его сына Иоанна I Рыжего оставить управление Бретанью. Он отправился умирать на Восток.

Иоанн I (1237–1286), Иоанн II (1286–1305), Артур II (1305–1312) и Иоанн III (1312–1341) выказали себя верными вассалами французского короля, ухитрившись не слишком скомпрометировать себя в глазах короля английского, от которого бретонские государи зависели с 1156 г. по графству Ричмонд. Дабы воздать им за эту верность, который доселе давал сеньору великого бретонского фьефа только титул графа, Филипп Красивый в 1297 г. признал его герцогом Бретонским и в этом качестве сделал его пэром королевства¹.

На примере этих двух герцогств понятно, почему Капетинги пытались, имея возможность просто подчинить великие фьефы своего королевства, даже когда обстоятельства вопреки им самим приводили эти фьефы в их домен,

¹ В действительности, Бретань была провозглашена герцогством Аленом II еще в 939 г., но, в зависимости от политических обстоятельств, короли Франции признавали за своими бретонскими соседями то титул герцога, то графа. 1297 г. окончательно поставил точку в этом вопросе (Р. Фавтье также именует Бретань и графством, и герцогством). (Прим. ред.)

снова связать их бенефициальной связью с членами своей семьи. Концепция, в которую они облекли монархию, концепция целиком феодальная, казалась им оправданной когда они рассматривали герцогов Бретонских и Бургундских в качестве настоящих королевских наместников и случайно носящих свой титул; схожая ситуация с Альфонсом де Пуатье, когда в руки Капетингов после смерти этого принца вернулось Тулузское графство, казалось, не осторожно потерянное. И если, как позволяла надеяться их матримониальная политика, они в конечном счете поставили во главе крупных фьефов члены своей семьи лояльных и преданных короне, то объединение королевств: французского, по крайней мере, в их понимании, они могли считать законченным.

Первая капетингская династия угасла прежде, чем ясно проявилась опасность ее политики. В ней видели только выгоды, главной из которых было принятие королевской власти в ущерб местному и очень сильному партикуляризму. Но опасность уже вырисовывалась, уже показала, насколько может быть опасным в последнем случае великий фьеф, о котором нам остается сказать, фьеф, созданный в королевстве владениями Анжуйского дома.

ГЛАВА VIII

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ
ОСНОВА:

ЗЕМЛИ
АНЖУЙСКОГО
ДОМА

Уменьшение фламандского княжества, приобретение шампанских графств и лангедокского Юга, мирное проникновение в герцогства Бургундское и Бретонское — все эти меры, необходимые для территориального единства Франции, осуществились при условии исчезновения, во всяком случае, в своей самой острой форме, опасности, которую представлял для существования династии и монархии на западе королевства огромный ансамбль фьефов под владычеством иностранного сеньора, английского короля, происходящего из великого французского феодального Анжуйского дома.

Могущество этого дома, основанного в XI в. Фульком Нерра и Жоффруа Мартелом, значительно упрочилось в XII в. посредством действий графов Фулька Младшего и Жоффруа Красивого. Обладая Анжу, Меном, Туренью, граф Фульк Младший в 1127 г. женил своего сына Жоффруа Красивого на Матильде, дочери английского короля Генриха I, вдове императора Генриха V и наследнице англо-нормандской монархии: Англии, объединенной с 1106 г. с богатым герцогством Нормандия. Когда Стефану (Этьену) де Блуа, племяннику короля Генриха I, удалось отстранить Матильду от английского трона, Жоффруа Красивый получил по своей жене права на Нормандию. После долгой и неясной борьбы ему удалось заставить короновать себя в столице Нормандии Руане 19 января 1144 г. Со своей смертью в сентябре 1151 г. он оставил сыну, Генриху Плантагенету, обширное княжество, состоящее из наилуч-

шим образом организованных в королевстве фьефов: Анжу, Мена, Турени и Нормандии.

В мае 1152 г. Генрих Плантагенет женился на Алиеноре Аквитанской, брак которой с Людовиком VII был расторгнут. Алиенора принесла своему новому супругу наследство, оставленное ей отцом, герцогом Аквитанским Гиёмом X. Это наследство включало герцогства Гиень и Гасконь, графства Пуатье, Сент и Бордо с ленной зависимостью виконтств Туара и Шательро, сеньориями Молеон, Партенейи, Лузиньян в Пуату, сеньориями Шатору и Иссуден в Берри, графствами де Ла Марш и Овернь, виконтствами Лиможским, Тюрени и Вантадур в Лимузене, графствами Ангулем, Перигор, Фезенсак, Арманьяк, Астарак, Пардиак, Комменж и Бигорр, виконтствами Беарнским, Олорон и Габардан, от которых зависели еще виконтства Ломань, Дакс, Лабур (Байонна) и Ла Суль. Кроме того, этот брак позволял новому супругу Алиеноры требовать, подобно и Людовику VII в 1141 г., от имени своей жены, графства Тулузского. Алиенора и в самом деле по своей матери Филиппе Тулузской была прямым потомком Гиёма IV Тулузского, наследство которого перешло к Раймону де Сен-Жилль, младшему брату Гиёма IV, пренебрегшему правами старшей ветви.

Таким образом, на востоке королевства образовалось огромное княжество, простирающееся от берегов Ла Манша до Пиренеев, от океана до равнины Роны. Вдобавок ко всему, Стефан Блуасский, удачливый соперник на английском троне Матильды, умер 25 октября 1154 г., признав своим наследником Генриха Плантагенета. 25 октября 1154 г. Генрих, уже герцог Нормандский и Аквитанский, граф Анжу, Мена и Турени, стал королем Англии.

Наконец в 1158 г. Конан, законный наследник графства Нантского в Бретани, уступил в Авранше королю Генриху II графство, контролирующее устье Луары и открывающее ворота огромного бретонского фьефа.

Каким же оружием располагал Капетинг, чтобы сопротивляться колоссальному могуществу анжуйской империи, чтобы раздробить и поглотить ее элементы, расположенные во французском королевстве? Этим оружием, как мы видели, он пользовался с исключительной ловкостью — своим правом сюзеренитета и суверенитета.

Ибо английский король в своих континентальных владениях является вассалом французского короля. Он обязан ему оммажем и службой за свои французские герцогства и графства. Он подсуден ему, ежели нарушает довольно сложный феодальный обычай, а посему можно уверенно предвидеть возможность правонарушений, благоприятных для реакции французского короля. У Капетинга есть время. Время течет в форме династической традиции, уже устоявшейся на протяжении двух столетий, которая делает из него могущественного короля, исчезновения которого не мыслят больше. Проходит время, так как он умеет ждать, когда его соперник не сможет одолеть его. Французская корона может быть слабой, но она неделима. Анжуйская же империя состоит из частей, собранных случайно под единым владычеством благодаря наследованию. Кроме того, если Генрих II и король Англии, как мы видели, то в Мене, Турени он — лишь крупный сеньор, вассал своего сюзерена. В Аквитании он — только муж герцогини Аквитанской Алиеноры, управляющий ее владениями. И Алиенора переживет своего супруга, она умрет лишь 31 мая 1204 г., в 80 лет. И вплоть до своей смерти эта принцесса будет иметь право голоса в политике своего обширного наследства. Она не всегда будет соглашаться со своим мужем, супружеская неверность которого общеизвестна; она будет иметь на своих сыновей, самим фактом наличия земель, которыми она сможет обладать по завещанию, влияние, не всегда сообразующееся с желаниями своего царственного супруга.

Мы нисколько не желаем рассказывать здесь о почти вековой борьбе капетингских и анжуйских суверенов. Эта «первая Столетняя война» изложена в многочисленных преимущественно исторических трудах¹. Так что повторять этот рассказ бесполезно. Здесь мы хотели бы только раскрыть, какими средствами Капетингам удалось мало-помалу

¹ Тщательное изложение событий 1183–1226 гг. можно найти в книгах О. Картелиери (O. Cartellieri) и Ш. Пти-Дютайи. Последний сумел очень ясно обобщить все фактические данные, касающиеся военных действий этого периода в томе IV (2) кн. «Histoire du Moyen Age», составляющей часть издания «Histoire générale», опубликованной под редакцией Г. Глоца: Ch. Petit-Dutaillis. L'essor des États d'Occident. p. 127–163.

раздробить элементы анжуйского могущества, дабы присоединить к короне наиболее значительную их часть.

Метод, который использовали Капетинги, будет тем же, который они применяли, начиная с того дня, когда герцог Нормандский Гийом Незаконнорожденный (Вильгельм Завоеватель) присоединил посредством завоевания к своему французскому герцогству иностранное королевство: использовать раздробленность созданного таким образом государства, использовать семейные распри, являющиеся результатом смерти суверенов или происходящие до их смерти, наконец, использовать свое право сюзерена.

Генрих II женился на Алиеноре, не испросив согласия на заключение этого союза у короля. Итак, в качестве сюзерена французский король имел право на опеку дочерей и вдов своих вассалов. Они не могли выходить замуж в первый раз или повторно без его согласия. Людовик VII объявил о нарушении феодального права Генрихом Плантагенетом и вызвал его на свой суд. За его неповиновение, поскольку анжуец не явился, суд вынес решение о конфискации имущества мятежного вассала¹. Но исполнение приговора столкнулось с некоторыми трудностями. Феодальная коалиция, созданная французским королем, не действовала со всей необходимой энергией. В августе 1154 г. Людовик VII подписал со своим соперником договор, по которому он отказывался от титула герцога Аквитании, возвращал две единственные крепости, которые ему удалось взять и получал возмещение в 2000 ливров. О конфискации, решенной судом, вопрос больше не стоял.

Несколькими годами позднее Людовик VII попытался снова, с относительным успехом, приостановить рост могущества анжуйского суверена. В мае 1159 г. Генрих II вступил в Тулузен, который он требовал от имени своей жены. Людовик VII, к помощи которого воззвал граф Раймон V, попытался путем переговоров приостановить наступление английского короля; затем, поскольку последний упорствовал, французский король принял героическое решение. Он лично пришел на помощь своему вассалу и

¹ Историки разошлись в оценке этого события, см. Luchaire A. Louis VII, Philippe Auguste, Louis VIII. p. 29-30; Kate Norgate. England under the Angevins. Londres, 1887. Vol. I. p. 393-394; F. Lot. Fidèles ou vassaux? p. 205-212.

бросился вместе с ним в Тулузу, находящуюся под угрозой. Его маневр удался. Генрих II, памятуя, что он вассал Людовика VII, не осмелился осаждать своего сеньора, и отступил. Воспользовавшись своим сюзеренитетом, французскому королю удалось остановить короля английского. И неважно, что в следующем году Людовик VII покинул Раймона V, а в 1173 г. граф Тулузский принес оммаж Ричарду, второму сыну английского короля, ставшему герцогом Аквитанским, и что граф Тулузский до 1202 г. зависел от герцогства Аквитанского, поскольку пункт оммажа сохранял верность королю Франции и утверждал, правда, в весьма платонической манере, высшее положение короля в графстве Тулузском, сохранившееся и на будущее.

И вновь это положение сюзерена позволило Людовику VII вмешаться в ссоры, разрывающие анжуйское семейство, раздувая в нем пожар и ослабляя таким образом могущество своего соперника. У Генриха II было от Алиеноры многочисленное потомство. Четверо из его сыновей достигли возраста ношения короны: Генрих, получивший в октябре 1160 г. Нормандию и ставший соправителем своего отца в 1170 г.; Ричард, коему была доверена Аквитания в 1169 г.; Жоффруа, получивший Бретань в 1175 г.; наконец, последний из сыновей Генриха II и Алиеноры, Иоанн, слишком молодой в последние годы правления своего отца и достигший положенного возраста, когда все было роздано. В качестве герцога Нормандского, как и герцога Аквитанского или графа Пуатье, сыновья Генриха II должны были приносить оммаж французскому королю, быть его вассалами. Тщетно великий вассал использовал нормандское средство «рода», согласно которому старший из сыновей, наследник совокупности владений единственный отвечает перед сувереном; его же братья, получившие свою часть, держат ее от старшего, поддерживая таким образом единство в пользу старшего Генриха Молодого. Аквитания при этой комбинации не может управляться полностью. Она является не частью возможного наследства Генриха II, но наследством Алиеноры. И если последняя заранее передает ее в наследство своему сыну Ричарду, то он приносит оммаж не своему отцу или старшему брату, но французскому королю. Генрих Молодой приносил оммаж Людовику VII в качестве герцога Нормандского в октябре 1160 г. и возобновил его, присоединив

нему оммаж за Анжу, Мен и Бретань в 1170 г. Одновременно Ричард принес оммаж за Аквитанию.

Правда, в 1174 г. Генрих II заставил своих сыновей принести ему оммаж после их мятежа, но этот новый оммаж не аннулировал оммаж, принесенный ими французскому королю. Со своей стороны, сам Генрих принес оммаж Людовику VII в 1151 г., возобновив его в 1169 г., а затем принес новый оммаж преемнику Людовика VII, королю Филиппу-Августу в 1180 г.

Итак, сюзеренитет французского короля был признан и утвержден в течение всей этой борьбы Людовика VII и Генриха II. Он ни в коей мере не помешал королю Франции быть побежденным своим вассалом. Но нельзя судить о нем только по тому, что произошло в Тулузе в 1159 г., когда сюзеренитет помешал активности Плантагенетов. Его заслуга в том, что он ставил их в ложное положение в глазах баронов их континентальных владений. Поведение восставшего вассала опасно для самого суверена, у которого есть множество собственных вассалов, склонных к мятежу. Впрочем, само понятие мятежа не пугало феодалов. Напротив, оно составляло часть постоянных средств для охраны вассалом своих прав против злоупотреблений сюзерена. Но в случае Генриха II и Людовика VII анжусец был зачинщиком нарушения права и восставшим вассалом, а Людовик VII, безукоризненный сеньор, объектом неправого мятежа со стороны своего вассала.

Ибо если попытаться упрекнуть Людовика VII в его интригах с Алиенорой Аквитанской, его бывшей супругой, которую он поддержал, когда ею пренебрег Генрих II, и в интригах с сыновьями Генриха II, то это значит забыть, что Алиенора являлась герцогиней Аквитанской, и в качестве таковой была вассалом короля, и что сыновья Генриха II в некоторых случаях приносили оммаж Людовику VII, или, как в случае с графом Жоффруа, находились в положении вассалов своего отца и подвассалов французского короля. И как сюзерен король имел не только право, но и долг заниматься семьей своего вассала и следить за тем, чтобы сыновья получали то, что им должно, таким образом, чтобы в семье, которой вверен фьеф, царил мир.

В случае с Людовиком VII и Генрихом II невозможно говорить о лицемерии. Во всяком случае, не кажется, чтобы Генрих II жаловался на вмешательство Людови-

ка VII в семейные дела. И Людовик VII, со своей стороны, имел серьезное собрание жалоб на своего вассала, жалоб, на которые Генрих II не выражал никакого протеста.

Так что с 1154 по 1180 гг. Генрих выступает как восставший против своего сеньора вассал, неспособный обосновать свой мятеж. Такое поведение его, естественно, ослабляло. Оно также поддерживало в знати различных фьефов анжуйской империи память о сюзеренитете французского короля, хотя бы потому, что этот сюзеренитет постоянно напоминал о себе. Французский король также трудился над тем, чтобы помешать объединению отдельных элементов анжуйской империи, способствуя поддержке провинциального партикуляризма, уже достаточно сильного, но которому не удалось ослабить анжуйское управление.

В конечном счете правление Людовика VII не ознаменовалось со стороны великого анжуйского фьефа никаким территориальным прогрессом. Напротив, французский Вексен, приданое, выделенное Людовиком VII в 1159 г. для своей дочери Маргариты ввиду предстоящего брака последней со старшим сыном английского короля, было захвачено последним в 1160 г. задолго до того, как совершился брак этой принцессы с Генрихом Молодым. Однако нельзя сказать, чтобы Людовик VII действительно потерпел поражение в конфликте, противопоставляющем его своему вассалу. Его потери не изменили его положения сюзерена, и его вассал не воспользовался этими поражениями, чтобы избавиться от опеки вассалитета.

Людовик VII выстоял, и после него французская корона снова оказалась при тех же правах. Оставалось только ждать благоприятного случая, чтобы ими воспользоваться. Это станет делом Филиппа-Августа.

Политика, проводимая этим сувереном по отношению к трем анжуйцам, которым он противодействовал, показывает нам всю важность вопроса права в этой борьбе французской короны против ее великого вассала.

Вплоть до конца правления Генриха II (1189 г.) взаимное положение противников остается тем же, что и в предшествующее правление, с тем, однако, отличием, что король Франции — юноша, не обремененный щепетильностью, в то время как его противник стар, с чувствительностью, которую годы, казалось, сделали болезненной.

Филипп-Август постарался сначала воспользоваться лояльностью Генриха II, которая в первые годы его правления, в тот момент, когда молодой король сталкивается с восставшими против него шампанцами, потом коалицией северных и восточных баронов, заставляет его держаться анжуйского суверена, вступление которого в ряды противников короля могло бы иметь самые серьезные последствия для французской монархии.

Чтобы отблагодарить своего соперника за лояльное поведение, Филипп-Август идет на поддержку против Генриха II требований его сыновей, а потом, после смерти Генриха Молодого 11 июня 1183 г., и Жоффруа 19 августа 1186 г., притязаний Ричарда. И именно в качестве сюзерена вмешивается французский король, как мы видим, в трагическое свидание в Бонмулене 18 ноября 1188 г. Филипп-Август, прибыв в сопровождении Ричарда, дабы встретить своего великого вассала, потребовал от него отдать его сыну, уже реально завладевшему Аквитанией, Пуату, Туренью, Меном и Анжу, эти территории и признать его наследником трона, заставив баронов принести клятву. В самом деле, Ричард опасался, что его предпочтут младшему брату Иоанну в наследовании короны и отдадут лишь Аквитанию. Когда Генрих II отказался согласиться с просьбой короля Франции в пользу Ричарда, последний в присутствии отца опустил на колени со сложенными руками перед Филиппом-Августом и громко провозгласил себя вассалом последнего по Нормандии, Пуату, Анжу, Мену, Берри и Тулузену, прося французского короля помочь отстоять свои права.

Эта просьба молодого Ричарда, сценарий которой, надо думать, был спланирован между двумя ловкачами заранее, четко определила позицию короля Франции, утверждая его право на анжуйские земли, показывая его теоретически хозяином в урегулировании наследия этих земель. Она узаконила вмешательство короля в семейные дела своего великого вассала.

Это вмешательство не оказалось бесплодным. В первый раз капетингское королевство собиралось совершить приобретение за счет доменов анжуйского дома. Во время капитуляции Генриха II в Баллане 4 июля 1189 г. анжуйский суверен отказался от сюзеренитета над Овернью,

возвращения которой короне тщетно требовал Людовик VII, а также сеньорий Грасей и Иссуден.

6 июля 1189 г. Генрих II умер от тоски.

Перед его наследником Ричардом Львиное Сердце, к которому по соображениям, которые мы опускаем, он питал жгучую ненависть, Филипп-Август оставил политику, доселе столь удачную для его дома. Он уже не выставляет себя поборником права. Он нарушает обещания, принятые перед Ричардом. Он идет даже на нарушение феодального и религиозного закона, защищающего от всякого нападения сюзерена землю вассала, отправившегося в крестовый поход.

Результат для Капетинга неутешительный. Ричард, возвратившись из плена, где его продержали в нарушение всех договоренностей, взял ужасный реванш над вероломным французским королем. Его смерть под замком Шалю 6 апреля 1199 г. спасла Филиппа-Августа.

Эта смерть, как кажется, вернула Капетингу здравомыслие. Отныне он переходит к политике, доселе успешной для династии, политике, заключающейся в отстаивании своего права, политике юридического завоевания.

Впрочем, обстоятельства снова благоприятствовали этой политике. Наследие Ричарда и в самом деле ставило одну из тех проблем, где сюзерену всегда было что сказать. Ричард умер, не оставив прямого наследника. Наследования могли требовать два лица. Самым влиятельным, даже единственно влиятельным был Артур, сын Констанции Бретонской и Жоффруа, сына Генриха II и младшего брата умершего короля; сын, замещая отца в его правах на наследство, становился претендентом. Другой кандидатурой был Иоанн, сделанный Ричардом графом Мортеном и сеньором Ирландии, который мог претендовать на более близкое родство *de iure*¹, идет ли речь о Ричарде или его отце.

Английские бароны под влиянием старого и верного советника Генриха II Гийома Марешаля высказались в пользу Иоанна, который и был коронован герцогом Нормандии в Руане 25 апреля 1199 г. и королем Англии в Лондоне 27 мая того же года. Доводы, которыми они руководствовались, неясны. С формальной точки зрения,

¹ С ним (лат.).

думается, что молодой возраст Артура, влияние, которое имел бы на него «дурной совет» Филиппа-Августа, перевесили чашу весов в пользу Иоанна. В действительности, надо полагать, в этом выборе проявилась реакция английских баронов против влияния континентальных доменов на политику их суверенов. Иоанн, не обладавший крупными владениями на континенте, казался им наделенным в малой степени патримониальными владениями анжуйцев, а посему впоследствии мало прибегающим к их службе, чтобы защищать их против французского короля. Искусственный союз, осуществленный Генрихом II, который трудно было защищать уже при его жизни, наследникам его казался совершенно хрупким. Здесь содержится элемент, сыгравший существенную роль в успехах капетингской монархии. Лучшим оружием французского короля, зовись он Филиппом-Августом или Людовиком Святым, станет островное положение английских баронов, их склонность к мятежу.

Филипп-Август, у которого Иоанн Безземельный по ошибке не испросил инвеституры на Нормандию, высказался за Артура, помещенного под его охрану его матерью герцогиней Констанцией, и получил оммаж от юного принца за Нормандию, Бретань, Анжу, Пуату, Мен и Турень. Но его поддержка мало стоила и недолго продлилась. 22 мая 1200 г. французский и английский короли договорились в Гуле. Иоанн как законный наследник своего брата Ричарда будет держать «от сеньора короля Франции все фьефы, как его отец и его брат король Ричард держали их от сеньора короля Франции и как должны держаться фьефы»¹. Несмотря на молчание текстов по этому поводу, мы вправе думать, что Иоанн по этому случаю принес Филиппу-Августу оммаж за эти фьефы. Кроме того, он оставлял французскому королю Эврё и Левресен, уплатив своему сюзерену право рельефа² в 20000 марок, наконец, выдавал замуж свою племянницу за сына французского короля, наделяя юную Бланку Кастильскую фьефами Грасей и Иссуден и сюзеренитетом над некоторыми фьефами Берри, фьефами и сюзеренитетом, которыми король мог пожиз-

¹ Éd. A. Teulet. *Layettes du Trésor des Chartes*. Vol. I. p. 218, n° 578.

² Выплата за право вступления в наследство в качестве вассала. (Прим. ред.)

ненно пользоваться. Все это было заплачено за то, чтобы перестали поддерживать Артура, сохраняющего только Бретань, которую он держал как фьеф от своего дяди Иоанна Безземельного.

Из этой первой попытки выступить против Иоанна Безземельного французский король извлек одну ценную выгоду — торжественное признание анжуйского вассалитета. Кроме того, присоединением Эвре и Левресена он приобретал возможную базу для операций против Нормандии. Но анжуйская империя стояла нерушимо и Бретань оставалась вне королевской ленной зависимости.

Неосторожность английского короля, к счастью, давала королю французскому случай полностью воспользоваться сюзеренитетом, чтобы нанести смертельный удар анжуйскому могуществу.

20 августа 1200 г. Иоанн Безземельный женился на Изабелле, дочери Одемара, графа Ангулемского, обещанной в жены Гуго Мрачному Лузиньяну, графу де Ла Марш. Не следует видеть в этом деле результат одной любовной страсти Иоанна. Напротив, кажется, что настоящей побудительной причиной этого союза была политика. Английский король увидел в нем прекрасный случай наложить, возможно, руку на графства Ла Марш и Ангулем, до того времени совершенно самостоятельные и последнее из которых в глазах его графов зависело от французской короны.

Поскольку Иоанн Безземельный оставил в пренебрежении обычай выдачи жениху компенсации, на которую он имел право, Лузиньяны прождали до Пасхи 1201 г., а затем вступили в войну против их сюзерена английского короля. Последний ответил конфискацией имущества бунтовщиков и предложил урегулировать ссору юридическим состязанием. Лузиньяны предпочли воззвать в этом к своему верховному сюзерену, королю Франции.

Филипп-Август позаботился о том, чтобы действовать, уважая легальные формы. Он посоветовал своему вассалу уступить Лузиньянам. Тщетно. Тогда король Франции вынес дело на свой суд, вызвав своего вассала к 28 апреля 1201 г. Иоанн не явился. Тогда, по свидетельству хроники английского монастыря Коггесхолл (*Coggeshall*)¹, нашего

¹ Radulphi de Coggeshall. Chronicon Anglicanum. Éd. J. Stevenson. Londres, 1875. (SS. RR. Brit.). p. 135.

лучшего и почти единственного источника по этому делу, «курия Франции, собравшись, присудила, что король Англии должен быть лишен всей земли, кою доселе он и его предки держали от короля Франции, по причине того, что в течение длительного времени он пренебрегал всеми службами за эти земли и ни в чем не пожелал подчиниться приглашениям своего сеньора». Филипп бросил вызов своему вассалу. Этим вызовом была разорвана феодальная связь. Завоевание анжуйских фьефов становилось целиком законным, все земли вероломного вассала подпадали под «*commise*»¹ короля.

Но кажется, Филипп-Август не преувеличивал возможностей, предоставленных ему приговором суда. Чтобы завоевать анжуйские домены, ему требовалась поддержка всей знати королевства. Согласится ли последняя помочь королю усилить свое могущество, которое некоторые находили уже чрезмерным и опасным? Кроме того, предполагало ли «*commise*» окончательное присоединение или временную конфискацию до раскаяния осужденного вассала? Об этом можно спорить. Тем более, что существовал сеньор, права которого на конфискованные земли были признаны французским королем с 1199 г., — Артур Бретонский, законный наследник, по мнению самого короля, и приверженцы которого сражались под королевским знаменем во исполнение приговора курии.

В июле 1202 г. в Гурнее Артур принес оммаж королю Франции за земли Бретань, Анжу, Мен и Турень, оговорив, что, если он нарушит этот оммаж, его вассалы и их фьефы перейдут к королю, дабы быть использованными против него, Артура. Что же касается Пуату, то «если Бог поможет нам его завоевать какими бы то ни было средствами», он принесет и за него оммаж королю, уточняя, что пуатевинские бароны, поддерживающие короля, потом по его приказу принесут оммаж Артуру, «сохранившему королю верность». Кроме того, условились, что королевский суд установит согласие между сторонами в вопросе о некоторых землях герцогства Аквитанского, на которые притязал король Кастилии, в случае, если эти стороны сами не придут к согласию. Но главный пункт был нацелен на Нормандию:

¹ Право короля (сеньора) по решению курии конфисковать фьеф вассала, не выполняющего свои обязательства. (Прим. ред.)

«Что касается Нормандии, то пусть будет так — наш сеньор король Франции удержит согласно своему обычаю столько, сколько ему будет угодно то, что он приобрел и что Бог послал ему приобрести, и даст своим людям, кои из-за него потеряли свои земли, то, что ему будет угодно из земли Нормандии»¹.

Этот договор в Гурнее ярко высвечивает намерения Капетинга и его образ действий. Он нисколько не желает исчезновения великого фьефа на западе, сеньоры которого были столь устрашающи для него и его дома. Он хочет от него только самую богатую часть, и ту часть, нахождение которой в иностранных руках наиболее опасно для короны, Нормандию. Еще он хочет обладать ею с согласия законного владельца. Для остального же фьефа он только принимает меры предосторожности в случае, если его вассал пойдет против него. Он усиливает или устанавливает свой прямой сюзеренитет. Над Аквитанией этот сюзеренитет остается еще довольно слабым, поскольку король допускает соглашение между герцогом и королем Кастилии, касающееся Гаскони, не оговаривая, что это соглашение должно получить его одобрение, и сохраняя свое правосудие и вмешательство для случая, когда партии не смогут договориться.

Тремя неделями позднее, 1 августа 1202 г., Артур стал пленником своего дяди в Миребо. Его не суждено было больше увидеть. Начали думать, что он умер в 1206 г.; в его смерти уверились окончательно в 1210 г. Он и в самом деле был убит Иоанном Безземельным в Руане 3 апреля 1203 г.

Исчезновение Артура, быть может, вследствие равнодушия к судьбе юного герцога, не остановило продвижения французского короля. После капитуляции Руана 24 июня 1204 г. Нормандию можно было считать полностью завоеванной. Покинутые Иоанном Безземельным сеньоры и города сдались королю, дабы спасти свои земли и привилегии. Но никакой акт не провозгласил присоединения провинции к домену. Король начал получать доходы от герцогского домена, доходы значительные, поскольку он имел на них право, и поскольку этот домен попал в

¹ Éd. A. Teulet. *Layettes du Trésor des Chartes*. Vol. I. p. 236, n° 647.

«commise» короля, не утратив в этом положении своего временного характера, он всегда оставлял возможность возвращения к прежнему состоянию вещей в пользу прощенного Иоанна Безземельного или его наследника. Со своей стороны, Иоанн не признавал свершившегося факта. Вплоть до конца своего правления он будет требовать свои титулы и земли. В сентябре 1214 г. после Бувина он будет еще именовать себя герцогом Нормандским и Аквитанским, графом Анжуйским. И его сын Генрих III тоже, вплоть до 1254 г.

Турень и Анжу были быстро завоеваны благодаря предательству анжуйских и туренских баронов. В Пуату успехи короля были более медленными, но и менее тяжкими. В 1206 г., когда Филипп и Иоанн заключат соглашение, Турень и Анжу кажутся окончательно потерянными для английского короля. В конечном счете Пуату оказалось почти полностью в руках Иоанна, и там будет английский сенешал вплоть до конца правления Филиппа-Августа.

Королевские войска не вошли в Аквитанию. Именно на земли, составлявшие приданое Алиеноры, королевское влияние проникало медленнее всего. Вряд ли долголетие Алиеноры, умершей только в 1204 г., способствовало этому сопротивлению Аквитании. Кроме того, если феодалы этого герцогства и наблюдали без сожаления за ослаблением анжуйского господства, то все равно предпочитали дальнего сюзерена, могущество которого шло к закату, более близкому сюзерену, могущество которого, казалось, возрастало почти безгранично, а господство заявляло о себе столь же энергично, как могущество самых сильных анжуйских сучеренов.

Кажется, Филипп уяснил эту ситуацию. Если он и начал создавать в пользу Амори де Туара, крупного пуатевенского сеньора нечто вроде вице-королевства в Пуату и Аквитании, то не настаивал на установлении своей прочной власти в этих областях, а особенно старался упрочить свое влияние в Анжу и Турени. Что касается Бретани, то доверив сначала управление Ги де Туару, третьему супругу герцогини Констанции, он передаст управление ею с рукой наследницы своему кузену Пьеру де Дрё.

В общем, если Филипп-Август и разрушил анжуйскую империю, то он нисколько не стремился инкорпорировать

ее целиком в свой домен, установив над нею личное господство. Он занял с намерением там остаться Нормандию, Анжу, Мен и Турень, заставил войти в королевские ленные владения Бретань и Овернь и в конце концов присоединил последнюю провинцию. Но Пуату, Онис, Сентонж, Гиень и Гасконь не попали в его руки. Над этой частью анжуйских доменов приговор, вынесенный в 1202 г. королевской курией, не был приведен в исполнение.

Мы должны спросить себя почему. Мы не можем поверить, чтобы это случилось по нехватке необходимых ресурсов. Средства, предоставленные в распоряжение принца Людовика для его экспедиции в Англию 1215–1216 гг. и для походов на лангедокский Юг, можно было бы использовать для этого дела. Можно было больше не опасаться вызвать недовольство и беспокойство феодалов королевства. После Бувина король может делать, что хочет. Вероятно, смерть Иоанна Безземельного в 1216 г. и восшествие на престол его совсем юного сына Генриха III способствовали тому, что неловко было исполнять приговор 1202 г. Мог ли приговор иметь силу над имуществом сына, ежели осужденный вассал исчез? Об этом можно было спорить, тем более что приговор предшествовал рождению молодого Генриха III. Это могло обернуться против него, но могло также и быть истолковано в его пользу. Впрочем, Генрих III не признал решения курии. Мы увидим, как после смерти Филиппа-Августа он будет апеллировать к Риму, пытаться приостановить коронацию Людовика VIII, покуда не осуществится в отношении его правосудие. Даже при королевском дворе находили, что приговор, возможно, чрезмерно суровый. Кажется, в ходе переговоров, предшествующих отступлению принца Людовика под конец аквитанской экспедиции, наследник французской короны пообещал посредничать перед своим отцом, чтобы заставить его вернуть юному Генриху III континентальные фьефы анжуйского дома. Кроме того, Генрих III был ребенком, и лишение его наследства французским королем казалось довольно несправедливым, особенно если вспомнить поведение его деда Генриха II в начале правления Филиппа-Августа. Наконец, с тех пор, как Иоанн Безземельный передал в 1213 г. свое королевство Святому престолу,

дабы получить его как фьеф от церкви, английский король являлся вассалом Святого престола, а его малолетний наследник, таким образом, находился под феодальной охраной папы. Церковь, верная своему извечному поведению, проповедовала милосердие к сироте, настраивая общественное мнение в пользу Генриха III.

Все это воздействовало на сознание Филиппа-Августа, несомненно, воспринявшего предостережение здравого смысла, который не мог игнорировать неспособность монархии, еще слишком молодой, поглотить одновременно столь значительные территории. Как бы то ни было, после смерти Филиппа-Августа, хотя анжуйское владичество и рухнуло, добрая часть анжуйских фьефов еще ускользала от французского короля. Вопрос по существу не был полностью решен. Вопрос же права оставался целиком ясным.

Мы хорошо видим, как после короткого правления Людовика VIII, правления, которое тем не менее ознаменовалось подчинением Пуату, малолетство Людовика IX предоставило Генриху III возможность потребовать с оружием в руках континентального наследства своей семьи. Если усилия английского короля в 1230 и 1242 гг. вырвать Пуату у французской королевской власти оказались бесплодными, то после Тайебура и Сента¹ положение остается тем же. Анжуйский суверен потерял Пуату, но сохранил герцогство Аквитанское, которое французский король оказался неспособен завоевать, связанное обязательствами по отношению к королю Франции по приговору 1202 г. Если угодно, в соответствии с традицией династии, чтобы урегулировать «проблему фьефа», на котором смог настоять Филипп-Август, чтобы не дать вмешаться Святому престолу, надо было заставить владельца герцогства Аквитанского признать вассальную зависимость от короля. Следовало также добиться от анжуйского суверена отказаться на законном основании от тех фьефов, хозяином которых удалось стать французскому королю.

¹ В сражении при Тайебуре (Taillebourg, совр. деп. Шарант-Маритим) 22 июля 1242 г. войско Людовика IX одержало победу над отрядами Генриха III и его союзников — аквитанских баронов во главе с Гуго X Лузиньяном, графом де Ла Марш. (Прим. ред.)

Именно это и удалось проделать Людовику Святому по договору, подписанному в Париже 28 мая 1258 г.¹ Этот договор встретил лишь критику. Современники Святого короля думали, что он их подвел. Современные историки в целом полагают, что Людовик Святой стал жертвой великодушных чувств отнюдь не дипломатического свойства. Слишком часто забывают, что короля Генриха III равным образом порицали его подданные за то, что он согласился на этот договор.

В чем же он заключался?

Английский король и его сын отказывались в пользу короля Франции от всех своих прав на Нормандию, Анжу, Мен, Турень и прочие территории во французском королевстве за исключением прав, сохраняемых за ними на Керси и Ажене. Английский король приносил королю французскому оммаж за герцогство Аквитанское, за которое он нес службу. Оммаж за Бигорр, Фезенсак и Астарак, зависящие от герцогства Аквитанского, становились предметом судебного разбирательства во французской курии. Брат и сестра Генриха III ратифицировали этот договор. Жители герцогства Аквитанского приносили королю Франции торжественную клятву в течение десяти лет не давать ни помощи, ни совета, ни субсидий английскому королю, чтобы не позволить ему нарушить договор, и должны были помогать французскому королю против их сюзерена, если последний отказывался принести повинную королю.

В свою очередь король Франции предоставлял королю Англии все, что тот держал в качестве фьефа или как домен в диоцезах Лиможа, Кагора и Перигё. Он возместит этому суверену убытки за фьефы, где он пользуется привилегиями, не имея эти фьефы под своей властью в случае, если владельцы этих фьефов откажутся лишиться своих привилегий. Ажене и Керси, принадлежавшие Жанне Тулузской, жене Альфонса де Пуатье, брата французского короля, вернутся к королю английскому, если семья умрет бездетной. То же касалось Сентонжа, «за исключением реки Шаранты».

¹ Éd. J. de Laborde. Layettes du Trésor des Chartes. Vol. III. p. 411-413, n° 4416.

Таким образом, Людовик Святой получал от Плантагенетов юридический отказ от своих прав на территории, завоеванные его предшественниками и им самим. Он ставил под свой вассалитет великий аквитанский фьеф, принимая то, что он считал необходимыми предосторожностями, дабы поддерживать и заставить уважать свой сюзеренитет держателя этого фьефа.

Он также ослаблял анжуйское могущество на западе королевства, ограничивая его одной Аквитанией, но допускал существование значительного фьефа, не беспокоясь, не станет ли этот фьеф, принадлежащий иностранному суверену, единственному суверену, способному тогда сопротивляться королю Франции, для этого иностранца опасной базой операций в королевстве Франция.

Правда, предоставляя Генриху III щедрые уступки по договору 28 мая 1258 г., Людовик IX надеялся, как он говорил, «вызвать любовь» между своими детьми и детьми английского короля. Из этого ничего не вышло. И, однако же, пример, поданный Людовиком Святым, стал значительным вкладом в политику капетингских королей по отношению к их аквитанскому вассалу вплоть до конца династии.

Сын Святого короля, его внук и правнуки пытаются распространить свою власть на великий аквитанский фьеф. Они еще используют сюзеренитет, установленный в 1258 г. Они собираются действовать на юго-западе так же, как и на севере. Апелляции Аквитании к Парижскому парламенту проистекают от непрерывных попыток королевского незаконного вмешательства.

Но герцог Аквитанский — это не граф Фландрский. В отличие от последнего, он еще и король Англии. Так что в его распоряжении, в случае, если он посчитает, что его сюзерен злоупотребляет своим правом, значительные людские и финансовые силы, возможность обрести, не совершая предательства, как король Англии, союзников против французского короля вне королевства.

И время от времени вскрывается конфликт между сюзереном и слишком могущественным вассалом, принимая острый характер из-за промахов французского короля, не

¹ Joinville. Histoire de Saint Louis. p. 245.

желающего терпеть сложную ситуацию, в которую в силу обстоятельств он поставлен по отношению к английскому королю. Дважды, в 1294 и 1324 гг., возобновляя решение 1202 г., курия французского короля выносит решение о конфискации герцогства Аквитанского. Дважды королевские войска отправляются на юго-запад и одерживают победу. Но ею не воспользуются. Создается впечатление, что Капетинги не осмеливаются идти до конца энергичной политики, которую начинают. Подписывают перемирия, договоры — в Париже 22 мая 1303 г., после первого разрыва, 31 марта 1327 г. после второго. В обоих случаях английский король сохраняет Аквитанию, сильно урезанную в 1327 г., и положение остается все тем же вопреки вопиющей невозможности подобного положения вещей.

Поскольку идти до логического конца, до политики завоеваний не желают, проблему стараются заглушить матримониальными союзами, столь дорогими для Капетингов. Людовик Святой и Генрих III были свояками, будучи женатыми один и другой на дочерях графа Прованского Раймона-Беренгария. В 1303 г. было решено, что король Эдуард I женится на Маргарите, сестре короля Филиппа Красивого, а сын Эдуарда I женится на Изабелле, дочери того же короля. Итак, Эдуард I, будучи еще только наследным принцем, после подписания договора 1258 г. получил в свой личный домен по случаю его первого брака с Элеонорой Кастильской владения своего отца в Аквитании. И если став королем, он сохранил личное управление Аквитанией и не отдал ее своему сыну, то это оттого, что он не доверял последнему. Тем не менее именно юный принц в 1305 г. принес оммаж французскому королю за огромный континентальный фьеф своего отца. И мы должны напомнить, что начиная с этой даты будущий Эдуард II становится, если можно так сказать, названным зятем Филиппа Красивого. С восшествия на престол Эдуарда II в 1307 г. и до смерти Филиппа Красивого и его сыновей Аквитания — в руках королевского зятя. Когда отношения между царственными родственниками в 1324 г. испортились, когда речь пошла о заключении мира, в качестве решения проблемы решили дать сыну английского короля, будущему Эдуарду III, герцогство Аквитанское.

Так что можно предугадать, возможно, с 1258 г. и точно с 1303 г. намерение Капетингов приглушить труд-

ности, создаваемые нахождением герцогства Аквитанского под владычеством Плантагенетов, создав из этого фьефа что-то вроде апанажа для английского наследного принца, может быть, более удобного, нежели поддержка отношений вассалитета его отцом, и путем матримониальных союзов, с семейными отношениями как их результатом, подвести к легкому принятию сюзеренитета родственника, короля Франции. Хроническое и стародавнее состояние распрей в семье Плантагенетов позволяло также надеяться, что в стремлении обрести возможную опору против своего отца юный герцог Аквитанский легко примирится с королевским вмешательством в дела герцогства. Таким образом, этот великий фьеф, возглавляемый членом капетингской семьи, не будет заботить больше корону, как и другие великие фьефы, во главе которых находились родственники короля, согласные представлять его интересы, управляя разными частями королевства.

Эта политика, давая непосредственные выгоды, была небезопасна для будущего. Она приводила к созданию новой феодальной знати, быть может, более опасной, чем старая из-за своей королевской крови и способной однажды вступить в соперничество с существующей династией.

Очень скоро события показали это. Когда в 1328 г. Карл IV Красивый умер, оставив лишь дочь, Эдуард III, король английский и герцог Аквитанский, внук Филиппа Красивого по матери, Изабелле Французской, используя прецеденты 1316 и 1322 г., по которым женщины устранялись от наследования, в 1328 г. смог заявить о своих целиком законных правах на французский престол, правах, которые он никогда, конечно, не осмелился бы предъявить, если бы не был одновременно английским королем и великим французским феодалом, одним из двенадцати пэров королевства Франция.

ГЛАВА IX

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОСНОВА:

ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ПРИБРЕТЕНИЯ И ПРОДАЖИ

Чтобы увидеть, как Капетинги оказывали медленное и длительное давление на крупные фьефы своего королевства, следует отказаться от мнения, что в течение столетий эти суверены методически следовали умышленной политике приобретений и присоединений, призванной создать во Франции территориальную основу. Давление на крупные фьефы не было результатом сознательных действий. Эти действия, итог которых четко не представлялся, определяли случай и возникшие возможности. Никакой текст, никакое заявление суверенов не позволяет с уверенностью сказать, что у французской королевской власти XI–XIV вв. было ясное представление о предпринимаемых ею трудах, она просто использовала всякую возможность приобретений.

Это убеждение проистекает от анализа этих трудов по приобретению земель, совершенных Капетингами. Действуя беспорядочно в силу жизненной необходимости против крупных фьефов королевства, они приобретают на севере, юге, западе и востоке все, что представляется возможным. Также трудно вскрыть предпочтения, если можно так сказать, географического порядка, либо пристрастие к какому-либо определенному способу приобретения.

Приобретения, совершенные первой династией Капетингов многочисленны, и в настоящее время невозможно установить их полный перечень. Прежде всего, нам следовало бы иметь в своем распоряжении ту феодальную географию Франции, которой нам недостает и еще долго будет не доставать. Ее наличие нам бы позволило — в той мере, в какой наша документация дала бы возможность — детально проследить изменения различных фьефов, схва-

тить моменты, когда королевской власти удавалось что-то присоединить. Подобное предприятие преисполнено трудностей. Мы уже отмечали, что королевские чиновники даже в XIV в. не всегда хорошо понимали, что такое права короля. Откуда и расследования, от которых, к несчастью, остались одни фрагменты. Впрочем, эти расследования часто неудовлетворительны, ибо они устанавливают, что король владеет землями и правами, но документ, на который они опираются, чтобы востребовать землю или права, — не обязательно документ, регистрирующий уступку королю первоначального владельца спорной земли или прав.

Однако можно уточнить больше, когда речь идет о значительных приобретениях, и А. Лоньон в своих эссе «Формирование французского единства» установил для каждого правления список основных присоединений к королевскому домену. Но, обрисовав пространство, доступное ему, блестящий историк не смог войти в детали приобретений второстепенного значения. Этот подход рискует вызвать у читателя его замечательной книги впечатление, что Капетинги создавали свой домен путем широкомаштабных операций, причины которых не всегда ясны. Ибо возможно, часто покупка небольшого участка земли или довольно незначительных прав было первой вехой и поводом второстепенным, а не прямым.

В этих посредственных или малозначительных приобретениях Капетинги следовали методу, не отличающемуся от того, который они использовали против великих феодальных княжеств. Они почти никогда не прибегали к силе. Они, прежде всего, старались получить от владельцев земли или прав общую или частичную уступку, выраженную в юридическом документе, не содержащем никакого условия или ограничения, позволяющего опротестовать королевское право. Но сила, к которой они прибегали лишь в редких случаях, им все же значительно помогала, и чем больше она возрастала, тем больше умножались приобретения. Отсюда следует, что с усилением королевской власти владельцы земель и прав все более охотно поворачиваются к ней, ищут ее непосредственного сюзеренитета, легче соглашаясь внять просьбам об уступках или отказе от прав, с которыми к ним обращается король.

Если мелкие приобретения возрастают, начиная с правления Филиппа-Августа, то это не значит, что они начались в эту эпоху, и, возможно, бедность нашей документации, предшествующей этой дате, является одной из причин незначительного итога приобретений в предыдущие правления.

Кажется естественным, что именно церкви предоставили Капетингам первые возможности для расширения, особенно церкви центра и юга, расположенные в крупных фьефах. Окруженные противниками, завидующими их имуществу, эти церкви охотно поворачиваются к французскому королю, их естественному покровителю. Они напоминают ему об этом покровительстве, которое в силу своего положения он должен оказывать. И король не остается безучастным к этим призывам. К примеру, мы видим, как Людовик VII много раз вмешивается в Оверни, защищая церкви, находящиеся под угрозой, и это во времена, когда королевский сюзеренитет над Овернью успешно оспаривается великим анжуйским вассалом. Король охотно предоставляет торжественные дипломы об утверждении привилегий, некогда дарованных церквям его каролингскими предшественниками, распространяет на них права регалии, которыми он долгое время был не в состоянии пользоваться. Этими вмешательствами и дипломами король Франции — и это особенно ощущается при Людовике VII — оживляет память о королевской власти в областях, где она не более чем слово.

Результаты этой политики не заставляют себя ждать. В 1161 г. мы видим, как в Париж прибывает епископ Манда Альдеберт, чтобы принести Людовику VII оммаж и клятву верности. Ибо этот епископ кроме своего епископского достоинства является графом Жеводана. Посредством его оммажа не только епископство становится королевской епархией, но и графство Жеводан входит в ленную зависимость от короны, чтобы из нее уже не выходить. Мы также видим в 1211 г. епископа-графа Кагора, ставшего королевским вассалом — пример, которому последует в 1305 г. епископ Вивьера со своим графством Виваре.

Мирыне следуют примеру, поданному клириками. Несколько лет спустя после епископа Манда, граф де Форэ, которого его отец Гиг III, умирая, препоручил королю

Франции, принес оммаж Людовику VII за графство Форе. В 1172–1173 гг. после вмешательства короля в пользу аббатства Везелей и других церквей Бургундии, Жирар, младший брат графа-епископа Макона, и Гумберт, сир де Боже принесли оммаж Людовику VII и его сыну; акт, содержащий этот оммаж, упоминает других местных сеньоров, становящихся вассалами короля.

Порой пользуются другим средством, *pariage*. Под этим названием подразумевают приобщение короля к управлению сеньорией держателем последней, заключенное на основе совершенного равенства и представляющее собой дележ доходов от сеньории, владелец которой попадает под непосредственное покровительство короля. Это влекло в более или менее близком будущем присоединение сеньории к королевскому домену, в основном путем выкупа части доходов, предоставляемых сеньору королем.

Этот образ действий, о котором нам недостает хорошей общей работы, одновременно исторической и юридической¹, оказался очень успешным и продолжался до конца династии. Он особенно практиковался в отношении церковных сеньорий, но не отталкивался и светскими сеньориями. Он заключался в эксплуатации путем привлечения к управлению не только целых сеньорий, но также отдельных земель или прав. Например, мы видим, как в 1171 г. король Людовик VII вошел в долю с неким Жираром Лефевром из Жуани относительно пользования четырьмя мельницами на Ванне — король поставлял этим мельницам надежных клиентов, обязав горожан Санса и других людей, управляемых его прево, пользоваться названными мельницами. Мы видим, как тот же король в 1177 г. совместно с Гуго Ленуаром из Мароль-сюр-Сен владеет землями Флажи (Сен-э-Марн, кантон Лорре-ле-Бокаж) и Бишери (коммуна Тури-Феротт).

Список соглашений о *pariage*, заключенных между королевской властью в течение XIII в., значительный, но не полный, потому что некоторые суверены не видели в своих актах предмет систематического учета. Чем больше мы

¹ Диссертация Л. Галле (L. Gallet) «Les traités de *pariage* dans la France féodale» (Paris, 1935) написана исключительно с юридических позиций.

продвигаемся в глубь столетия, тем больше увеличивается число этих соглашений, что свидетельствует о том, что королевская власть находила это средство выгодным. Оно и в самом деле прокладывало ему надежный путь для мирного проникновения, и суверены династии похвальным образом следовали ему.

Не останавливаясь больше на этом способе приобретения, заметим, однако, что *pariage* в общем заключался только между королем и сеньором, уже находящимся в вассальной связи с ним. Вторым этапом проникновения этой власти представляется исчезновение сеньории и ее присоединение к домену.

И все же это была не защита. Последняя, напротив, заставляла проникать королевскую власть в области, где она не могла осуществляться. Ее легко принимали, потому что она создавала обязательства для суверена покровительствовать монастырю или городу, взятому под королевскую охрану, не принуждая протече, по крайней мере, в принципе, оказывать короне какие-либо услуги. Но она очень выгодна для короля, поскольку всякое насилие, учиненное над его протече, всякое нарушение прав последнего рассматривается как оскорбление королевского величества и подсудно королевской курии. Это позволяет королю дать почувствовать свою власть и вне домена, и даже за пределами королевства. Именно под предлогом королевской охраны капетингская власть начала проникать в пограничные районы Франции. Именно она позволила включить Остревант и часть Барруа в королевскую ленную зависимость, вовлечь в орбиту капетингской политики Верден и Туль, получить Лион.

Но средства, о которых мы только что говорили, лишь способы неполного приобретения. Они подготавливают присоединение к домену, но не завершают его.

В течение XIII в. Капетинги все больше и больше путем покупок добавляют к своему домену маленькие и большие сеньории или простые участки земли. Кризис, поразивший тогда фортуна знати, облегчал работу королевской власти, доходы которой возрастали и которая не упускала случая их увеличить путем новых приобретений.

Со смертью Жана, графа де Бомон-сюр-Уаз, скончавшегося без прямых наследников, наследство этого сеньора оспаривалось между сыном его двоюродного брата Ива де

Бомона Тибо д'Юлли, и сестрами последнего Беатрисой и Марией. Постановление королевской курии в 1223 г. отдало предпочтение Тибо. Немного спустя, несомненно, в знак благодарности тот же Тибо продал Филиппу-Августу значительную часть своего графства за 7000 парижских ливров. Поскольку архиепископ Реймский, племянник усопшего графа, мог выдвинуть требования, скорее, на часть графства, уступленную французскому королю, чем на часть, оставленную за Тибо д'Юлли, король Людовик VIII получил его отказ от претензий в 1225 г.

В то же время с помощью денег была урегулирована ситуация с графством Понтье. Это графство в 1221 г. было конфисковано королем Филиппом-Августом из-за участия Симона де Даммартена, супруга наследницы Понтье, в бувинской коалиции. Людовик VIII мог бы, следуя французским обычаям, сохранять Понтье, покуда жив Симон. После смерти последнего его дети могли бы получить свое наследство, но король лишил их наследства, поскольку они родились после предательства своего отца. Мы видели, что Капетинги отрицали крайние меры, и Людовик VIII, возможно, сомневался в справедливости лишения наследства. Он предпочтет договориться с матерью детей Симона де Даммартена, Марией Клермонской. Впрочем, и здесь он преследовал свои интересы. Мария Клермонская на самом деле была способна выдвинуть требования на графство Алансонское, аннексированное в 1219 г. со смертью графа Роберта III, без учета ее, графини де Понтье, прав. Так что Людовик VIII договорился с нею в Шиноне в июле 1225 г. Графиня Мария отказывалась от своих прав на графство Алансонское и уступала королю Дулан, Сен-Рикье и Авень-ле-Конт. Коммуны Понтье приносили королю клятву. Крепости графства должны предоставляться в распоряжение короля, когда он этого попросит. Взамен Людовик VIII возвращал права наследования детям Симона де Даммартена. Графиня Мария получала остальное Понтье. Ей оплатили права выкупа по этому случаю, кроме того она получила 2000 парижских ливров.

Годом ранее, в июне 1224 г. Людовик VIII купил за 200 парижских ливров у Гийома де Маньера крепость Монтрей. В декабре он получил за 100 турских ливров ренты имущества Галерана д'Иври, виконта де Мелана, в Бофоре в Анжу.

Людовик Святой приобрел в 1239 г. за сумму в 10000 турских ливров и пожизненную ренту в 1000 ливров графство Макон, которое Жан де Брен держал от имени своей жены; семья же была без прямых наследников.

Филипп III получил в 1281 г. графство Гинское, уплатив графу Арну III сумму в 3000 турских ливров и предоставив ему ренту в 1000 турских ливров пожизненно, а также уплатив все его долги. В том же году он приобрел у Рено графа Гельдернского порт Арфлер и земли этого сеньора в Нормандии. Также в этом году Ги де Молеон, рыцарь, уступил королю за 1200 турских ливров и 130 ливров ренты замок и баронию Монморилон.

Много покупал Филипп Красивый, в 1289 г. за 3000 ливров ренты он приобрел права короля английского на Керси. В 1286 г. он купил графство Шартрское, в 1291 г. — Божанси, в 1293 г. — фьеф Монпельере, предшествующий приобретению Монпелье династией Валуа в следующем столетии; в 1302 г. — виконтства Ломань и Овиллар, в 1306 г. виконтство Ла Суль.

В 1301 г. тот же суверен одолжил Гуго XIII Лузиньяну, графу де Ла Марш и Ангулемскому достаточно значительную сумму, гарантией которой были его графства. Гуго XIII умер, не расплатившись. Наследование, осложненное уничтожением завещания Гуго XIII, предоставляло французскому королю случай вмешаться. В 1308 г. наследники графств Ла Марш и Ангулемского уступили королю свои права посредством финансовых операций.

Это была в сущности покупка, нежели уступка руки Жанны Бургундской Филиппу, второму сыну Филиппа Красивого, с непосредственным пользованием графством Бургундским, ибо, чтобы получить согласие графа Оттона IV, ему пришлось заплатить 100000 турских ливров и назначить пожизненную ренту в 10000 ливров.

Мы достаточно сказали, чтобы показать, что наряду с прибылью от крупных фьефов первая капетингская династия преследовала политику мелких приобретений, политику, дававшую короне не только права сюзеренитета, но также земли и домениальные права. Важность этой политики приобретений нельзя преуменьшить. Посредством ее, так же как и с помощью давления на крупные фьефы, Капетинги создали огромный домен, о величине которого мы можем судить по «Состоянию доходов и дворов в

1328 г.». Политика мирного прогресса, мирных приобретений, основанная на получении или уступке прав; политика юристов, заботящихся о составлении надежных документов, с целью избежания ссор и попыток использовать насилие. А если порой и приходилось прибегать к силе, то Капетинги всегда стремились к соглашению, в котором право на захват земли признано и принято обездоленным владельцем или его наследниками.

* * *

Как мы видели, если суверенам первой капетингской династии удалось присоединить к своему домену значительное число сеньорий, то они, однако же, и не помышляли объединить всю Францию, включив ее целиком в свой домен. Идея королевства, где существовали бы только земли, управляемые ими напрямую, остается чуждой как для них, так и для их чиновников. Их идеалом было королевство, где рядом со значительным доменом, необходимым для обеспечения жизни короля во всем ее блеске, существовали бы фьефы, большие или малые, владельцы которых, завися более или менее от короля, верно исполняли свой долг и службы, следующие из вассалитета.

Доказательство этого — в политике территориальных продаж, которой следуют капетингские суверены даже во времена, когда они трудятся над расширением своего домена и распространением на все королевство своего суверенитета и сюзеренитета. Они щедро раздавали, еще будучи малосильными; они продолжали политику дарений, когда к ним пришли богатство и могущество. Для них, как и для знати, «щедрость» является существенным качеством барона. Так что мы видим, как в течение XIII в. и в начале XIV в. они щедро, даже чрезмерно щедро раздают земли и права, которые с большим трудом им удалось заполучить.

Даже если только продавать, и то последствия уже ощутимы. Но эти утраты принимают полноту, если речь идет о членах королевской семьи, которая могла стать и чуть было не стала фатальной для территориальной основы монархии. Ибо представление об опасности, возникающей при создании апанажей в пользу принцев правящего дома, никогда не присутствует в сознании суверенов. Их чинов-

ники, если и против чрезмерной расточительности по отношению к частным лицам, кажется, не противятся королевской щедрости к принцам крови. И когда позднее, в 1566 г., муленский ордоннанс провозгласит неотчуждаемость земель домена, то он предусматривает два исключения, из которых одно — «для апанажей младшим представителям мужского пола королевского дома Франции».

Учреждение апанажей для прочих, кроме наследника, сыновей суверена восходит почти к первым дням династии. Несомненно, оно было предназначено для того, чтобы членам королевской семьи было легче принять применяемый, но не провозглашенный принцип неделимости короны. И в самом деле, мы видим, как король Генрих I оставляет своему юному брату в момент своего восшествия на престол герцогство Бургундское, с таким трудом завоеванное Робертом Благочестивым. И если после правления Генриха I протекло столетие без учреждения новых апанажей, то этому обязаны счастливой судьбе, которая, постоянно укрепляя у суверенов наследника, необходимого для продолжения династии, не преумножала или приводила к смерти до полного возраста порожденных ими сыновей.

Однако у Людовика VI было много сыновей помимо наследника и им не давали никаких апанажей. Быть может, он воспользовался уроком, данным ему его сводным братом Филиппом, сыном Филиппа I и Бертрады де Монфор, у которого ему пришлось отобрать в 1130 г. графство Мантское, которое он согласился ему отдать в 1104 г. Может быть, также, много сражаясь за домен, он не был способен оторвать от него какую-нибудь часть.

Людовик VIII был первым Капетингом, начавшим в полной мере практиковать политику апанажей. Он начал со своего сводного брата, Филиппа Юрпеля, законного сына Филиппа-Августа и Агнессы Меранской. Этот принц с детства, с 1201 г. был обручен по желанию своего отца с Матильдой, дочерью Рено де Даммартена, одного из могущественнейших сеньоров северной Франции, владельца графств Даммартен, Булонского и Мортенского. Рено принял участие в коалиции 1214 г. против короля и был взят в плен при Бувине. Его имущество конфисковали, а поскольку его дочь была замужем за Филиппом Юрпелем, тот получил графство Булонское. В 1224 г. Людовик VIII, исполнитель последней отцовской воли, учредил в качестве

апанаж для своего сводного брата графства Булонское, Донфрон, Мортенское, Клермонское, четверть Даммартена, почти все графство Омаль, земли Ализе и Лилльбонн.

Таким образом, земли Рено де Даммартена не только не возвращались к короне, но последней еще пришлось за свой счет увеличить апанаж Филиппа Юрпеля. В результате подобная щедрость Людовика VIII даже не помогла обеспечить своему сыну поддержку Филиппа. Известно, что этот капетингский принц стал одним из предводителей феодальной коалиции против регентши Бланки Кастильской. К счастью для монархии, Филипп Юрпель и его жена не оставили детей, и их наследство возвратилось к французскому королю. С их смертью, правда, графство Булонское перешло к их родственникам, и пришлось ждать долгие столетия, пока оно вернется в домен.

Когда Людовик VIII составлял в июне 1225 г. свое завещание, у него оставалось пять сыновей из двенадцати детей от Бланки Кастильской. Старший, будущий Людовик IX, будучи наследником, ничем не наделялся. Второй, Роберт, должен был получить все земли, которые Изабелла де Эно, его бабка, принесла в приданое своему супругу, то есть Артуа, при сохранении вдовой доли, учрежденной для Бланки Кастильской. Третий, Иоанн, получал графства Анжу и Мен; четвертый, Альфонс, графства Пуату и Овернь. Пятый сын и те, кто мог еще родиться, должны были войти в духовные ордена и не получали ничего. Добавим, что Иоанн, так же, как пятый и шестой сыновья Людовика VIII умерли малолетними, а седьмой сын, Карл, получил от своего старшего брата графство Анжуйское.

Так, одним ударом королевский домен оказался урезан приблизительно на треть. Из всех аннексий, произведенных Филиппом-Августом у своего великого анжуйского вассала, у короны осталась одна Нормандия. Пункт завещания предусматривал, что, если Филипп Юрпель, брат Людовика VIII, не оставит наследника, его апанаж вернется к королю; и, возможно, этот пункт равным образом касался и других апанажей; но риск от этого не становился меньше.

Однако судьба оказалась снова милостива к династии. Филипп Юрпель умер, не оставив наследника, и Альфонс де Пуатье также. Но Роберт д'Артуа оставил сына, унаследовавшего его апанаж. И если Анжу в 1328 г. и вернулось к короне вследствие избрания на престол Франции

правнука Карла Анжуйского, Филиппа VI Валуа, то пришлось ждать Пиренейского договора 1659 г., чтобы Артуа, перешедшее по браку к Бургундскому дому, а затем к дому Габсбургов, снова было присоединено к королевскому домену.

Людовик Святой, скрупулезно выполнивший все пункты завещания своего отца, быть может, просвещенный ими, оказался менее щедрым к своим собственным сыновьям. Жан-Тристан получил лишь графство Валуа, Пьер — графства Алансонское и Першское, Роберт — графство Клермон-ан-Бовези. Старший из троих принцев умер в Тунисе в 1270 г. бездетным, и графство Валуа оказалось снова присоединенным к домену, впрочем, ненадолго, как мы это увидим. Пьер Алансонский также умер без наследника в 1284 г. Что же до Роберта Клермонского, то известно, что он оставил большое потомство, которому суждено было позднее, в лице Бурбонов, корнем которого он был, наследовать французский трон. И если графство Клермонское в 1327 г. возвратилось к короне, то это был обмен, вследствие которого домен утратил графство Ла Марш, кастелянства Иссуден, Сен-Пьер-ле-Мутье и Монферран.

Филипп III, умирая, оставил двух сыновей от Изабеллы Арагонской, — принцев Филиппа и Карла и одного сына от Марии Брабантской, принца Людовика. Наследником королевства становился Филипп. По грамотам от 26 февраля 1284 г. Карл получил графство Валуа, свободное со времени смерти Жана-Тристана. Это графство, насчитывающее кастелянства Крепи, Ла Ферте-Милон и Пьерфон, было увеличено за счет кастелянств Бетизи и Вербери. Грамоты от 26 февраля 1284 г. содержали пункт, делавший обязательным возвращение земель короне в случае отсутствия наследников. Этот скромный апанаж, возможно, объясняется тем, что в момент его создания для своего второго сына Филипп III Смелый готовился завоевать для него королевство Арагонское. Судьба этих притязаний известна.

Но Филипп IV Красивый оказался щедрым к своему брату Карлу. К апанажу Валуа, возросшему вследствие брака принца с Маргаритой Анжуйской за счет графств Анжу и Мена, что представляло в 1290 г. 145534 двора, подразделенных на 1514 приходов, французский король прибавил в 1291 г. графство Алансонское, ставшее выморочным в 1284 г. вследствие смерти Пьера Алансонского,

кастелянства Шатонеф-ан-Тимере и Сенонш, приобретенные по обмену в 1283 г., и в 1293 г. графство Шартрское, приобретенное в 1286 г., а также множество других даров меньшего значения.

Филипп не забыл и своего брата Людовика. Последний, носивший уже титул графа д'Эврё, после смерти своего отца получил графство Эврё, выросшее за счет сеньорий Бомон-ле-Роже, Мелан и кастелянств Этамп, Дурдан, Ла Ферте-Але и Жьен.

Король оказался менее щедрым по отношению к своим собственным сыновьям, конечно, не предвидя королевское будущее, ожидавшее всех троих. Быть может, он думал, что его сыновья выкажут себя такими же добрыми братьями, каким был он сам. Впрочем, старший, принц Людовик, получил в 1305 г. значительное наследство от своей матери: королевство Наварру, графства Шампанское и Бри. У второго, Филиппа, было только графство Пуатье. Правда, заставив его жениться на славных доходах дочери Оттона Бургундского, король дал ему возможность получить богатое графство Бургундское и сеньорию Сален. Наконец, самый молодой, Карл, получил графство де Ла Марш, к которому прибавлялось графство Бигорр — его часть в материнском наследстве.

Трое последних Капетингов, произведя на свет только дочерей, не учредили апанажа для своих детей. Однако Людовик X со времени своего восшествия на престол значительно увеличил доходы своего брата Филиппа. Последний получил, кроме графства Пуатье, земельные ренты доходящие до 20000 ливров, из которых на долю Пуат приходилось лишь 7000 ливров. Ренты доходили до 5000 ливров. Филипп, став королем, добавил к апанажу своего брата Карла де Ла Марш кастелянства Ниор, Монморийе и Фонтене. Он увеличил также апанаж своего дяди Людовика д'Эврё, передав последнему графство де Лонгвиль, конфискованное Людовиком X у Ангеррана де Мариньи. Когда трое сыновей Филиппа IV стали королями, их апанажи более или менее полностью вернулись в корону.

Так, в течение трех столетий мы видим, как Капетинги приобретают земли, ставя другие под свой сюзеренитет, трудятся над восстановлением Королевства Франков (*Regnum Francorum*) и одновременно, не колеблясь, передаю

эти приобретения, чтобы обеспечить своих младших братьев с риском снова вызвать раздробление Королевства (*Regnum*), против которого они столько боролись. Это противоречие в их образе действий нисколько не умаляется правилом возвращения в корону апанажей в случае отсутствия наследников. Здесь общее правило для всех фьефов. Капетинги обязаны ему некоторыми из своих приобретений. Не следует больше аргументировать тем, что чрезмерная расточительность Людовика VIII не была возобновлена. Финансовое положение капетингских суверенов начиная с правления Людовика Святого затрудняет отчуждение, ведущее к окончательной потере доходов. Они предпочитают давать большие ренты, связанные с продажей прав как членам своей семьи, так и друзьям или слугам, сохраняя возможность не выплачивать их или отменять. Но особенно они пользуются своей возросшей властью для того, чтобы устроить или попытаться устроить младших членов семьи вне королевства. И, если они сами до этого не додумываются, младшие, амбиции которых возросли вместе с могуществом французского королевского дома, внушают им эту идею. Так, Карл Анжуйский при поддержке своего брата получил королевство Сицилию. Филипп III разорится, чтобы посадить своего младшего сына на арагонский престол. Филипп Красивый будет поддерживать за свой счет итальянские, византийские и имперские притязания того же Карла де Валуа, пристроит своего второго сына в графстве Бургундском, на землях Священной Римской империи. Но ни один из этих суверенов не почувствует ни опасности апанажа для единства королевства, ни опасности, которую представляли в будущем притязания младших королевских сыновей на иностранные территории.

Можно попытаться, рассматривая политику Капетингов в их трудах по территориальному собиранию королевства, составить представление о том, чего же в действительности они желали. Если они изрядно обогатили корону, увеличили свой домен, усилили свое могущество, то они нисколько не разрешили вопрос территориального единства королевства в том смысле, который вкладывают в это понятие наши умы. Они не стремились прямо владеть землей всего королевства. Они не имели в виду исчезновение крупных фьефов, подавление феодальной раздробленности Франции. Им было достаточно, чтобы вассалы,

малые или великие, владельцы земель, относительно зависящие от короны, исполняли свой долг и феодальную службу. Бароны же их времени желали, прежде всего, возможности ставить под королевские знамена наибольшее число рыцарей и жаждали, чтобы в королевскую курию входило как можно больше вассалов. Капетингская концепция домена или королевства вовсе не экономическая концепция и даже, возможно, не политическая. Их точка зрения военного порядка. Они смотрят на владение или сюзеренитет над землей, как войны. Их больше интересует число копий, которое она может поставить, нежели ее урожайность. Единственная часть земли, к которой они, кажется, действительно привязаны, производит меньше всего — это лес, необходимый театр времяпровождения знати, охота. Так что эти великие раздатчики земли очень сдержанны, когда речь заходит о лесах или лесосеках. Они охотно раздают поля и гораздо реже заповедники, где охотятся.

Итак, не следует видеть в них крестьян — собирателей земли, ревностно охраняющих ее, пользующихся ею с дальновидной строгостью. Также не будем видеть в них глубоких политиков, понимавших необходимость территориальной основы, терпеливо строящих единое государство под своим владычеством. Не будем их рассматривать и как честолюбцев, желавших, чтобы все покорялось их воле.

Они видели свое королевство как обширный домен, в котором провидение ниспослало им охрану феодальных порядков, и не усматривали никакого неудобства, оставляя его в руках родственников или друзей, коим они с легкостью оставляли все, за исключением признания своих суверенных прав вассалами, мелкими и крупными, и исполнения службы, которую требовало это право.

Именно поэтому они мало использовали силу, предпочитая частные соглашения, не порождавшие вражды, что позволило им в конечном счете стать хозяевами королевства. И если они создали эту территориальную основу, необходимую для формирования нации, то, возможно, у этого великого труда была судьба истинных творений, неожиданных даже для тех, кто их воплотил.

ГЛАВА X

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОСНОВА

Капетингам было недостаточно установить и заставить принять свой суверенитет, собрать под своей властью фьефы и сеньории королевства. Чтобы эти труды не оказались тщетными, необходимо было дать этой власти постоянные и эффективные средства для самопроявления. Следовало на собранных таким образом территориях насадить агентов, способных поддерживать ее единство. Без солидной административной основы политическое и территориальное единство просуществовали бы недолго.

Чтобы создать эту административную основу, Капетинги действовали методом уже апробированным. Они не трудились над заранее намеченным планом, а использовали уже существующие институты, и если последние менялись, то обстоятельства играли в этой эволюции такую же роль, как и суверены. Капетинги ничего не создали в собственном смысле слова. Они уничтожали институты, которые им казались опасными. С другой стороны, они дожидались, когда новые институты, порожденные современными нуждами, докажут свою целесообразность, чтобы придать им более или менее окончательный статус.

Эта мудрость без нововведений была, несомненно, бес-
сознательной. Как люди своего времени, капетингские су-
верены уважали традицию. Подобное отношение запрещало
им грубое давление, так же как и отважные инновации. Их
идеалом сначала было управлять, как Карл Великий; по-
зднее — как управлял Людовик Святой. Но они плохо
знали или же быстро забывали, как управляли великие

предки. Последние представляли, скорее, идеал управления, в который инкорпорировались личные концепции правления суверена или его окружения.

Таким образом, Капетинги приблизились к преобразованию существовавших управленческих институтов под предлогом привести их к первоначальному состоянию. Административные органы, унаследованные ими от предшественников, существовали, но с измененными функциями. Их служащие сохранили те же должности, но были уже агентами другого типа.

Все, из чего состояла каролингская администрация, естественно, было унаследовано с восшествием на престол Капетингов. Продолжалось управление из дворца; крупным чиновникам оказывалась поддержка в их работе. На вид ничего не изменилось. Но в этой администрации практически больше не было смысла, поскольку действия суверена более или менее ограничивались непосредственными доменами короны, ибо король начинает играть роль просто крупного сеньора.

В действительности в обществе, где связи людей между собой имели существенное значение, нет места для административной организации. Общая администрация и феодализм являются двумя почти взаимоисключающими терминами. Только с закатом феодальной организации начнет образовываться настоящая публичная администрация.

Хотя Капетинги сохранили кадры каролингской администрации, смысла в их существовании не было, по крайней мере, в том, что касается всего королевства, поскольку крупные каролингские чиновники стали знатными феодальными баронами и их примеру последовали чиновники меньшего значения. Ими были узурпированы или им были дарованы права регалии. Больше не стоял вопрос о регулярном отправлении королевского правосудия. Больше нельзя было говорить о королевских доходах. Королевское войско не могло собраться без согласия многих других феодалов и их воли, иной чем воля короля. И, если всегда подле короля находились крупные чиновники короны, функции этих лиц стали скорее функциями домашней obsługi, а их действия вне королевского домена оказались практи-

чески сведенными к нулю. С этой точки зрения функции имели только почетный характер.

Когда капетингский суверен в первые два столетия династии хотел действовать как король, он мог это сделать, лишь собирая вокруг себя тех, кто действительно обладал властью, крупных баронов, и с их согласия получал полномочия для действия, которых ему не доставало. Без их согласия он как король был беспомощен. Последнее обстоятельство не всегда было недостатком. Оно могло приносить полезные результаты. Благодаря ему Роберт Благочестивый нашел необходимые средства для ведения тяжких кампаний, присоединивших герцогство Бургундское к королевскому домену. Но эта добрая воля проявляется только тогда, когда предмет, по поводу которого к ней прибегают, никоим образом не противоречит различным частным интересам тех, к которым обращаются.

Единственная администрация, существующая в этот первый период капетингской истории, — администрация, необходимая для управления землями и правами суверена в рамках королевского домена. Впрочем, мы знаем ее очень плохо. Несомненно, мы с полным основанием, но без прочных доказательств допускаем, что с начала династии она обладала чертами, представленными в правление Людовика VI, то есть в эпоху, для которой наша документация перестает быть слишком фрагментарной.

Эта администрация находится еще в зачаточном состоянии. Она насчитывает нескольких лиц подле короля, главных коронных служащих, управляющих делами его дома; некоторых представителей королевской власти, рассеянных по домену, — прево.

Естественно, на эту примитивную администрацию влияют социальные обычаи эпохи. Если обязанности главных коронных служащих — коннетабля, виночерпия, камерария, сенешала, канцлера не являются наследственными, то они пожизненные, что можно считать первым шагом к наследованию. Кроме того, кажется, эти должности закрепляются за членами определенных феодальных домов, обладающих самыми крупными сеньориями в домене: должность коннетабля — за семьями Шомон, Монморанси и Клермон; камерария — за домами Галеран, Даммартен

и Бомон; виночерпия — за Ла Тур; сенешала — за Рошфор. Мы даже видим во времена Людовика VI, как семья Гарланд пытается и на короткое время удерживает в своих руках должности сенешала (дапиферат), канцлера и виночерпия. Этьен де Гарланд даже совмещает функции сенешала и канцлера. Но всякое могущество начинает волновать короля, подстрекаемого королевой Аделаидой и святым Бернаром. Этьена лишили его должностей и выставили из дворца. После пяти лет войн он подчинился и оставил всякие претензии на сенешальство и наследование этой должности. Обстоятельства, при которых преемники Этьена де Гарланда по канцелярии — Альгрэн д'Этамп, Кадюрк, Симон, Гуго де Шанфлери оставляют свои обязанности, подсказывают, что и здесь между королем и его крупным чиновником возникли серьезные трения.

Итак, сенешальство и канцелярия являлись единственными крупными учреждениями короны, представлявшими настоящие административные функции. Сенешал был главой королевского дома. Он ведал управлением королевскими финансами, и от него зависели прево. Он командовал войском и разделял с другими крупными чинами судебную власть. Канцлер был главой бюро центральной администрации, хранителем печати, которой скреплял акты суверена, представителем королевской особы во всей полноте своих функций как судьи.

Если бы эти крупные должности стали наследственными, король рисковал бы быстро стать почетным лицом, обладающим лишь видимостью власти.

Капетинги XII в., кажется, разглядели эту опасность. Положение было щекотливое. Они не могли пойти на отмену главных должностей короны, унаследованных от каролингских императоров, кои, кроме того, представлялись им необходимыми для достоинства и престижа их короны. Они тянут время, сохраняя власть наименее опасных сановников, оставляя должности сенешала и канцлера без назначений. Но они их не отменяют.

Оставив сенешальство вакантным с 1127 по 1131 гг. после отставки Этьена де Гарланда, Людовик VI передал должность своему кузену Раулю де Вермандуа. После короткого перерыва в два года, последовавшего после смер

ти Рауля, сенешальство в 1154 г. получил Тибо V, граф Блуасский, сохранивший его до своей смерти в 1191 г. Рауль и Тибо были родственниками короля и как таковые казались более верными династии. Это также были крупные сеньоры, особенно второй, и управление их личными доменами держало их довольно часто вдали от двора. С ними сенешальство стало, как и желал суверен, функцией скорее почетной, а вследствие этого менее опасной. Сенешал, сохранивший не меньше своих прав, остался способен их осуществлять. Филипп-Август, желая избежать опасности, нашел более простым не передавать должность наследнику Тибо V. Должность сенешала не была упразднена. Она просто осталась без сановника. И в течение XIII в. и еще в начале века следующего, вплоть до конца династии королевские дипломы, содержащие с XII в. подписи, впрочем, фиктивные, четырех главных коронных служащих, кроме канцлера, продолжают упоминать должность сенешала, указывая, что она не имеет сановника (без какого либа сановника — *«Dapifero Nullo»*).

Что касается канцлера, то его должность оказалась вакантной после немилости Этьена де Гарланда в 1128 г., но начиная с 1132 г. образумившийся фаворит занимает ее снова. Должность эта вновь оказалась без чиновника на семь лет после падения Гуго де Шанфлери в 1172 г., потом на двадцать лет, с 1185 по 1213 гг. после смерти Гуго де Пюизе. Наконец, когда в 1223 г. умер канцлер брат Герен, госпитальер, ставший епископом Санлиса, его никем не заменили, и вплоть до 1314 г. канцлера не было. Отныне королевство становится достаточно могущественным, чтобы никого не опасаться, и функции канцлера выполняет чиновник иного ранга. Если можно обойтись без сенешала, то служба канцелярии должна иметь главу. Так что во главе ее ставят хранителя печати, лицо менее значительное, получающее свою должность исключительно по королевской воле и отзываемое.

Чтобы заставить выполнять работу, которую он колебался препоручить главным коронным служащим, капетингский суверен предпочел обратиться к служащим своего дома, дворцовому персоналу, набираемому из мелкой знати домена, отныне приведенной к повиновению, а порой и

вне этой знати; таков Генрих Ле Лоррен, которого враги при Людовике VI обвиняли в низком происхождении и которого королю пришлось защищать от всяческих обвинений. Но у этих лиц из окружения короля не было четко определенного официального положения. Они являлись друзьями короля, «*familiars*». Король выбирал среди них агентов, в коих нуждался и давал им временные поручения во исполнение своей воли. Ибо — и это следует подчеркнуть — вне канцелярии и ее бюро, кажется, нет настоящей организации королевского двора.

В этих условиях говорить об администрации, возможно, чересчур смело. Король живет как крупный собственник, со своего домена и в своем домене. Последний управляется на местах держателями — прево, покупающих превотство, которые делают взнос и управляют королевскими землями, осуществляя права короля в границах своих превотств или соседних сеньориях. В том, что касается остальной части королевства, то действия короля, когда они проявляются, преимущественно политического порядка. Они являются результатом соглашения, установленного между королевской властью и прелатами и баронами на часто собираемых короной ассамблеях, и, если случайно была принята какая-нибудь административная мера, суверен обращается к барону или прелату, чтобы утвердить ее исполнение даже в областях, где заседают эти временные делегаты, что никаким образом нельзя назвать управлением королевством.

Возможно, однако, что все было иначе, и эта администрация представляла собой более сложный механизм, который мы не можем уяснить по общей документации. Если правление Филиппа-Августа показывает нам лучше устроенную систему управления и администрацию, то это не доказательство того, что ничего подобного не существовало до этого правления.

Правда, Филипп-Август включил в свой домен большую провинцию, которая с административной точки зрения представляла вершину того, что существовало тогда в Европе. Начиная со времени первых герцогов, и тем более когда эти герцоги получили английскую корону, в Нормандии развилась настоящая администрация. Это оказалось возможным потому, что герцоги, считавшие себя хозяевами

как в Англии, так и в Нормандии, вследствие завоевания придали социальной организации специфический характер. Англо-нормандский феодализм основывался по соглашению с сеньором на базе уважения прав суверена, а не на базе дезинтеграции королевской власти и узурпации прав регалии, как во Франции.

И Филипп-Август не только получил Нормандию. Он также поглотил большую часть территорий, над которыми довлела власть Плантагенетов, и, чтобы его владичество стало эффективным, он учредил администрацию по подобию Нормандии, население которой, протестуя против жесткости этой администрации, привыкло постепенно ее терпеть.

Эти присоединения, расширив собственно королевский домен, не позволяли больше примитивной администрации первых Капетингов справляться со своей работой. Следовало произвести глубокие преобразования, если Капетинги хотели удержать в руках новые приобретения королевской власти.

Наконец, у капетингской династии отныне появились обязанности и труды, не связанные с теми, что она знала до сих пор. Чтобы играть видную политическую роль, изятую на себя, чтобы добывать ресурсы, которые эта роль требовала, старой патриархальной организации, которой доселе довольствовалась французская королевская власть, было недостаточно. Ее следовало преобразовать. Теперь недостаточно было простых держателей, управлявших доменами, таких как прево. Нужны были чиновники все более и более специализированные, многочисленные, постоянные представители особы короля в округах. Наконец, следовало, чтобы королевский двор перестал быть простым собранием клириков и друзей короля без четко определенных обязанностей, выполняющих по очереди самую разную работу и не всегда обеспокоенных тем, подготовлены они к ней или нет.

Эти преобразования совершались не в один день, тем более что суверен и его советники не всегда отдавали себе отчет в новизне проблем, встававших перед ними, и чаще всего смотрели в прошлое, ища модели действия на манер их предков. И народ, который они создавали, мыслил,

также не чувствуя происходящих изменений и нужд, порождаемых ими, отказываясь понять, что минули времена, когда вещи можно было рассматривать с местной точки зрения, не сознавая, что отдельные нужды служили частным интересам.

Эти преобразования происходили беспорядочно, без плана, с желанием вводить как можно меньше нового, с трогательным уважением к существующим институтам, со странной слепотой по отношению к противоречиям некоторых институтов и условий, в которых они теперь функционировали.

Здесь не стоит вопрос изображения картины капетингской администрации в XIII в. Если в настоящее время не существует общей книги, действительно отвечающей на вопрос, то эта лакуна скоро будет заполнена¹, и в ожидании этого можно обратиться к зарисовкам того, чем была эта администрация в различные моменты капетингской истории. Хотелось бы только подчеркнуть самые важные изменения или нововведения, осуществленные суверенами династии и попытаться выделить принципы, определившие эти трансформации, отметив, однако, что эти принципы, возможно, не были сформулированы, даже бессознательно, авторами этих изменений.

Первое из них заключалось в том, что отныне чиновники, назначаемые королем и оплачиваемые им, полностью зависели от его воли в держании своих должностей.

Вплоть до восшествия на престол Филиппа-Августа в 1180 г. капетингская монархия — в той мере, в какой позволяет удостовериться в этом наша документация, — кажется, использовала два типа агентов. Одни назначались королем, но исполняли свою должность пожизненно и в той или иной форме участвовали в прибылях от отправляемой должности. Это были главные коронные служащие и чиновники канцелярии, центральной администрации. Другие, в назначение которых король вмешивался лишь час

¹ A. Luchaire. *Manuel des institutions françaises: période des Capétiens directs*. Paris, 1892. Р. Фавтье имеет в виду коллективный труд, автором и одним из главных редакторов которого он явился: *Histoire des institutions françaises au Moyen Age*. V. 1-3. Paris, 1957-1962. (Прим. ред.)

тично, покупали свою должность. Это были прево. Впрочем, возможно, первоначально превотства держались как фьеф от короля. Наследственных превотств не было. Возможно, единого правила для этих должностей в начале династии не было. Но, несомненно, очень скоро пришли к системе превотств, отданных на откуп, когда приобретающий должность вносил определенную сумму, соответствующую доходам от превотства и установленную на торгах, и компенсировал затраты путем эксплуатации земли и прав. Добавим, что надбавки — и часто многочисленные — допускались, и прево с отданным с торгов превотством не колебался, взимая при своей должности этот излишек.

Неудобства такого способа назначения и вознаграждения служащих королевской власти очевидны. Агенты, покупающие свою должность, не зависят целиком от короля, ибо сумма, уплаченная ими, освобождает их от всякого надзора или почти от всякого. Чиновники, лично заинтересованные в использовании своей должности, легко поддаются стремлению непомерно увеличить доходы с целью присвоения части дохода и рассматривая должность как частную собственность, которую они стремятся закрепить за своими наследниками.

В эпоху Филиппа-Августа мы видим, как появляются бальи, тип совершенно иного чиновника. Впрочем, это было не изобретением Капетингов, а заимствованием у англо-нормандской монархии.

Обладая одновременно английским островом и многочисленными фьефами по ту сторону Ла Манша, англо-нормандским суверенам пришлось искать разрешение проблемы, которая заключалась в невозможности быстро перемещаться по всему домену. Им также требовалось изыскать средство осуществления во всей полноте своей власти в империи, состоящей из таких разных элементов, как Англия, Нормандия, Анжу, Пуату и Аквитания. Откуда и необходимость увеличить число представителей королевской власти, располагать посланцами, обладающими всей полнотой полномочий, чтобы действовать от их имени, и достаточно подвижными: расследователями, разъездными судьями; другие оставались на местах — бальи или сене-шали. В Нормандии были бальи, в других континентальных

провинциях англо-нормандской монархии сенешали. Но эти служащие нового образца не могли быть откупщиками, поскольку продолжительность их службы была неопределенной. С другой стороны, они не могли в качестве платы брать часть доходов от своей должности, потому что эта должность находилась целиком под надзором и контролем. Так что им надо было выдавать установленную плату, увеличенную за счет некоторых материальных добавок натурой. Таким образом, подошли к концепции, новой для феодального общества, — чиновника, назначаемого королем, оплачиваемого им, всей своей властью представляющего его и отзываемого по его воле.

Филипп-Август позаимствовал у своего анжуйского соперника эту новую концепцию королевских агентов, потом обнаружив, что она действует во всех фьефах его королевства, занятых этим соперником, которые он присоединил к короне, и распространил ее на все свои владения.

Первые бальи, о которых у нас есть точные сведения, являются теми, о которых упоминается в завещании короля, составленном в 1190 г., накануне его отъезда на Восток¹. Филипп-Август устанавливает некое количество земель, «предназначенных для конкретных лиц», то есть расписанных по именам агентов, получающих право управления, агентов, называемых бальи. Каждый месяц последние обязаны проводить там «заседание», где будет безотлагательно вершиться правосудие для жалующихся и будут охраняться права короля. В завещании записаны штрафы, которые может налагать бальи. Три раза в год эти бальи должны приезжать в Париж и отчитываться перед регентами королевства, королевой-матерью Аделью Шампанской и архиепископом Реймским, о том, как обстоят дела на их землях. Бальи нельзя сместить с их должности без разрешения короля, за исключением случаев смерти, похищения, убийства или предательства. Бальи будут контролировать королевских прево и, чтобы установить этот контроль, приставят к каждому из них четырех «достойных мужей», мнение которых прево должен учитывать. В Па-

¹ Recueil des actes de Philippe Auguste. Vol. I. p. 416-420, n° 345.

риже число этих достойных мужей доходило до шести и назначал их король. Наконец, бальи не имеют права лишать прево их должности без утверждения королем, за исключением случаев, указанных для самих бальи.

Заметим, что ограничение деятельности бальи обозначалось не только географическими названиями. Этот обычай практиковался еще в 1202–1203 гг., как свидетельствует документ, который считают первым бюджетом французской монархии¹. В нем в самом деле стоит вопрос о доходах и расходах Гийома де Ла Шапель, а не бальи Орлеана; Гуго де Гравель, а не бальи Этампа; Рено де Бетизи, а не бальи Санса и т. д. И только в счетах за 1248 г. появится географическое обозначение бальяжей².

Возможно, развитие финансовой компетенции бальи и в самом деле привело к установлению более точных географических границ округов, управляемых этими чиновниками. Финансовая администрация, чтобы быть эффективной, нуждалась в стабильных и четко определенных территориальных рамках, дабы проявлять свою активность; и это во времена, когда власть не обрела еще средства быстрого поступления доходов, а жалование бальи имело досадную тенденцию к возрастанию на протяжении многих лет.

Ибо очень скоро расследователи, которыми были первоначально королевские бальи и сенешали, стали не столько агентами правосудия, сколько финансовыми агентами, и надо сказать, что эта эволюция была в некотором роде неизбежна. Капетингская королевская власть по мере возрастания своего могущества видела, как растут ее финансовые нужды. Знаменитые страницы Мишле³ о роли золота в XIV в. также справедливы и для XIII в. Денежный вопрос

¹ Он был опубликован Брюсселем (Brussel) в vol. III его кн. *Nouvel examen de l'usage général des fiefs en France*. Paris, 1750. p. 139–210 и затем воспроизведен факсимиле в приложении к кн.: F. Lot et R. Fawtier. *Le premier budget de la monarchie*. Paris, 1932.

² *Historiens de France*. Vol. XXI. p. 270–284.

³ Мишле Жюль (1798–1874) — известный французский историк и литератор т. н. романтического направления, автор 17-томной «Истории Франции». (Прим. ред.)

занимал Капетингов со времени Филиппа-Августа и до конца династии.

Итак, бальи и сенешали являются представителями короля. Им от него делегирована власть. Как и их суверен, которому они служат, они прилагают все усилия для изыскания и взимания королевских доходов. И вот таким образом их роль как чиновников юстиции переходит на второй план. Прозаседав в Парижском парламенте, они с конца XIII в. туда не допускаются. В конечном счете они начинают напрямую зависеть от финансового подразделения Королевской курии (*Curia Regis*), от Комиссии счетов и, когда последняя будет окончательно организована, от Палаты счетов.

Но эти новшества не уничтожили то, что существовало прежде. Прево продолжают приобретать на откуп свои превотства, продолжается покупка некоторых должностей. Еще в 1314–1315 гг. жалуются на продажу должностей в пожизненное пользование судьям, *bayles*¹ и нотариусам на юге королевства. Бальи и сенешалам никогда не удавалось четко определить свои округа, причем до такой степени, что пришлось отказаться от составления карты бальяжей и сенешальств, ибо границы этих округов претерпевали изменения с назначением новых администраторов; некоторые из них назначались, смещались, восстанавливались²; королевские земли управлялись агентами, меняющимися вследствие продаж или приобретений; равным образом менялись сеньории, в которых бальи и сенешали должны были защищать права короля, и административные округа, от которых они зависели, не всегда были точно известны.

В центральном управлении не существовало ни административной карты королевства, ни ежегодника, содержащего список королевских чиновников с их прерогативами и компетенцией. В бальяжах или сенешальствах архивы, как представляется, были в личной собственности агентов,

¹ Коронная (или сеньориальная) должность на юге Франции, равносильная функциям прево на севере страны. (*Прим. ред.*)

² См. приложение «В» тома III кн.: Borrelli de Serres. *Recherches sur divers services publics du XIIIe au XVIIe siècle*. Paris, 1904.

увозивших их с собой с переводом на другое место¹. Следует избегать представлений об этой капетингской администрации как чересчур жесткой. Все это еще довольно запутано, и пройдут многие столетия, прежде чем будут установлены и станут уважаться абсолютные принципы.

Другим нововведением стала тенденция к специализации королевских чиновников.

Нам мало знакомо состояние вещей до правления Филиппа-Августа, чтобы решить, не стала ли эта тенденция уже проявляться, но, несомненно, в XIII в. специализация различных ветвей администрации начинает утверждаться и развиваться.

Впрочем, она была логическим следствием усиления королевской власти и роста домена. Достаточно долго, покаду суверен был лишь крупным земельным собственником, было довольно одного типа чиновника для эксплуатации земель и прав, составлявших домен. С другой стороны, редкие случаи, представлявшие суверену для того, чтобы дать почувствовать свое воздействие вне домена, на остальной части королевства, не требовали слишком многочисленного персонала, и миссии политического порядка, которые влекли эти случаи, могли исполняться агентами из окружения короля. Все-таки следует заметить, что королевская курия, заседающая как трибунал, кажется, насчитывала со времени правления Людовика VII, а возможно, и ранее, некоторых «*familiars*», более приверженных вопросам права. Но в тот день, когда король действительно взял на себя функции короля, этого персонала оказалось недостаточно. Требовались компетентные чиновники для каждого направления королевской активности.

Эта трансформация происходила медленно и не везде одинаково. К примеру, несомненно, что администрация англо-нормандских суверенов в Нормандии уже на момент присоединения герцогства к французской короне насчитывала некоторое количество специальных агентов. То же

¹ Ш.-В. Ланглуа опубликовал любопытное письмо Симона де Монтиньи, балы Труа и Мо, своему преемнику в балыже Орлеана Симону де Билли: Ch.-V. Langlois. *Registres perdus de la Chambre des Comptes*. Paris, 1916 (Notices et Extraits. Vol. XL). p. 82-83. Попутно необходимо сказать, что эта работа Ш.-В. Ланглуа, несмотря на ее название, содержит ценный очерк по истории центрального управления при последних Капетингах.

самое было в Анжу, и конечно, в определенной степени на других территориях Плантагенетов. Когда Шампань присоединится к французской короне, в распоряжении последней будет полная администрация, к которой Капетинги мало чего добавят. Французская королевская власть воспользовалась здесь плодами трудов великих феодальных династий, которые с этой точки зрения во многом ее опередили.

Но все это было несколько несогласованно, и у мелких сеньоров часто, как в старом патримониальном домене Капетингов, была зачаточная административная организация. То же самое было на Юге, и еще Симон де Монфор пытался это устранить.

Именно специализация королевской курии повлекла общее движение, докатившееся постепенно до всех частей домена. Процесс ее развития много раз описан, но описания, на наш взгляд, не настаивают на медлительности, с которой комиссии по правосудию и финансам при королевской курии преобразовывались в постоянные отделения, организованные как независимые. Есть представление счетов Тампля от 1203 г., и общий счет за этот год дает доказательство этого. В этом году появилась маленькая комиссия из специалистов, чтобы разобраться в счетах бальи. И ордоннансом, который Палата счетов всегда рассматривала как хартию своего основания, является ордоннанс Вивье-ан-Бри от января 1320 г. Начиная с правления Филиппа-Августа происходили регулярные сессии королевской курии, специализирующиеся на судебных делах; но именно ордоннанс Филиппа III от 1278 г., и особенно два ордоннанса Филиппа V от 1319 и 1320 гг. действительно реорганизовали Парижский парламент в юридическое отделение Королевской курии (*Curia Regis*).

Но и здесь прошлое полностью не исчезло. Королевская курия продолжает существовать. Мы видим, что она собирается от случая к случаю. До середины XIV в. члены специализированных секций получают свою нормальную плату, когда они «*in curia*». И если Парламент и Палата счетов имеют постоянный персонал, подготавливающий работу, то они действуют официально и существуют в действительности лишь во время периодических сессий

различной длительности. Наконец, «совет» короля, на который суверен созывает тех, кого хочет, и где рядом с принцами крови восседают крупные прелаты, знатные сеньоры, «*familiares*» короля, члены Парламента и Палаты счетов, представляет собой группу дворцовых советников, помогавших править первым Капетингам.

Параллельно специализации возникают низшие эшелоны королевской администрации. Мы видим, как постепенно рядом с представителями королевской власти в провинциях, бальи или сенешалами, появляются новые чиновники, обязанные помогать им в различных областях их активности: сборщики, судьи, прокуроры, смотрители лесов, капитаны и т. д.

Все эти агенты как центрального управления, так и местной администрации выполняют свои функции лишь по воле суверена. Их набор еще не подчинен никаким условиям, гарантирующим профессионализм, за исключением и до некоторой степени юридических чиновников. Держание их должностей не влечет за собой приобретения прав на эти должности. Это еще не чиновники, а простые агенты.

Мышление, развивающееся у них, мало связано с новшествами, которые внедряются в королевскую администрацию в XIII в.

Представляется, что в XI и XII вв. служба королю рассматривалась исключительно как источник выгоды. Такой преданный королевский агент, как аббат Сугерий, имел больше в виду интересы своего аббатства Сен-Дени, нежели интересы королевства. Большая часть королевских чиновников, служа суверену, ищет личной выгоды. Прево, приобретая на торгах свою должность, думает, прежде всего, не только о том, чтобы покрыть расходы, но еще и извлечь как можно больше выгоды, делая для этого все, что только возможно, даже с риском нанести ущерб домену. Со своей стороны, крупные чиновники стараются сделать свою должность доходной и закрепить ее за своими наследниками, присвоить власть, делегированную им сувереном.

Подобное состояние умов никогда полностью не исчезнет, поскольку королевские агенты — люди. Но оно становится более редким, и мы увидим в XIII и XIV вв., что

королевские чиновники исполняют свои функции с иным менталитетом. Отныне мы сможем констатировать у большей части их чрезвычайную страсть к интересам суверена, правам короля, заслоняющую личный интерес. Мы увидим, как они требуют не только то, что должно королю, но и то, что, как они полагают, выгодно для него, даже если его право на эти выгоды недостаточно установлено. Они доходят до того, что престопают королевские инструкции, порой идут наперекор королевской воле, например, по части продаж, когда они полагают, что эта воля действует наперекор интересам монархии.

Именно в этом заключается главное новшество. Отныне монархии служат агенты, о которых можно сказать, что они больше роялисты, чем король. Это отмечали давно. Но кажется, при этом мало интересовались причинами такого изменения, не спрашивали себя, почему королевской власти служили с такой преданностью, почему служба этой власти становится честью, которой добиваются.

Однако нельзя сказать, что Капетинги вознаграждали слишком щедро своих агентов. Даже отдавая отчет в той мере, в какой мы можем это оценить, об относительной стоимости серебра, выплаты остаются скромными. Бальи Вермандуа получил 739 ливров в 1269 г., немногим более 500 ливров в 1275 г., 292 ливра в 1305 г., 500 ливров в 1323 г. (но следует прибавить к этим функциям бальи функции сборщика), снова 292 ливра в начале правления Филиппа VI Валуа. Правда, бальи может получать дары, «куртуажности», как говорили; но ордоннанс 1256 г. ограничил их размеры до 10 су в неделю, от 25 до 26 ливров в год, и уточнил, что нельзя подносить золото или серебро, но только мясо, фрукты или вино. И Филипп де Бомануар, бальи короля Филиппа III, заявлял, что «слишком вероломен тот, кто подобными дарами посягает на право другого»¹.

По жалованию наиболее значительных из локальных агентов можно судить, что получали их подчиненные. Крупные сановники центрального управления наделялись не лучше. Пьер Флот, хранитель печати, получает 500 ливров

¹ Beaumanoir. Coutumes de Beauvaisis. Éd. A. Salmon. Paris, 1899. Vol. I. p. 31, § 29.

в 1299 г.; казначей короля — 600 ливров. Очевидно, следует прибавить к этой плате какие-то поступления натурой, плащи, пищу, дрова; но все это нас далеко не уведет. И можно сказать, что традиция мало или недостаточно оплачиваемого французского чиновника восходит к самым истокам французской администрации.

Заметим, что денежное довольствие и оброк натурой составляли лишь малую часть выгод, извлекаемых королевским агентом из его должности, и для XIII—XIV вв. справедливо изречение лорда Сандвича: «Человека обогащает не плата за место, которое он занимает, но случаи, когда он может получать деньги, занимая это место», поэтому на вопрос о плате можно ответить отрицательно, опираясь на свидетельства, собранные королевскими следователями, посланными в провинции для сбора жалоб подданных.

Если просмотреть то, что дошло до нас от этих исследований, то мы там обнаружим не столько обвинения в продажности, сколько в злоупотреблении властью, угнетении, выражающихся в вымогательстве денег, но денег, предназначенных для сундуков короля. И, когда мы встречаем обвинения в продажности, они чаще всего выражены в выражениях достаточно неопределенных, так что мы вправе себя спросить, не выражают ли они всеобщую и детскую веру во всемогущество денег; не являются ли они реваншем управляемых, предпочитающих считать и говорить, что чиновники преуспели в деле коррупции. Наконец, если некоторые из этих обвинений и справедливы, не следует забывать, что они касаются отдельных случаев и из них не следовало бы извлекать общее правило.

Так что трудно приписать одним корыстным и денежным мотивам тягу, испытываемую чиновниками к королевской службе. Здесь другое. Один из наиболее известных королевских агентов, Филипп де Бомануар, нарисовал знаменитую картину добродетелей, которые должны быть присущи бальи¹. Справедливо замечали, что сам Бомануар не всегда демонстрировал добродетели, которые он рекомен-

¹ Beaumanoir. Coutumes de Beauvaisis. Vol. I. p. 16-17, §§ 12-22.

довал. Это возможно, но не менее справедливо и то, что у Бомануара при его должности бальи существовала возвышенная и непредвзятая концепция, даже если он сам и был неспособен следовать в действительности идеалу, который проповедовал.

Невозможно объяснить состояние умов этих королевских агентов средой, из которой они главным образом рекрутировались. Мы, естественно, знаем лишь некоторых важных чиновников и констатируем, что это были преимущественно рыцари из мелкой или средней знати, горожан или незначительных клириков. Они не оставляют впечатления людей, лишенных средств, но, не пренебрегая благами этого мира, они вовсе не стремятся компенсировать свою относительную бедность и на королевской службе не ищут исключительно возможностей для обогащения. В конечном счете, прежде чем войти в администрацию, они не знали наслаждения властью. Социальные группы, к которым они принадлежали, являются теми, которые не приказывают или по крайней мере над властью которых всегда стоит высшая власть. Самим им не улучшить эту ситуацию. Для рыцаря больше не существует возможности в своих приключениях стать знатным сеньором; горожанин может стать рыцарем только по милости короля; клирик во Франции с трудом может достичь высокого положения, надеть митру, кардинальский пурпур без благоволения короля. Кроме того, король отныне единственный богатый человек, чтобы иметь возможность раздавать служащим ему фьефы и пенсии. Одним словом, только король может возвысить человека над его исконной средой.

Он это часто делает. Но даже если чины и пенсии не всегда раздаются в желаемом изобилии, для людей этого среднего класса всегда остается непреодолимая притягательность власти. Всякий королевский агент, будь это советник Парламента или Палаты счетов, бальи, сенешал или простой сержант, носящий жезл с лилиями, представляет самое высокое могущество, какое только существует в королевстве, осуществляет в своей сфере власть, высшую по отношению ко всякой другой. И Капетинги стремились к тому, чтобы достоинство их служащих признавалось. Они редко отстраняли их, а когда и делали это, то от-

странение, кажется, не влияло неблагоприятно на карьеру агентов, временно покинутых своим господином. Малейшее оскорбление королевских агентов рассматривалось как сурово наказуемое преступление. И если нельзя рассматривать как обычный штраф в 800 ливров, наложенный на монастырь Сен-Валери, потому что во время визита амьенского балли один монах без дурного намерения положил руку на плечо этого лица, то можно по этой крайней, и надо полагать, исключительной мере судить о том, как французский король понимал уважение к персоне своего чиновника.

В этих условиях ясно, что общественные должности привлекали французов среднего класса, поскольку придавали им достоинство и доставляли богатство вследствие пользования суверенной властью, утверждали почти абсолютное покровительство. Понятно также, что эти агенты делали из власти, так возвысившей их над прочими, настоящий культ и стали первыми последователями этой религии королевства и династии, основным элементом будущей концепции государства.

Эта преданность королевских агентов, эта приверженность короне, конечно, способствовали капетингским нововведениям, о которых мы хотели бы здесь напомнить: установлению окончательной резиденции королевской власти и ее служб в главном городе королевства, выбору Парижа как столицы.

Античный мир знал лишь один пример единой политической столицы — пример Рима, что объяснялось ролью этого города в установлении римского могущества. Но ни одна страна Европы в средние века не знала идеи единственного города как места королевской резиденции, не помещала эту резиденцию в самый большой город королевства и не избирала в качестве столицы город без воистину древних связей с утвердившейся династией. Феодальная концепция королевства противостояла идее столицы.

Феодальный король должен был жить на своих землях и со своих земель. Логически ему приходилось кочевать по своим доменам, рассеянным по королевству, дабы повидаться со своими крупными и мелкими вассалами и

убедиться в их верности, пользуясь прежде всего правом пристанища, позволяющим жить за счет подданных.

Именно так жили первые Капетинги, всегда в пути, пользуясь повсюду пристанищем или в своем «дворце», роскошь которого не надо преувеличивать и который чаще всего был относительно большим домом в городе домена или посреди их земель в деревне.

Начиная с правления Людовика VII пребывание в Париже становится все более частым и король, кажется, действительно становится хозяином города, где во всякое время у него есть дворец. Но вплоть до конца династии просуществует что-то вроде старой традиции королевских скитаний первых столетий. Достаточно просмотреть путешествия суверенов, восстановленные при помощи их актов издателями «Историков Франции»¹, чтобы это уяснить.

Но если суверены еще разъезжают, то службы центрального управления по мере их возникновения остаются в Париже. В конце XIII в. это факт. Париж становится одновременно политической и административной столицей королевства.

Почему избран Париж, мы в сущности не знаем. Приводимые аргументы географического или экономического порядка имеют вес с точки зрения развития парижской агломерации, позднейшей по отношению ко времени, когда капетингские суверены уже сделали выбор. Этот выбор сыграл решающую роль в парижской истории. Возможно, он определялся соображениями, которые могут показаться незначительными. Великий город Иль-де-Франса в самом деле центр замечательного лесного домена. Нигде Капетинги не смогли бы найти подобную лесистую область, чтобы заниматься физическими упражнениями, так пылко ими любимыми, охотой. Размещая в Париже службы королевской администрации, они могли быть уверены, что те всегда быстро свяжутся с сувереном, за исключением

¹ Historiens de France. Vol. XXI. p. 408–499 (период 1226–1328). См. также цитированные раньше собрания актов и грамот Капетингов, в частности, предисловия, которые также содержат информацию о перемещениях королей.

относительно редких случаев, когда месторасположение короля слишком удалено.

Капетингская королевская власть была первой и долго единственной в Европе, центр которой был установлен таким образом. И что еще важнее, этот центр сразу же продемонстрировал очень четкое намерение не уменьшать свое значение. Во времена, нас занимающие, во Франции будет лишь один апелляционный королевский суд — Парижский парламент. Попытка тулузской децентрализации на следующий день после присоединения наследия Альфонса окажется эфемерной. И если в областях политического значения вроде Нормандии продолжают собираться две ежегодные сессии в Руане, или в Шампани, где проходят выездные суды в Труа, то именно советники Парижского парламента, приезжающие туда отправлять правосудие от имени короля, делают эти заседания простым присутствием делегации парламента торжественными. То же самое происходит в финансовой области. Палата счетов является единственным финансовым судом, и она также посылает свой персонал на заседания в Нормандию. Начиная с правления Филиппа-Августа королевские архивы хранятся в Париже; королевская казна находится в Тампле под охраной рыцарей Ордена тамплиеров. Сама канцелярия, которая должна бы сопровождать короля, быстро приобретает привычку заседать близ главных подразделений *Curia*, которым она оказывает услуги в качестве общего секретариата, противясь созданию отдельных канцелярий.

Эта централизация главных органов королевской администрации, их постоянное пребывание в городе, который быстро становится самым большим городом королевства, придает администрации силу и замечательную спаянность. Различные службы могли советоваться прежде, чем действовать, работать в полном согласии, поддерживать одна другую, собираться для совместного действия с помощью средств, которыми они располагали. И эта администрация, целиком обращенная к Парижу и вдохновляемая Парижем, смогла работать над объединением королевства под рукою короля.

Она также не принимала политической концепции суверенов с их идеей единства королевства как единства

целиком феодального, видевшего лишь выгоды в существовании крупных фьефов, владельцы которых скрупулезно исполняли свои обязанности и службы. У королевских агентов, напротив, была иная точка зрения. В их глазах единое королевство представляло территорию, где существовала только одна власть — власть, исполнение которой им доверил король. Все, что ограничивало королевское могущество, казалось этим мистикам королевской власти аномалией, которую следует подавлять. И поведение этих администраторов приблизит день, когда их ряды возрастут за счет коллег, уроженцев приобретенных династией средиземноморских провинций, где царила римская концепция государя, воля которого является законом.

Им хотелось, чтобы король был абсолютным хозяином королевства, чтобы он был источником всякой законности, всякого правосудия, свободным распорядителем всех финансовых и военных ресурсов монархии. Чтобы достичь этого, они начнут использовать средства, которыми до этого не пользовались. Чиновники, впрочем, способные умереть на поле битвы, как Пьер Флот при Куртре, они обретают в праве недостающее им оружие. Они начинают использовать юридические аргументы, порой юридические тонкости. Их пожирает неутолимая жажда знаний — каковы права, противостоящие правам их хозяина, ограничивающие его могущество. Опасное любопытство в обществе, организованном на основе узурпации прав регалии. Враждебно настроенные ко всем средствам, силой устанавливающих право, они пожелают уничтожить судебные поединки, частные войны. В их глазах право может существовать, если оно установлено историей, если можно объяснить его истоки. И в этих исторических изысканиях они будут бесконечно обсуждать предоставленные им акты, часто становясь безжалостными к тем документам, которые им противоречат, и напротив, довольствуясь сомнительными доказательствами для утверждения королевских прав, за которые они ратуют.

Этот образ действий стоил им определенной непопулярности у современников и частых порицаний нынешних историков. Поскольку они оспаривали существующее положение вещей, их считали революционерами, тогда как

в действительности они полагали, что стремятся к возрождению давнего прошлого. Из-за того, что они отрицали использование силы, предпочитая путь права, их обвиняли в отсутствии совестливости, использовании хитроумных средств. Впрочем, приговор, который можно им вынести, неинтересен. Следует учитывать только проделанную работу. И эта работа значительна.

Благодаря им король стал источником всякого правосудия.

Сам принцип высшей королевской юрисдикции никогда серьезно не опротестовывался, чего не сказать о его применении. Надо было дожидаться, пока могущество суверена стало значительным, чтобы вспомнили о его высшей юрисдикции и прибегли к ней. Пришлось также ждать, чтобы это королевское правосудие приняли. Довольно долго, куда капетингский король был в некотором роде заточен в своем патримониальном домене с примитивной администрацией, перед его судом представляли только вассалы этого домена. В исключительных случаях, чтобы досадить кому-либо сюзерену или когда одной из судившихся сторон была епархия или монастырь, надеявшиеся скорее найти правосудие в королевской курии, чем в курии крупного феодала, на землях которого они располагались, суверена просили рассудить некоторые дела, не относящиеся к домену.

Но с территориальным прогрессом монархии ситуация меняется. Увеличивается число непосредственных вассалов короны. Король как прямой сюзерен крупных феодалов, домены которых он присоединил, принимает к своему суду дела, относящиеся прежде к местной юрисдикции. Кроме того, присоединение к королевскому домену частных доменов, когда-то принадлежащих крупным феодалам, повлекло внедрение туда более или менее многочисленных королевских агентов, рассеявшихся постепенно по всему королевству, так что довольно быстро почти не осталось земель, не имевших в непосредственном соседстве королевского агента.

Поскольку существенной функцией короля была функция судебная, все его представители различного уровня ведают правосудием и все без исключения следят за тем,

чтобы королевское правосудие не упустило ни одной возможности для своего проявления.

Бальи и сенешали судят на своих заседаниях в первой инстанции или по апелляциям непосредственных вассалов короны. Но в королевстве существовало — и эта ситуация будет длиться столетия — частное правосудие, независимое от королевского, как результат уступки или узурпации судебной власти суверена. Королевские агенты предпринимают против этой юрисдикции более чем вековую борьбу при помощи различных средств. Иногда, реже, чем полагают, они требовали ознакомления с некоторыми делами, принадлежавшими, как они говорили, компетенции короля, «королевские случаи». И, когда в 1315 г. короля попросили дать определение последней, советники Людовика X ответили, что «королевское величие распространяется на случаи, по праву или древним обычаям принадлежащие ведению суверенного государя и никому другому»¹. Что, надо сказать, оставляло открытой дверь всяческому произволу. Часто исходя из принципа полной компетенции королевского правосудия и считая, что это правосудие находилось как бы в спящем состоянии, когда король его уступал кому-либо, королевские агенты использовали «предупреждение», чтобы подвести эти дела под королевское правосудие; королевский судья овладевал делом прежде судьи частного под предлогом некомпетентности последнего. Требовали также, чтобы королевские суды были осведомлены о всех договорах под королевской печатью. Запрашивали всякое дело, касающееся лиц, учреждений или институтов, находящихся под охраной короля. Таким образом, шла постоянная работа по захвату или отобранию дел королевским судом у судов частных, светских или даже церковных. И работа эта, подрывавшая основы частных судов, совершалась с использованием королевского права апелляции.

Во все времена можно было апеллировать к королевскому суду по поводу решения, вынесенного другим судом, но начиная с XII в. апелляция могла происходить только

¹ Ordonnances. Vol. I. p. 606.

перед судом под председательством самого короля. Отсюда переезды, расходы и опоздания, порой значительные. В тот день, когда у короля повсюду появились бальи и сенешали, представляющие его во всей полноте власти, апелляции отходили к ним, и не было больше необходимости обращаться непосредственно в королевскую курию, ставшую более доступной, позволяющей в то же время в случае необходимости от суда по апелляциям бальи или сенешала обратиться к высшему суду Парламента.

Это повсеместное королевское правосудие, то ли в первой инстанции, то ли по апелляциям сыграло в развитии суверенной власти роль, которую трудно преувеличить. Выносить решения было сложно, и конечно, все королевские судьи отнюдь не были маленькими Соломонами. Но апелляция давала серьезные гарантии против отказа в правосудии, против правонарушений низших судей, королевских или частных, и у Парламента была очень достойная концепция его правовых обязанностей. Так что прогресс королевского правосудия был значителен. Конечно, частные суды не исчезли, но от них можно было апеллировать к королю. И эта функция высшего судьи, постоянно отправляемая при посредничестве Парламента или судов бальяжей и сенешальств, сделала из короля лицо вездесущее в королевстве, с самым пленительным образом в глазах народа, образом правозащитника.

Большая часть этих трудов пришлась на долю королевских агентов. Они нисколько не следовали директивам суверена. Король не усматривал никакого противоречия в существовании сеньориальных судов, правда, в том, что касается судов церковных, он больше симпатизировал деятельности своих агентов. Мы часто видим, как по вопросам правосудия он выражает несогласие со своими агентами, возобновляет привилегии, которые последние пытаются уничтожить. Но он оказался не в состоянии удержать этих чересчур преданных слуг. Поэтому его часто обвиняли в злонамеренности, возлагали ответственность за безрезультатные протесты. Это совершенно несправедливо. Капетингская королевская власть испытала судьбу всех политических режимов. Она могла давать только директивы; последним следовали в той мере, в какой они отвечали

представлениям агентов, призванных их воплощать. И поскольку эти агенты мыслили по этому поводу по-разному, королевские циркуляры об уважении частных судов в королевских архивах представляли собой килы бумаг, оставшихся мертворожденными документами.

Королевские агенты также желали, чтобы король стал источником всякого законодательства, и, кажется, здесь их взаимопонимание с сувереном было полным.

Ограниченное вначале одним доменом короны, установленное по общему соглашению короля с баронами и преводами, королевское законодательство постепенно распространилось на все части королевства и все больше и больше осуществлялось сувереном с учетом мнения лишь самых высших чиновников, окружавших его. Впрочем, это законодательство касалось только публичного права. Частное право оставалось закрепленным обычаями, на которые королевская власть долго не могла воздействовать.

В том, что касается публичного права, феодальный обычай предоставлял королю власть, как говорит Бомануэ, создавать «такие установления, какие ему угодно для общественного блага»¹. Впрочем, король не пользовался этой властью до правления Филиппа-Августа. Но когда его суверенитет утвердился и распространился по всему королевству, мы видим, как государь в XIII в. все больше и больше умножает число этих «установлений» и «ордоннансов» и старается, чтобы они повсюду исполнялись. Это происходило не без трудностей. Ибо если допускался принцип королевского законодательства, то также и провозглашалось, что «каждый барон является сувереном в своей баронии» и сей баронский суверенитет противостоял или стремился противостоять королевскому суверенитету в области законодательства. Трудности можно было преодолеть и на деле их преодолели, оставив королю его власть законодателя, но заставив ее осуществлять с помощью его суверенных баронов. Таким образом, «установления», составленные в целом для королевства, должны были утверждаться без сопротивления баронов. Кроме того, подобный

¹ Beaumanoir. Coutumes de Beauvaisis. Vol. II. p. 24, § 1043.

образ действий возвращал к привычкам людей того времени, для которых сеньор не мог действовать без «совета» своих вассалов.

Но для короля оказалось невозможным быстро собрать, чтобы посоветоваться, крупных вассалов короны и собрать их всех. Так что решили советоваться только с теми, которые могли быстро оказаться подле короля. В этих условиях оказалось невозможным требовать действия «установлений», осуществляемых также на землях баронов. Было бы их просить соизволить утвердить проведение их в жизнь. Не раз приходилось взывать скорее к доброй воле вассалов, чем к их повиновению.

Очень рано король дал понять, что его просьбу следует принять и он плохо воспримет всякий отказ. В 1223 г. в ордоннансе, касающемся евреев, король заявляет¹, что данное установление действительно не только для «присягавших», то есть принявших его, но также и для тех, кто не «присягал». В 1230 г. ордоннанс по тому же поводу² содержит следующую статью: «И ежели некоторые из наших баронов не пожелают принять это установление, мы пойдем против них наперекор, в чем другие наши бароны со всей своей властью и доброй волей нам помогут».

Привычка упоминать это соглашение знати королевства сохранялась долго, но оно свелось к простой формальности, поскольку королевский совет, как считалось, представляет власть. В действительности со времени правления Людовика Святого и особенно по возвращению этого государя из его первого крестового похода он оставляет за собой составление законов с учетом мнения своего совета, тем более что его домен расширился, а могущество возросло. Когда с восшествием на престол Филиппа Красивого и фактическим присоединением Шампани к домену во Франции больше не осталось крупных фьефов, кроме Бретани, Бургундии, Фландрии (находившейся в руках короля в течение определенного времени его правления) и Аквитании (также захваченной в два приема и изрядно урезанной при

¹ Ordonnances. Vol. I. p. 48.

² Éd. A. Teulet. Layettes du Trésor des Chartes. Vol. II. p. 16, n° 1615.

Карле IV), король сделал следующий шаг и, творя законы, принялся говорить о праве законотворчества в силу своего положения, о намерении издавать «установления» так долго, как ему будет угодно.

Но на практике уважали видимость. Крупных феодалов просили исполнять королевские ордоннансы на своих землях. Это могли делать, не опасаясь отказа. По этому поводу, как и по другим, самые крупные феодалы Бретани, и Бургундии полностью повиновались королю.

Впрочем, к исполнению королевских ордоннансов приложили руку агенты короля. Всякое нарушение их рассматривалось агентами как посягательство на права короля, приводя в движение королевское правосудие. И поскольку в целом это королевское законотворчество часто было прогрессивным, оно проходило без трудностей. Помимо баронского движения 1314–1315 гг. протесты против королевского правосудия в хартиях баронов многочисленны, но нет ничего против права короля издавать законы для всего королевства.

Должна ли была эта законодательная власть распространяться на область финансов? Таковым было мнение людей короля, логичных умов. Но они не осмелились или не смогли заставить принять идею, согласно которой только суверен, один судящий о нуждах монархии, мог требовать от всех необходимых обложений. Старая идея, известная и применяемая в Римской империи, была неизвестна капетинским средним векам. Сами короли сомневались в своем праве в плане финансов. И конечно, это не просто общие места выражения сожалений по поводу взимания субсидий с населения, вкладываемые в их уста их биографами.

Тем не менее, надо было изыскивать новые ресурсы, необходимые для нужд растущего королевства. Ибо доход собственно домена очень скоро оказалось недостаточно. Они могли позволить королю, как говорила поговорка «жить своим»; но они не позволяли ему править. Займы во времена, когда капитализм едва зарождался, не могли предоставить нужных средств, а их уплата представляла большое неудобство. Использование монеты поначалу давало доходы суверену, чеканившему ее, но операции всегда

приводили к потерям для казны, когда в нее возвращалась обесцененная монета. Все прочие меры, используемые династией во второй половине XIII и начале XIV вв. были лишь полумерами. Последним Капетингам всегда не хватало денег.

В этом главном вопросе королевская администрация потерпела неудачу. Королевский налог не был введен во Франции ранее конца династии. Но, однако же, Капетинги подготовили его введение, открыв путь своим преемникам.

Защита королевства оказалась средством, позволявшим им время от времени получать от своего народа деньги в достаточном количестве. Именно использование старой военной службы, феодального ополчения подготовит во Франции рождение налога.

Но прежде надо было распространить службу в ополчении на все королевство. Этому способствовали территориальные успехи короны. Настал день, когда король заменил герцога Нормандского, графа Тулузского, графа Шампанского и Бри в областях, некогда принадлежавших этим великим вассалам, уже не посылавшим в королевское войско лишь малую часть своих рыцарей, выступающих под знаменем их непосредственного сеньора. В этом заключалась вся военная сила провинций, которая должна была прийти и стать под королевское знамя, как она некогда становилась под знамя герцога или графа, когда великому фьефу грозила опасность. И то же самое касалось мелких фьефов.

Но это воссоединение военных сил, возможное для небольшой области, становилось невозможным, когда речь заходила о таком королевстве, как капетингское на вершине своего могущества, и, более того, нежелательно. Как собрать такую массу людей, организовать командование ими, обеспечить продовольствием? Не считая различных разногласий, которые могли возникнуть в подобном войске, привилегий, привычек, многочисленных и противоречивых обязанностей. Тогда следовало ли возвращаться к старой каролингской системе, созывая людей лишь из областей, которые под угрозой? Эта система была приемлема во времена норманнских нашествий. Кроме того, было бы неудобно для короны содержать значительные силы, пере-

лагая всегда бремя военной службы на одни и те же области королевства. Наконец, созыв всех военных сил королевства создавал сутолоку, невозможность их дисциплинировать. Для короля представляло интерес существование менее многочисленных отрядов, но отрядов серьезного военного значения, набираемых за счет податного населения и оплачиваемых посредством денежного довольствия.

Капетинги давно думали об этом. Знаменитый документ «Оценка сержантов» от 1194 г., доказательство тому. Он дает нам список коммун и аббатств домена с числом сержантов и телег, которые они должны поставить в королевское войско. Но уже для наиболее значительных коммун мы находим вместо числа пеших воинов или телег указание на денежную сумму на плату людям или оценку телег. В счетах за 1202–1203 гг. документ приведен почти полностью, но указаны лишь денежные суммы, составляющие солидный итог в 26435 парижских ливров².

Этот образ действий, касающийся простолюдинов, был распространен Людовиком Святым на весь унаследованный им домен, а позднее, когда к короне было присоединено наследство Альфонса де Пуатье, за отсутствием старых актов, фиксирующих количество сержантов и телег, которые должны были поставлять городские коммуны, за основу взяли население и его имущество. Так, в 1272 г. появляется первый акт, устанавливающий произвольный налог для королевской и сеньориальной службы, установленный в условиях, определенных договорами или традицией.

Остается уяснить этот образ действий, принцип выкупа благородной службы по всему королевству, а не только одним доменом. Кажется, заслуга здесь принадлежит Филиппу Красивому, хотя это и не было целиком нововведением.

Уже довольно рано, в XIII в. допускалось, чтобы благородный вассал призванный на службу в ополчение, если желал, откупиться от этой службы. Но речь не шла

¹ Издан в кн.: *Historiens de France*. Vol. XXIII. p. 722–723.

² F. Lot et R. Fawtier. *Le premier budget de la monarchie*. p. 19.

об установленной общей таксе, которую вассалы имели бы право внести, чтобы освободиться от военной службы.

Следующий шаг был сделан, когда король Филипп III Смелый, созвав королевское ополчение, дабы наказать восставшего графа де Фуа, увидел в 1272 г., что многочисленные сеньоры отказались стать под его знамя. Ордоннанс 1274 г. установил настоящий тариф на выкуп этой службы, тариф, подразумевающий штраф за отсутствие и добавляющий к нему приблизительную сумму, которую должен был бы потратить призванный вассал, если бы он прибыл в войско¹. Но все же для вассала оставался свободный выбор между реальной службой и выкупом.

Филипп Красивый пошел еще дальше, впрочем, не без осторожности. Ввиду английской войны он поднял общую сумму на сто процентов в 1294 г., на пятьдесят в 1295, 1299, 1301 гг. Но эти таксы ударили только по незнатым. Их новшество заключалось в том, что под ударом оказались все простолюдины королевства. И только из-за трудностей, связанных с войной во Фландрии, королевская власть распространила на знать, причем знать всего королевства, систему субсидий в свою пользу.

В мае 1302 г. был объявлен арьер-бан, то есть сбор всех мужчин королевства. Все мужчины, способные носить оружие, должны были прибыть в Аррас в установленное время. Но знать, достигшая возраста службы и обладающая 50 ливрами дохода, могла откупиться, уплатив половину этого дохода. Такса была на четверть снижена для женщин, детей или инвалидов, держащих фьеф. Кроме того, сборщикам посоветовали не поднимать эти таксы на землях барона без его согласия.

17 октября 1303 г. ордоннанс² «Об освобождении и совете» некоторого числа баронов постановил, что знать и церковники без исключения должны поставить королю «хорошо вооруженного рыцаря, на коне стоимостью 50 турецких ливров, в доспехах и кольчуге», исходя из 500 ливров земельной ренты. Простолюдины обязаны предо-

¹ Ordonnances. Vol. XI. p. 351.

² Ordonnances. Vol. I. p. 383-385.

ставить шесть сержантов с сотни дворов. Все эти части прослужили бы четыре месяца.

Заметим мимоходом, что эта субсидия основывалась не на фьефе, но на доходах знати. Однако она включала действительную службу. И на этом не остановились. Ввиду жалоб, вызванных ею, ее преобразовали в настоящий денежный побор, когда знать и церковники выкупали своего воина за сумму в 50 ливров, исходя из 500 ливров ренты; то же самое было разрешено коммуна.

Этот побор не возобновлялся при жизни Филиппа Красивого, поскольку общая субсидия, предназначенная в 1313 г. на фландрскую войну, была приостановлена, когда, по словам Жоффруа де Неса, фламандцы снова пообещали выполнять условия мира в Атисе, и новая субсидия, выраженная в туманных терминах на аналогичной основе в 1314 г., также была отменена перед лицом всеобщего недовольства.

Мы еще плохо знаем субсидии, взимавшиеся в 1315, 1318, 1319 и 1324 гг., чтобы уяснить, на какой основе они были приняты. Мы допускаем, что они в несколько смягченной форме напоминали субсидии при Филиппе Красивом. Впрочем, детали не важны. Важно то, что король получает деньги от всего королевства, а знать обложена так же, как церковники и простолюдины.

Ибо король также получал деньги от церкви, то ли в форме десятины, предоставляемой Святым престолом, то ли в форме субсидий от провинциальных ассамблей духовенства. Известно, что булла «И о положении» (*Etsi de statu*) от 31 июля 1297 г. признавала за французским королем право, в случае необходимости, о чем мог судить лишь он сам, требовать от духовенства помощи на защиту королевства, не испрашивая согласия Святого престола.

Все это делалось без провозглашения новых принципов, с бесконечной осторожностью и любопытными рекомендациями, чтобы не вызывать недовольство населения, призываемого к обложению. И вот таким образом, не произнеси слова «налог», объявляя только военную службу, предусмотренную феодальным обычаем, французский король обретал в случае необходимости финансовую поддержку всего королевства.

Все эти существенные результаты являются плодом труда королевских агентов. Имея возможность проникать повсюду, беспрестанно заставляя развиваться королевскую юрисдикцию, неумолимо требуя службы королю и превращая личную службу в службу финансовую, они, не заявляя о том, сделали из французского короля источник всякого публичного права и правосудия, главу всех военных сил королевства, суверена, способного потребовать от всех финансовой помощи.

Но когда угасла первая капетингская династия, от всего этого остался лишь набросок. Принципы не были провозглашены. Потребовались переговоры и осторожность, чтобы права суверена действовали, когда это было необходимо. Административная машина еще слишком несовершенна. Чтобы действовать эффективно, ей надо было пережить времена слабости королевской власти, когда ее права были скорее теоретическими, нежели реальными.

Тем не менее, в течение трех столетий наблюдается значительный прогресс, и даже столь значительный, что заслугу его нельзя приписать одним королям и королевским агентам; чтобы его объяснить, следует рассмотреть эволюцию французского общества с XI по XIV вв.

g. l' s. mattheu
b. l' s. saint patris
c. l' s. panchum
d. l' s. saint signe
e. l' s. saint mathieu
f. l' s. saint monce
g. l' s. saint tede
h. l' s. h. h. h. h.
i. l' s. saint tamin
j. l' s. s. g. p. n. e.
k. l' s. saint colme
l. l' s. saint p. e. s. m. e.
m. l' s. saint michel
n. l' s. j. a. c. o. m. e.

Основа монархическая, территориальная, административная — над всем этим Капетинги поработали успешно, закладывая базис, необходимый для создания нации. В целом они этого достигли, не прибегая к силе. Но, чтобы их труды принесли плоды, следовало к этим основам привязать население, заставить его признать их. И если это произошло без чрезмерных трудностей, если действия короны не встретили серьезного сопротивления, то потому, что труды династии и ее агентов происходили неспешно, с восхитительным терпением, а особенно потому, что они шли параллельно глубоким изменениям в обществе, к которым Капетинги не имели никакого отношения и которые постепенно высвобождали различные социальные группы от рамок, в которые их заключал феодальный мир, чтобы поместить их в новые рамки, приготовленные династией.

В тот момент, когда новая династия пришла к власти и в течение века, прошедшего от избрания Капетингов, феодальный режим во Франции находится в своем апогее. Королевство — не более чем мозаика фьефов, практически независимых или путем силы начинающих формироваться некоторыми великими авантюристами, ведущими происхождение от каролингских служащих и более или менее руководствующимися географическим положением. Кажется, Франция ориентируется на образование феодальных княжеств, а не на возрождение единого королевства в руках могущественного суверена. С точки зрения социаль-

ной, класс владельцев фьефов, благородный класс целиком преобладает, и мир клириков, богатых землями, полученными в дар, глубоко проникнут этой мирской феодальностью, мало отличаясь от благородного класса. Простое население, городское или сельское, впрочем, мало известное, не играет никакой политической роли, будучи сильно привязанным к земле, на которой и с которой они живут. Никакой индустрии, торговля почти полностью местная, экономика целиком сельскохозяйственная, жизнь, горизонты которой делаются все более и более узкими, заставляет людей оставаться на своем месте.

Однако Франция находилась накануне настоящего демографического подъема. Хотя мы мало осведомлены об этом вопросе, позволительно допустить, что население королевства претерпело в течение XI в. значительное увеличение. Причины этого возрастания остаются неясными, но оно представляется бесспорным и начинает создавать для благородного класса особенно трудную проблему — проблему устройства детей.

В эту эпоху и даже ранее знать не трудится. Знатный человек — прежде всего воин, живущий на своей сельской патримонии, и это во времена, когда война малосмертоносна, а методы эксплуатации почвы очень примитивны. Число свободных фьефов ограничено, а их доходы не способны значительно возрастать. Их владельцу едва хватает на жизнь. Дробление фьефов обрекает на нужду их владельца. Так что следовало найти возможности для устройства молодых сыновей из благородного класса, которых отцовская земля не могла ни прокормить, ни улучшить их положение.

Мы видим, как в течение XI в. эта знать приходит в движение, отыскивая новые земли, и чем дальше мы движемся в глубь столетия, тем больше это движение возрастает. Норманны дают пример завоеванием Сицилии. Экспедиция Гийома Незаконнорожденного, приведшая в 1066 г. к завоеванию Англии, насчитывает в своих рядах не только нормандских авантюристов. Начиная с 1064 г. экспедиции в Испанию привлекают на Иберийский полуостров рыцарей из всех областей Франции, особенно рыцарей Юга по причине его соседства, и Бургундии под

влиянием Ключи¹. Все это предвосхищает крестоносное движение на Восток.

В конце XI в., в течение всего XII в. и доброй части XIII в. крестовые походы в Святую землю увлекают за пределы королевства массу французской знати. Основное событие в истории нашей страны, воздействие которого трудно преувеличить и тем не менее очень малознученное. Ибо если у нас есть превосходные работы по самой истории экспедиций и их политическим результатам для истории Франции, то не существует хорошей книги о том, что с точки зрения истории нашей страны, возможно, является, существенным — последствия крестовых походов для политической и социальной эволюции королевства.

Следовало бы установить, по мере возможности, число французов, отъехавших на Восток, число тех, кто там остался, число погибших в экспедициях. Полагали — несомненно, с некоторым преувеличением — потери в 600 000 человек во время первого крестового похода между Никеей и Иерусалимом. Надо было бы изучить также, исследуя точные случаи и не довольствуясь общими формулами, последствия этих мероприятий для состояния знати, определить, в каком ритме они трансформировали характер последней, делая из владельца-пользователя «земельного рантье». Наконец, надо было бы изучить влияние крестовых походов на феодальные фамилии, определить, в какой степени оружие сарацин и восточный климат вызвали их угасание. Была ли знать XI в. той же, что и в XIII в.? И если не была, как можно подумать, то каково было происхождение новой знати?

Историю генеалогии часто мало уважают, оставляя в неопытных руках. Работы по ней рассеяны, трудны для поиска и часто посредственны. Предпринимались плодотворные лингвистические, ономастические, экономические исследования, но никто, кажется, серьезно не задумался о широком исследовании людей, их семей, связей, изменений в их собственности. История французских родов, феодальная география Франции являются самой насущной

¹ Ключинское аббатство, возникшее в 910 г. в Верхней Бургундии и прославившееся строгим бенедиктинским уставом, обладало большой духовной и политической властью в средневековой Европе. (Прим. ред.)

необходимостью для нашего исторического знания. И следует опасаться, как бы их изучение не было отложено до того дня, когда выполнение этой работы станет невозможным.

Французская знать массово отправилась в крестовый поход. Это бесспорный факт. Она поехала туда за своим счет. Она не была богата. Мы плохо знаем, как снабжали христианские войска, но вправе думать, что по прибытии в мусульманскую страну они существовали за счет жителей. Но туда надо было еще добраться. Двигаясь то ли по суше, как поступила одна из колонн первой экспедиции и крестового похода Людовика VII, то ли используя итальянский или провансальский флот, как поступали в XII и XIII вв., надо было кормиться в течение долгих месяцев, прежде чем прибыть на земли, где грабеж был дозволен. Следовало оплатить перевозку людей и лошадей, заменить умерших или доведенных до изнеможения лошадей, дополнить или обновить экипировку. Все это предполагало значительные расходы, а доходы средней части крестоносцев, даже увеличенные феодальной помощью, взимание которой со своих людей допускалось по этому случаю, не позволяли им уложиться.

Так что им приходилось занимать деньги или продавать земли. Эти продажи совершались не только в пользу горожан и прочих простолюдинов. Случалось, что государи, не отправлявшиеся в крестовый поход, покупали фьефы тех, кто хотел туда ехать. Нам известна продажа Эдом Арпенем Филиппу I города Буржа и его окрестностей. Но очевидно, что мелкие продажи были бесконечно более многочисленными.

Этот отток знати на Восток, конечно, способствовал уменьшению внутреннего беспорядка, удаляя из королевства наиболее беспокойные элементы. Мы констатируем, что он сочетался с возникновением и организацией крупных феодальных княжеств, с военными операциями, предпринятыми Капетингами в своем домене. Именно на Востоке закончил свою карьеру самый неугомонный сеньор домена Гуго де Пюизе.

Довольно долго указывали на экономические результаты крестовых походов: открытие Средиземноморья для западной торговли и ее развитие, начавшееся в Италии и захватившее всю Западную Европу, обогащение городского

населения, возрождение буржуазии и т. д. Но что, возможно, не всегда подчеркивали, так это то, что крестовое движение растянулось на два столетия, и в течение этих двух столетий именно французская знать понесла самые большие издержки в этих экспедициях — в людях, деньгами и имуществом.

Естественно, этими экспедициями воспользовались те, кто прямо не принимал в них участия. Во главе последних и были Капетинги.

Только трое из них, Людовик VII, Филипп-Август и Людовик Святой лично участвовали в крестовом походе. Правда, пребывание второго на Востоке было довольно кратким. Но в общем, если они как добрые христиане, и желали сражаться с исламом, то им казалось, что обязанности их королевского сана не оставляют им на это времени. Тогда как знать королевства беднела и позволяла убивать себя на Востоке, Капетинги начали и продолжали работу по давлению на благородные фьефы, которая однажды сделает их такими могущественными. История этой экспансии, естественно, находится между двумя крайними датами экспедиций. В 1099 г. крестоносцы взяли Иерусалим. Первое же победоносное наступление будущего Людовика VI Толстого против феодалов домена датируется 1100 г. Последний крестовый поход заканчивается под стенами Туниса в 1270 г., а 22 августа 1271 г. по возвращении из этого похода Альфонс де Пуатье и его жена умирают в Савоне без наследников, что влечет присоединение к короне всего лангедокского Юга.

Но это была не единственная выгода, извлеченная Капетингами из крестового похода. Впоследствии он сплотил знать королевства для службы им. Ибо пребывание на Востоке части этой знати, развитие торговых отношений между Западом и Востоком влекли изменение образа жизни этого класса. Вместо грубого барона XI в. и зачастую похожей на него в этом жены появился достойный муж и дама, оба с более изысканными вкусами, развитым умом, потребностью в роскоши и даже светской жизни. Конечно, не следует ни преувеличивать, ни обобщать, но несомненно, что благородный мир, для которого писал Кретьен де Труа, находивший удовольствие в рассказах о любовных похож-

дениях Ланселота, уже не тот, кто слушал грубые и героические строки «Песни о Роланде»¹.

Кроме того, обогащение класса бюргеров, его растущее богатство, вызывает у знати чувство зависти, желание не оказаться ниже их по виду и образу жизни; чувство, позднее эхо которого мы находим в сетованиях королевы Жанны Наваррской, жены Филиппа Красивого при виде богатых одеяний фландрских горожанок во время ее въезда в город. Знать, желая покрасоваться, разоряется, и постепенно эта игра, становящаяся все более трудной для доходов, остающихся неизменными, заканчивается закладыванием земель и еще большим уменьшением доходов.

Историю этого разорения еще предстоит написать, известен только результат. С середины XIII в. у большей части благородного сословия исчезает территориальная патримония, что еще больше сокращает наследственные разделы. Часто на жизнь ему остается лишь ценз² или ренты, размер которых уменьшают колебания курса монеты вследствие возрастания денежного обращения и роста стоимости жизни.

Эта обедневшая знать старается обрести в своем происхождении отличие, превосходство, частично утраченное вследствие экономических трансформаций. Она больше не признает за своих тех, отец которых не был рыцарем. Она превращается в касту. Опасное нововведение, ибо закрывая доступ к аноблированию, она мешает своему обновлению. Впоследствии это часто приводило к физическому вырождению как результату брака между родственниками.

У этой обедневшей знати, частично привязанной к земле, изолированной от прочих классов нации, остается только один ресурс — служба королю. С середины XIII в. все больше и больше французская знать обретает на к

¹ «Песнь о Роланде» — одна из наиболее популярных во Франции героических поэм, созданная ок. 1100 г.; Кретьен де Труа (ок. 1140 — после 1190) — известный французский поэт, автор нескольких романов в стихах, в том числе «Ланселот или Рыцарь телеги» (ок. 1178). (Прим. ред.)

² От лат. *census* — перепись, подсчет. В средневековой Европе — денежная или натуральная рента, выплачиваемая ежегодно сеньору крестьянами — цензитариями, т. е. наследственными земельными держателями (Прим. ред.)

ролевской службе средства для жизни, порой даже обогащается, осуществляя делегированную ей власть, которой вследствие материального положения и трансформации других общественных классов она сама больше не обладает.

Со знатью, перешедшей на их службу, Капетинги обращаются бережно. Важно то, что они не дают ей почувствовать свою победу. Французский король видит себя королем дворян, первым среди равных. Существующая феодальная концепция государства при том, что она включает вмешательство в семейную жизнь вассала, способствует развитию чувства, что вся знать королевства, спаянная столькими связями, является одной большой семьей, рожденным главой и покровителем которой является король. Кажется, еще не изобрели барьеры, отгораживающие суверена от знати или его народа¹. Благородные имеют свободный доступ к королю. В королевском отеле этикет не играет большой роли, и суверен никогда не упускает случая приобщить к жизни и управлению королевством представителей знати. Также никогда Капетинги не становятся противниками или врагами благородных. Напротив, они принимают меры, покровительствующие их сословию. Парламент, согласуясь с общими чувствами, трудится над тем, чтобы запретить кому-нибудь, кроме короля, посвящать в рыцарство простолюдина. Также, посредством мер, принятых, чтобы сделать более затруднительным приобретение благородных фьефов неблагородными, при отсутствии твердого решения по деликатному вопросу аноблирования путем приобретения благородной земли, королевская власть стремится сохранить благородные привилегии только за потомками тех, кто ими уже обладает.

Наконец, делая из своего дворца центр светской жизни, Капетинги притягивают к себе знать. Начало придворной жизни известно мало. Следует ли ее отнести к правлению Филиппа-Августа или надо полагать, что она началась с прибытием юной Марии Брабантской ко двору Филиппа III Смелого, решить трудно. Можно только сказать, что, начиная с этого последнего правления, отмечают существо-

¹ Имеются в виду барьеры, устанавливаемые во время королевской трапезы и разделяющие стол короля со столами приглашенных придворных. Введены в 1585 г. Генрихом III. (Прим. ред.)

вание вокруг королевской четы кружка сеньоров и дам, ведущих жизнь, в которой удовольствия занимают большое место. Событие, на первый взгляд кажущееся не слишком интересным, но которому мы бы придали определенное значение. Оно в самом деле делает из королевского двора постоянный центр развлечений для знати, оно завершает процесс, в соответствии с которым феодалы, рожденные в отдалении от королевской власти, приближались, группируясь подле суверена, к удовольствиям жизни, поглощаясь торжествующей королевской властью.

* * *

При дворе последних Капетингов знать встречается кое-кого из представителей крупной парижской буржуазии, ставшей по некоторым признакам столь похожей на нее, как можно судить по любопытной поэме Пьера Жантёна «Состязание парижских дам»¹. Ибо буржуазия также спланируется вокруг короля.

Успехи этого класса также частично являются следствием крестовых движений. Экспедиции, заново открывшие западному мореплаванию средиземноморские пути, определили возрождение крупной торговли и европейской экономики. Относительный мир как результат оттока на Восток наиболее беспокойных элементов знати позволил горожанам, коими являются буржуа, более свободно трудиться и торговать внутри королевства. Они создают состояния нового типа, существенным элементом которых больше не является земля, возможно, не такие устойчивые, но более легкие для манипулирования и способные быстро возрастать.

Как только им начинает улыбаться судьба, городские купцы и ремесленники, не желают дальше терпеть зависимость, в которую они поставлены феодальной организацией. Слишком слабые, чтобы действовать поодиночке, они обретают в союзе «*conjuratio*», (объединение скрепленное

¹ Éd. Mario Pelaez, dans Studi romanzi. Vol. XIV, 1917. p. 5-67. См. также ремарку Ш.-В. Ланглюа в кн.: Histoire littéraire de la France. Vol. XXXV. p. 284-301.

общей клятвой), средство, позволяющее им объединяться, как тогда говорили, в «коммуны», включаясь в свою очередь в иерархию феодальных сеньоров и становясь единством, способным потребовать силой, а чаще всего приобрести с помощью денег статус и уважение своих прав и обязанностей.

Возникновение коммун, развитие городских коммунальных общин было выгодно для монархии. Впрочем, отношение Капетингов к этим новым силам было не таким, какое им приписывает легендарная традиция. Их часто представляли милостиво настроенными по отношению к коммунальному движению, а некоторые историки называли Людовика VI отцом коммун. Теперь мы знаем, что все было не так. Капетинги, смотря по обстоятельствам, поддерживали и сражались с коммунами. Здесь они действовали, как и в других случаях, без точного плана, без ясных видов на будущее, позволяя себе руководствоваться сиюминутными или местными интересами короны. В целом, будучи направленными против власти, державшей землю, знати, а еще и церкви, коммуны создавали в доменах последних настоящие сеньории, часто богатые и могущественные и зачастую пребывающие в конфликте с крупным светским или церковным феодалом, согласившимся на их создание, что ослабляло его власть, уменьшая таким образом возможность сопротивления королевским действиям.

Кроме того, образование коммун предоставило королю новый случай воспользоваться своими правами сюзеренитета и суверенитета, подводя его по просьбе старых или только что созданных коммун к освобождению их от соблюдения хартии, полученной от сеньора. Операция вдвойне плодотворная, поскольку утверждение влекло уплату денежной суммы, всегда необходимой для нуждающегося суверена, а еще потому, что это утверждение, возможно, узаконивало вмешательство короля, становящегося в силу этого покровителем коммуны и гарантом предоставленных им прав.

Наконец, во времена, когда королевская власть обладала лишь посредственными силами, коммуны представляли ценную военную помощь. Ибо в коммуне существует городская милиция, возможно, невысоких достоинств, но легенда повествует о роли, которую сыграли коммунальные сержанты при Бувине, хотя и за исключительно хорошо удерживаемыми укреплениями. В 1188 г. защита Манта ком-

мунальной милицией спасла Париж. Также всегда отмечали, что основанные или утвержденные Филиппом-Августом коммуны сосредоточивались в пограничных областях домена: Вексене, Пикардии, Суассонне, Лаонне.

И Капетинги, кажется, поняли, что в глазах коммун или городов, лишенных привилегий, они олицетворяли силу. И если они и не увеличивают число коммунальных хартий в своем патримониальном домене, то напротив, уважают и утверждают коммуны, находящиеся на постепенно присоединяемых ими территориях. И это уважение коммунальных институтов снискало им некоторую признательность со стороны горожан, вплоть до зарождения идеи, что король по определению является покровителем и сеньором всех городов королевства.

Хотя французские коммуны никогда не представляли силу, сопоставимую с итальянскими или фламандскими коммунами, их развитие под относительно реальной защитой короны могло привести к опасным результатам для трудов по унификации королевства, более или менее бессознательно выполняемой Капетингами. В целом оно вело к созданию новых сеньорий, которые, будучи коллективными, не переставали быть сеньориями. Следовало опасаться, как бы они не объединились в лиги, во главе которых стала бы одна из них. Коммуна изначально не содержала ничего антифеодалного, более того, она внедрялась в политическую систему феодализма, возможно, даже и усиливая ее. Это было очевидно. Однако во Франции, где города никогда не достигли значительных размеров, этого не произошло. Кроме того, королевская власть, набрав силу в XIII в., начала трудиться над подрывом коммунальных институтов. Но в коммунах развился местный, партикуляристский дух. Бюргеры, члены коммуны, привязанные к ней и к городу, которому они помогали управлять, обязанные в силу самого своего положения горожан владеть там домом и пребывать в нем какое-то время, могли воспроизводить, возможно, на более низком уровне, менталитет, сопоставимый с менталитетом мелких владельцев замков XI в., по крайней мере, в том, что касается королевства в целом. Возможно, и не осознавая эту опасность, Капетинги тем не менее успешно трудились над ослаблением муниципального духа и изоляции жителей своих городов.

Не имея возможности установить процентное соотношение между двумя элементами, мы знаем, что коммуна включала не всех жителей. Известно, что в коммунах существовали группы, часто враждебные по отношению и к буржуазии и к коммунам. Первые богаты или принадлежат к семьям, известным своим богатством, в которых передаются по наследству муниципальные должности. Ибо в коммуне нет никакой демократии. Это коллективная сенhoria, эксплуатируемая малым числом семей. Естественно, жители, не участвующие в этой эксплуатации и не составляющие часть буржуазной олигархии, обвиняют последнюю, часто не без оснований, в сохранении для себя всех выгод, в сосредоточении в своих руках всех должностей, в растрате коммунальных финансов. Еще мы видим, как в XIII в. партии сражаются друг с другом, и известно замечание Бомануара, заявлявшего, что наблюдал, как «много споров было в добрых городах, одних против других, то есть между бедными и богатыми или самими богатыми между собой»¹.

Чтобы восстановить порядок, королю, власть которого возросла, приходилось вмешиваться, и чаще всего он делает это в пользу городской олигархии, поддерживая ее против противников. Но это вмешательство, спровоцированное или нет, передает города и буржуазию в руки короля. Как отказать в финансовой помощи суверену, в котором нуждались для поддержки в пользовании муниципальными должностями? И Капетинги воспользовались ситуацией. Последние суверены династии упразднили помощь и налог с городской буржуазии и потребовали для королевской администрации управления их финансами, а порой и всеми муниципальными делами.

В конце XIII в. коммунальная жизнь на грани исчезновения. Буржуазия уже не рассчитывает удовлетворять свои аппетиты к власти посредством муниципальных должностей, ограниченных или упраздненных. Королевская служба представляется более прибыльной и почетной. Буржуазия отдаляется от города, чтобы примкнуть к королю, тем более что она начинает утрачивать свой местный, партикуляристский характер, когда она еще представляла собой

¹ Beaumanoir. Coutumes de Beauvaisis. Vol. II. p. 267. § 1520.

группу бюргеров того или иного города, становясь буржуазией короля.

Первоначально бюргер был городским жителем, пользующийся в этом городе относительной свободой, но остававшийся зависимым от сеньора этого города. Но однажды его поведение становится поведением чужака. У него не было больше покровителей, и его безопасность зависела от доброй воли, причем оплачиваемой, сеньора, на землях которого располагался город. Трудности безопасности передвижения не мешали бюргерам XII в. путешествовать, но делали эти путешествия более сложными и дорогостоящими. Кроме того, они еще больше привязывали буржуазию к своему городу и сеньору.

Но в течение XIII в. и, вероятно, ранее текстов, дающих нам сведения об этом, мы видим, как буржуа не из королевского домена приезжают, чтобы стать бюргерами короля в королевском городе или превотстве. Это признание их королевскими горожанами и запись, которую оно влекло, вовсе не обязывало буржуазию жить в королевском городе или предместье, к которому она приписана. В конечном счете, куда бы она ни отправлялась, она находилась под покровительством короля, всегда готового, как мы видели, заставить уважать права их хозяина, касаясь людей и вещей.

Отныне король, их покровитель, становится для этих буржуа более главным, чем город. Кроме того, они стали первым элементом феодального общества, разорвавшим чисто местные связи. Ибо с расширением королевского домена, с приумножением «новоприбывших», приумножением, которое доказывает частота ордоннансов, пытающихся их ограничить, число королевских горожан существенно возрастает, и под конец движение привлекает к королю весь класс буржуазии.

Прибывающей к ним буржуазии Капетинги оказывают хороший прием. Будучи прежде всего королем знати, французский король также является и королем буржуазии и своих добрых городов. Он охотно дает им советы, допускает к своей особе, открывает широкий доступ к публичным должностям. Скоро даже мы увидим, что их посвящают в благородное сословие вместе с рыцарским достоинством. И возможно, именно в этом классе, развитию которого способствует и покровительствует король, зарождается и

растет чувство монархической верности, предвестник патриотизма.

Отмечалось, что в ходе движения 1314–1315 гг., зная, слишком поздно заметившая опасность, которую представляло для нее развитие королевской власти, попыталась ограничить ее, требуя от суверена торжественного признания своих привилегий. Не расположенные поддерживать это движение, становящееся опасным для короны, как это случилось в Англии, буржуа королевства остались верными королю и безразличными, если не враждебно настроенными к этой реакции знати, успехи которой привели бы к возврату худших прошедших времен. Мы не видим, за исключением, возможно, Бургундии, чтобы города участвовали в феодальных коалициях, возникавших тогда, и королевские чиновники могли даже дать понять мятежной знати, что в случае необходимости корона может найти союзников против нее среди третьего сословия. Поведение буржуазии при этих обстоятельствах показывает, что если она и не потеряла местных интересов, то начала понимать, что эти интересы связаны с интересами королевства.

Не одна буржуазия стала на сторону короля, так же поступил и народ. Мелкие ремесленники, крестьяне постепенно освобождались от зависимости по земле. Коммунальное движение не ограничивалось одними городскими агломерациями. Существовали многочисленные сельские коммуны. Но даже вне коммун, получивших хартии о привилегиях, как Лоррис или Бомон, положение виллана улучшилось, а его прикрепление к земле ослабело. Поскольку освобождение представляло источник выгоды, король и сеньоры освобождают многих сервов. Изменилась система эксплуатации земель. Постепенное установление арендной платы и испольщины при прямой эксплуатации благородным собственником предоставляло крестьянину больше свободы. Труды полицейского характера, принятые королевской властью в домене, относительный порядок, долгий период внутреннего мира во Франции XIII в. позволили крестьянам трудиться и откладывать деньги. Доказательство этого — в суммах, уплачиваемых королем сервами за выкуп предоставляемой свободы в ходе кампаний по освобождению, которые проводит королевская власть в конце XIII в. и начале XIV в.

Капетингская королевская власть извлекла некоторую выгоду из общего улучшения положения народных слоев. Более оборотистые крестьяне, общее благосостояние которых способствовало развитию ремесел, естественно, желали порядка и мира, порождавших это процветание. Заслугу в них они не без оснований приписывали королевским действиям и были признательны королевской власти. В своей слабости они охотно видели в суверене защитника с приемлемым для них правосудием, хозяина, агенты которого, конечно, были не без недостатков, но все же казались лучше, чем агенты их местного сеньора или самих сеньоров; короля, могущество которого положило конец местной тирании, столь долго ими терпимой.

Понятно, что эти крестьяне и ремесленники не были бы способны серьезно помешать распространению королевской власти по всему королевству. Всякие политические действия им были запрещены. Но они не оставались безразличными к ее успехам, и их симпатии к королевской власти ослабляли, невзирая на всяческое сопротивление, знать. Кроме того, королевские агенты, находящиеся в гуще народа, готового благосклонно принять новую власть, могли отправлять свои функции легче, чем если бы они действовали среди враждебно расположенного населения.

* * *

Выше мы уже останавливались на крепких узах, изначально связывающих капетингскую династию с духовенством. Экономические и социальные преобразования XI и XII вв. несколько не ослабили этот союз.

Подъем буржуазии, становление этого класса, его эмансипация часто происходили за счет церкви, и если бюргеры разделяли общую набожность своих современников от Гуго Капета до Карла IV Красивого, то нельзя сказать, что их чувства по отношению к священникам были особо дружескими. Возможно, источник этой враждебности крылся в существовании многочисленных клириков, бывших таковыми лишь по тонзуре, занимавшихся то ли торговлей, то ли прочими промыслами, пользуясь привилегиями своего духовного состояния. Чувства знати к церкви были не более благосклонны. Состояние клириков оставалось зна-

чительным, а его происхождение по большей части связывалось с щедротами благородного класса по отношению к Богу и его святым. Ибо теперь, обеднев, знать сожалеет о своей былой щедрости и охотно заполучила бы назад имущество, некогда предоставленное ради целей, которых, надо сказать, не всегда удавалось достичь. Земли церкви смешивались с землями знати, и это постоянное соседство порождало многочисленные конфликты, которые церковное правосудие в стремлении их прекратить пресекало в пользу духовенства. В целом горожане и знать враждебны церкви, и эта враждебность создает пропасть между церковниками и прочими социальными группами. Эта пропасть еще больше углубляется различием ритмов внутренней эволюции этих групп и церкви, структура которой оставалась относительно неизменной.

Впрочем, в последнюю вводились и новые элементы. Один из них был создан нищенствующими орденами, главными из которых во Франции были ордена святого Франциска и святого Доминика. Эти монахи нового типа больше не привязаны к тому или иному аббатству, подобно бенедиктинцам Ключни или преобразованным ключнийским конгрегациям. Они проповедуют в провинции своего ордена, но проповеди не привязывают их к определенной местности. Единственная связь, известная им, это связь с самим орденом.

Кажется, эти бродячие монахи без территориальной привязки, международный характер которых был ярко выражен, а зависимость от Святого престола являлась абсолютной, могли бы представлять во французской церкви элемент сопротивления действиям королевской власти. Тем не менее, этого не случилось. Францисканцы и доминиканцы стали любимцами французских королей, осыпаемые, особенно с правления Людовика Святого, королевскими дарами — дарами, заметим мимоходом, если и включающими порой земли, то в основном состоящими из рент или цензов. Так что покровительствуемые и обогащаемые Капетингами, францисканцы и доминиканцы охотно служили династии. Они остались верными королю в конфликте между Филиппом Красивым и папой Бонифацием VIII. И это были не только последователи святого Франциска, «духовные» тенденции которых могли бы объяснить их поведение по отношению к понтифику, энергично вмеши-

вающемуся во внутренние распри ордена, но также и доминиканцы, к которым подобные доводы не относились. У нас сохранилось письмо от 22 июля 1303 г., в котором французские братья-доминиканцы приглашают братьев своей провинции присоединиться к собору, созываемому по просьбе короля¹.

Эти нищенствующие ордена также служили королевской власти, умножая царившее во французской церкви разделение. Недовольство, вызванное у мирян вопросом веры новоприбывших, вопросом, в котором Святой престол принял сторону нищенствующих орденов, злоба, испытываемая к этим орденам старыми церковными и монастырскими учреждениями, наблюдавшими, как оборачивается на пользу якобитам и францисканцам щедрость верующих, повлекла отход от короля черного и белого духовенства, досаждающих на покровительство нищенствующим орденам Святого престола.

Наконец, в действиях международных орденов заметно, хотя это развилось позднее, вследствие политики римской курии в области раздачи бенефициев, как начинается использование французской церкви иноземными клириками, особенно итальянцами. Эксплуатация, которую, впрочем, общественный ропот сильно преувеличивал, никогда не приближалась к тому, что мы видим тогда в других странах, например, в Англии, но сыграла не менее значительную роль в развитии умонастроений французских священников по отношению к Риму, сильно окрашенным национализмом, откуда к концу XIV в. зародится то, что называют галликанством.

Ибо параллельно с прогрессом капетингской монархии во Франции, мы наблюдаем в церкви движение, нацеленное на замену древней христианской республики папской монархией абсолютистского характера. Уже в зародыше григорианской реформы, еще ограниченной областью интеллектуальных спекуляций, это движение утверждает практическую власть начиная с понтификата Иннокентия III, современника Филиппа-Августа.

¹ Éd. E. Picot. Documents relatifs aux Etats Généraux et Assemblées réunis sous Philippe le Bel. Paris, 1901. p. 383, n° 407.

Оно стремилось к унификации западной церкви, к сосредоточению неоспоримой центральной власти в руках главы церкви, папы римского, предоставляя ему инициативу в области духовного и свободное распоряжение церковным имуществом. Чтобы прийти к подобному результату, следовало подавить или изменить массу привычек и местных традиций, которым отдавали предпочтение в силу их древности. Особенно в церкви надо было уничтожить все то, что перешло к ней из социальной среды, в которой она выросла. Труд, аналогичный тому, чем занималась во Франции корона, но гораздо более деликатный. Ибо его выполнение сталкивалось с бесконечно более многочисленным и сопротивляющимся партикуляризмом. Кроме того, он ставил Святой престол в оппозицию с внутренней политикой, по крайней мере, во Франции.

Папство вышло победителем в борьбе за свободы церкви против злоупотреблений светской власти. Оно защитило свободу епископских и аббатских выборов. Оно одолело светский патронат. Оно поддержало привилегии клириков в области правосудия и финансов. И теперь оно вмешивалось, чтобы уменьшить, а порой и подавить эту свободу выборов. Папство предоставило светскому патронату свободное распоряжение к собственной выгоде церковными бенефициями. Оно привлекало к римскому суду наиболее выгодные дела. Оно уничтожило тяжелые финансовые обязанности, ложившиеся на имущество церквей и духовенство. Наконец, его легаты приезжали, чтобы довести до сведения папские приказы, исправить то, что расценивалось как злоупотребления, порицать и хвалить.

Все эти меры уже вызвали некоторое недовольство французских священников, когда их инициатива принадлежала главе, избранной ими, но избранной не из их числа. Ибо это эпоха, когда папство италянизируется. На тридцать четыре понтифика, наследующих друг другу на престоле святого Петра с начала XII в. и до избрания Валуа, приходится шесть французов в современном смысле этого слова, один англичанин, один португалец и двадцать шесть итальянцев. Эти понтифики живут в Риме или в церковной римской патримонии, и папская курия, естественно, состоит по большей части из итальянцев. А ведь именно в этой курии улаживаются вопросы, касающиеся предоставления вакантных бенефициев. И эти вопросы не

регулируются без уплаты более или менее значительных денежных сумм.

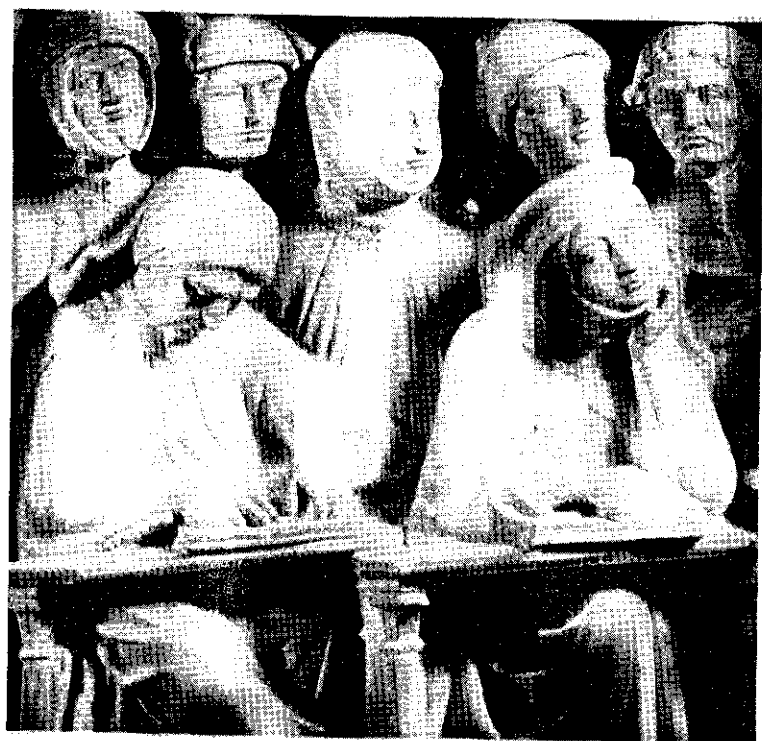
Это проитальянское папство, обслуживаемое итальянскими агентами, впоследствии создало свой светский итальянский домен, проводило очень активную итальянскую политику, часто дополняемую распрями, которым была не чужда и итальянская семья папы. Эта политика с войнами, которые она влекла, с заключаемыми союзами, стоит дорого, и вынуждает папу взимать с «иностранных» церквей денежные средства, которые церкви предоставляют скрепя сердце и по поводу которых они высказывают протесты, а поэтому к пущей неловкости приходится прибегать к услугам итальянских банкиров папской курии.

Этот образ действий постепенно рождает у французского духовенства чувства, по правде, не враждебности, но равнодушия и недовольства Святым престолом, обвиняемом не без преувеличений в разрушении французской церкви в пользу итальянцев курии и личной политики итальянских понтификов. Считая, что ее эксплуатирует ее глава, испытывая на себе зависть других слоев населения, порой сражаясь с некоторыми из них, часто находясь под угрозой, французская церковь ищет покровительства короля. Она видит в нем поборника своих свобод против злоупотреблений Рима, как и, возможно, с большим основанием, поддержку против своих противников внутри королевства. И король на первый взгляд делает то, о чем его просит французская церковь. Порой он выражает энергичный протест Святому престолу по поводу злоупотреблений папских агентов и церковных сборщиков. Он приумножает торжественные хартии, признающие и утверждающие свободы и привилегии церквей королевства. Он выказывает себя щедрым по отношению к клирикам, включает их в свой совет, подавая им пример настоящей набожности. И французская церковь верит своему королю.

Так, используя различные обстоятельства, подталкивающие к нему, с намерениями, зовись он Филипп-Август, Людовик Святой или Филипп Красивый, стать сувереном, которому все должны повиноваться, французский король смог принять вид отца и главы своей знати, защитника самых униженных подданных, поборником свобод церкви, и этого повиновения, которого было трудно потребовать, он добился. Различные классы общества без серьезного сопротивления заняли заранее приготовленное им место.

ГЛАВА XII

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ
И
МОРАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

Собрать воедино территории, подготовить политические и административные кадры, заставить население королевства принять их — все это было необходимо для создания Франции, и в то же время недостаточно. Чтобы созданное терпеливыми усилиями трех веков оказалось прочным, следовало совершить слияние собранных таким образом элементов, вдохнуть душу в это огромное тело.

Думали ли об этом Капетинги? Позволительно в этом усомниться. Эти суверены, как мы уже говорили и настаиваем на этом, работали над будущим бессознательно. Люди действия, они жили настоящим, слишком наполненным трудностями, чтобы оставалось время, даже если бы они и пожелали, думать о другом. Идея нации в том смысле, который вкладывают в нее наши современные умы, казалось, была им, как и их современникам, чуждой. Но, несомненно, они могли работать над ее созиданием, сделав ее рано или поздно реальностью.

Нация состоит, прежде всего, из людей, говорящих на одном языке. И, когда мы говорим о едином языке, мы вовсе не имеем в виду различные наречия, произошедшие от одного и того же дальнего лингвистического корня, но о языке, в котором могут еще существовать разные диалекты, по своей природе не мешающие различным национальным группам без труда понимать друг друга. Конечно, это не относилось к Франции в эпоху избрания Валуа. В самом деле, существовало большое различие в наречиях Севера и Юга, языка ойль и языка ок, к которым следует прибавить кельтский диалект Бретани и германский диалект Фландрии. Если к ним добавить язык клириков,

латынь, то можно сказать, что в момент угасания капетингской династии в королевстве Франция говорили на пяти различных языках.

И, однако, один из этих языков — язык, на котором говорили в старом королевском домene, парижской области, начинает опережать другие, становясь литературным. Это и язык, на котором самовыражается королевская власть, язык, используемый для ведения дел в Парламенте, язык, часто используемый в общественном управлении, впрочем, конкурирующий с латынью и языком ок.

Если употребление французского языка публичной властью обязано капетингским властям, то Капетинги лишь косвенно и с запозданием ответственны за выбор этого языка как литературного средства. Известно, что потомки Гуго Капета вплоть и включая Людовика IX, кажется, не имели, за исключением Роберта Благочестивого, великой склонности к духовным вещам. Нас удивляет при чтении произведений, дошедших до нас, слабая роль, которую играет французский король в литературе XII и XIII вв. Однако, возможно, не следовало бы делать слишком радикальных заключений из этого молчания литературных произведений о французской королевской власти. Столько исчезнувших произведений могли содержать обратные сведения! Тем не менее, при современном состоянии нашей документации кажется, что крупные феодальные дворы — Шампань, Фландрия, Бургундия — сыграли в развитии французской литературы в эту эпоху более значительную роль, чем двор короля Франции.

Ситуация меняется с восшествием на трон Филиппа III и браком этого суверена с юной Марией Брабантской. Именно в правление этого сына Людовика Святого, для которого его наставник, доминиканец Лаврентий Орлеанский составил на французском языке, хотя и был по рождению флорентийцем, «Сумму короля», столь же значительную, сколь и непонятную, французский двор начинает ориентироваться на литературное меценатство, а суверены и их окружение обнаруживает вкус к духовным вещам. И скоро, как предвосхищение прекрасных картезианок XVII столетия, придворные дамы Филиппа Красивого делают успехи, как по крайней мере нас уверяет майоркский посланец Рамон Лулл, познавая доктрины этого оригинального и глубокого доминиканца.

Король начинает занимать в литературной области приличествующее ему место, такое, какое он занимает в политическом устройстве. Но династия вот-вот исчезнет. Валуа унаследуют эту традицию и разовьют ее. И если под влиянием королевской власти язык ойль окончательно станет языком французской литературы, то приписывать Капетингам инициативу в этом успехе мы не можем. Они лишь ускорили уже набравшее силу движение.

Тем не менее, надо иметь в виду, хотя бы при современном состоянии исследований, какое влияние на успех языка ойль мог иметь тот факт, что он был языком королевского двора. Следовало бы лучше знать, насколько часты были посещения этого двора в XII и XIII вв. Кажется, трудно допустить, чтобы этот двор внезапно родился к концу XIII в., и что язык, на котором говорили в окружении Филиппа-Августа, Бланки Кастильской и Людовика Святого не был уже тем, который вменял знати и горожанам королевства хороший тон.

Однако если трудно с точностью определить роль, сыгранную Капетингами в вопросе национального языка, то кажется, что эти суверены вопреки своему длительному безразличию к тому, что касается мысли, способствовали безотчетно, но несомненно, окончательной унификации мира мысли в своем королевстве.

Основание университета в средние века — не обязательно основание его королем. Чаще всего оно является результатом папской инициативы: образование было прерогативой церкви. Однако, и это очевидно, инициатива такого рода не могла дать весомых результатов без одобрения светской власти. Бонифаций VIII смог в 1295 г. создать апостольским посланием *studium generale* (общее место обучения) в Памье; но этот университет всегда существовал только в его булле. Известно, с какими трудностями создавался Тулузский университет, родившийся вопреки воле графа Раймона VII. Мы видим, как в 1312 г. Филипп Красивый подавляет университет, созданный в Орлеане в 1306 г. папой Климентом V.

В этих условиях можно отметить, что университетский вопрос во Франции при первой капетингской династии не является исключительно делом церкви, корона также произносит свое слово. Ибо, если мы констатируем наличие неких мест обучения (*studia*), в целом специализирующих-

ся на изучении гражданского права, то мы обнаруживаем во французском королевстве только два *studia generalis*, два полностью сформированных университета: Тулузский, созданный в 1229 г. и Парижский. Древность последнего института, его авторитет, особенно в XIII в., объясняются, правда, до некоторой степени, трудностями, с которыми сталкивались новые учебные учреждения, почти заранее уничтожаемые парижским конкурентом. Если Анжер и Орлеан и знавали хорошие дни, то исключительно потому, что в них обучали гражданскому праву, что не допускалось королевской властью в Париже.

С другой стороны, отметим, что Парижский университет в XIII в. не всегда жил в добрых отношениях с короной. Регентство Бланки Кастильской в особенности является лишь долгой борьбой между королевской властью и парижской *studium*. Но конфликты никогда не доходили до того, чтобы сделать невозможным примирение обеих сторон. И, если в основе конфликта было какое-то насилие, совершенное королевскими агентами против преподавателей или студентов, король, вопреки своему обыкновению, не колебался в жестком наказании первых. Кстати, при Филиппе-Августе и Филиппе Красивом парижский прево, лицо значительное, был сурово наказан сувереном из-за университетских инцидентов.

Такое поведение капетингской королевской власти по отношению к Парижскому университету, поведение в целом благожелательное, очевидно, объясняется соображениями материального порядка, простым желанием оставить существовать в столице ценный источник выгод для парижской торговли. Но также можно думать, что французский король, поддерживая хорошие отношения с университетом, понимал, какой интерес может представлять для него поддержка последнего, возможно, и укреплял эту поддержку. Во всяком случае, интересно констатировать, что этот университет, детище церкви и ее главы, добровольно повернулся к светской власти.

Взамен Капетинги в XIII в. не учреждали или не позволяли создавать новые университеты, способные впоследствии ослабить парижское превосходство, и никоим образом не поощряли уже созданные университеты, ни во время, предшествующее присоединению к домену города, в котором они находились, как это было с Тулузой, ни

на территориях, зависящих от короны, как Анжер или Орлеан.

Так что мы можем считать, что суверены первой династии хотели иметь в своем королевстве только один университет, одну *studium generale*, парижскую. Каковы бы ни были их соображения в действиях подобного рода, их решение не осталось без важных последствий, потому что оно стремилось сделать из города, в котором находился король, по преимуществу королевский город, интеллектуальную столицу королевства.

Несомненно, не следует преувеличивать роль, сыгранную первыми средневековыми университетами, по крайней мере, до XIV в., и проецировать на прошлое современную точку зрения на этот сюжет. Но не менее верно и то, как мы убеждены, что даже если число проходящих через обучение в университетах и было ничтожно по отношению к численности населения королевства, то существование в нем единственного привилегированного университета способствовало духовному или интеллектуальному единению французов. Оно избежало помех, даже опасности, при том, что территории были недавно объединены, со стороны локальных центров. Лояльность Парижского университета не находила противовеса в провинциях. Все это сыграет свою роль, особенно в XIV в., но эти действия станут возможны именно потому, что интеллектуальная супрематия Парижа прочно установится в предшествующие столетия, и потому что авторитет университета будет расти, пускай даже в тени французской королевской власти.

Поскольку многочисленные королевские чиновники вышли из его рядов, Парижский университет становится для Капетингов чем-то вроде дополнения этого великого сословия к государству, им организуемому. Также мы видим, что к концу династии с ним советуются при серьезных обстоятельствах. Он высказывает свое мнение о законности отречения от тиары папы Целестина V. Он принимает сторону короля Филиппа Красивого в конфликте этого суверена с Бонифацием VIII. В 1317 г. с ним советуются по вопросу о наследовании французской короны. И всякий раз, когда вызывают к его мнению, университет высказывается в желательном для королевской власти смысле. Обе стороны достигают взаимоуважения. Университет, поскольку консультации с ним доказывают высокое

уважение, питаемое к нему могущественнейшим королем Франции. Король, потому что он таким образом демонстрирует наличие подле него советника, особенно в области, где духовное соприкасается с политическим, источник глубочайшего знания, целиком преданный ему.

Авторитет Парижского университета, его лояльность по отношению к короне и милость последней к нему играют важную роль в интеллектуальном единении различных элементов французского населения. Они наделяют Париж ролью интеллектуальной столицы, притягивая к этому городу внимание тех французов, которых привлекают духовные вещи. Они подготовили ту интеллектуальную централизацию, которую можно оценивать по-разному, но влияние которой на развитие французского единства нельзя отрицать.

И это тем более что у Франции нет религиозной столицы. Примас Галльский находится не в Париже, а в Сансе, и его статус далек от всеобщего признания, даже порой успешно оспаривается различными местными авторитетами. Отсутствие единства для церкви королевства влечет отсутствие религиозной столицы, хотя до некоторой степени компенсируется главенством Парижского университета. Именно на факультетах теологии и канонического права обучаются будущие многочисленные французские епископы и архиепископы XIII–XIV вв., именно университет руководит религиозной мыслью королевства. Но это единство церкви и Франции, создаваемое в духовном плане Парижским университетом, естественно, испытало влияние духа этого последнего института. Его преданность покровительствующей и почитающей его королевской власти вознаграждается тем, что церковь формирует в нем своих руководителей. Этот роялистский универсализм, подготавливая кадры и дух галликанской церкви, стремится к противопоставлению себя «католическому» влиянию Святого престола.

Невозможно сказать, сознавали ли суверены, преследовавшие эту университетскую политику, что они готовили, предвидели ли они результаты своих действий. Но что можно сказать точно, так это то, что их действия, каковы бы ни были мотивы, коими они руководствовались, имели свои результаты.

Если трудно определить воздействие первой капетингской династии на язык и литературу, если можно прийти к несколько обманчивому результату в том, что касается мысли, то это уже иная область, для которой этот вопрос можно поставить, однако без удовлетворительного ответа. Однако это не повод, чтобы не спрашивать себя, как могла воздействовать капетингская королевская власть на становление собственно французского искусства.

В XII в. мы видим, как в королевском домене возникает форма искусства, которому дали название готического. Пускай в своем формировании в домене это искусство испытало чужое влияние — бургундское, нормандское, — что установлено. Но не менее справедливо и то, что именно в Иль-де-Франсе поднимутся первые законченные примеры нового архитектурного стиля.

Ибо довольно стремительно возникают повсюду церкви, построенные в этом стиле. Перед ним исчезают местные школы архитектуры в полном расцвете, и мы чаще всего не можем обнаружить переход от принятого в предшествующее время стиля к новому. Церкви, строительство которых начиналось в одном стиле, заканчиваются в другом, именно в стиле королевского домена.

Это принятие стиля Иль-де-Франса, если оно порой и совпадает, как на лангедокском Юге, с установлением капетингского владычества в этом регионе, очень часто не сопровождается этим господством, так что тесно связать оба феномена нельзя. И еще нам известно, что капетингские суверены отнюдь не вмешивались в сооружение церквей, за исключением их дворцовых часовен в Париже или Сен-Жермен-ан-Ле; что это движение, покрывшее королевство религиозными сооружениями в новом стиле, является результатом массы местных спонтанных или необходимых инициатив; что в нем невозможно обнаружить какие-нибудь следы руководства или организации.

Чтобы объяснить успехи этой новой формы искусства, предлагались различные доводы, которыми, конечно, не следует пренебрегать, в частности, преимуществом решений технических проблем новой манеры строительства, с которыми сталкивались тогда архитекторы, возводя монументы одновременно и просторные, и хорошо освещенные изнутри. Но новое искусство, если его центром и началом считать архитектуру, является, однако, совершенно иным,

чем простой манерой строить. Оно — все, что обнаруживается в различных проявлениях поиска пластической красоты. Открытие крестовой стрельчатой арки не объясняется одним новым искусством, этого недостаточно, чтобы понять причину его успеха.

Здесь наличествует также вопрос моды. Ибо мода во все времена заставляет вмешиваться человеческий элемент, для которого разумное начало не обязательно играет первую роль. И если повсюду приняли стиль королевского домена, ставший образцом в моде, то не только потому что он прельщал реальной красотой. В истории искусства были периоды, когда торжествовал дурной вкус. Кажется достаточно естественным думать, что престиж королевской власти смог подействовать предпочтению найденных и применяемых в королевском домене форм, как и в великом королевском городе Париже. Можно предположить, что клирики, прошедшие через великий университет королевства, однажды наделенные бенефициями или достоинством, пожелали строить «по примеру» Парижа. Мы плохо знаем творцов этой эпохи, но случай архитектора Виллара де Оннекура доказывает, что некоторые из них были достаточно образованны. В эту эпоху могли существовать, как это происходит в наши дни, отношения между студентами и подмастерьями, отношения, могущие привести позднее к привлечению ремесленника на службу студентом, ставшим уважаемым лицом. Бюргеры желали следовать моде сеньоров. Сеньоры же следовали моде королевского домена.

Быть может, таким образом пытались сделать королевский двор главенствующим. Ремесленники, имена которых нам чаще всего незнакомы, быть может, путем опроса тех, кто их подрядил, возможно, старались выяснить мотивы, приведшие к принятию нового стиля. Быть может, таким образом желали продемонстрировать свою верность, польстить королевским чиновникам, понравиться прелату, почитаемому за свою преданность короне? Все это возможно, по крайней мере, в некоторых случаях, и все это стоит изучать.

Остаются факты. Одновременно с собиранием капетинским сувереном под своей властью различных сеньорий королевства, французский язык, язык патримониального домена династии, начинают принимать и говорить на нем во всем этом королевстве, он становится преобладающим

способом литературного выражения. Форма нового искусства распространяется по всем областям королевства, на севере, как и на юге, на западе, как и на востоке, чтобы в конечном счете захватить всю Европу, и эта форма искусства также создавалась с помощью многочисленных заимствований у ремесленников королевского домена. Наконец, университет захватывает и сохраняет в идеях клириков королевства бесспорное влияние, приводя к второстепенной роли или мелкой специализации другие подобные учреждения, уже созданные, или создание которых увидит XIV в., и этот университет находится рядом с королем, в политической столице королевства, в королевском городе Париже.

Так в области идей и их выражения происходит их «централизация» вокруг короля, аналогичная той, которая протекает в области политической. Нельзя отрицать, что, собирая земли королевства, Капетинги начали встречным образом, сознательно или нет, объединение умов.

Они начали и объединение людей.

В конце XIII в., при двух обстоятельствах, касающихся религиозных вопросов, Филипп IV Красивый собрал вокруг себя общественное мнение всего королевства, а не только жителей домена.

В 1303 г., в момент, когда конфликт, противопоставлявший французского короля Святому престолу, находился в критической фазе, Филипп решил воззвать ко всеобщей церкви, заседавшей на соборе, по поводу папы, законность и ортодоксальность которого он оспаривал. Этот призыв к собору он решил сделать от имени королевства, а не только от своего собственного. Так что потребовалось посоветоваться с этим королевством. Подумав об ассамблее делегатов от различных слоев населения, решили предпринять широкую кампанию, чтобы получить согласие французов на просьбу к ним их короля. В каждом городе, в каждой деревне созданное население собралось в церкви, в монастыре, на кладбище, на главной площади, заслушало посланцев короля, изложивших им ситуацию, и единодушно, или почти, высказалось в пользу королевских положений, впрочем, из разных соображений: некоторые видели в этом соборе средство, позволяющее папе оправдаться.

Некоторые историки рассматривали эту кампанию по сбору согласий на королевскую просьбу как лишь мало-

почетную комедию, отказываясь допустить, что опрашиваемые таким образом французы обладали необходимой свободой, чтобы выразиться искренне. Были и такие группы населения, не принявшие королевские положения. Но следует учитывать, что в первый раз вопрос, интересующий все королевство, был вверен французам, всем французам, невзирая ни на классы, ни на пол, потому что опросы некоторых сельских или городских коммун упоминают имена участвующих в собрании жителей женщин. Впервые представился случай дать почувствовать этим французам, что все они принадлежат к одному целому, дать им понять, что существует королевство Франция.

И такой же случай представился в 1308 г. Тогда, чтобы обратиться с новым призывом по поводу религиозного ордена, но на этот раз призыв был адресован папе Клименту V, дабы просить его положить конец «ереси» тамплиеров, королевская власть созвала в Туре делегатов из всех частей королевства — знать, священников, горожан, дав последним такое определение, каковое сельские общины, не будучи представленными, не имели. И на этот раз французы, вопрошаемые своим королем, высказались, как ему было угодно.

Эти две консультации — 1303, как и 1308 гг. — позволяют нам констатировать, что по некоторым вопросам уже существует единство взглядов между различными слоями населения королевства. Равно правдоподобно, что названные опросы, давая возможность проявиться этим взглядам, способствовали возникновению такого единства.

Последнее заключается, прежде всего, в чувстве верности по отношению к суверену, почитание французской короны и династии, ее носящей. Здесь значительной оказалась роль Людовика Святого, давшего представление об идеальном типе суверена, добродетель которого распространялась и на функцию, выполняемую им и теми, кто был после него. И дипломатия его внука, получившего от Святого престола освящение церковью добродетелей святого короля, закончила то, что сами эти добродетели сделали для французской королевской власти.

Но французский король — это еще не Франция, или, скорее, если он и представлял ее, то французы, видя его и почитая, не отдавали себе точного отчета в том, что он представлял. Их монархическая верность толкала их на

путь национального чувства; это еще не было тем, что называют в благородном смысле слова патриотизмом. Оно только подготавливало его пришествие.

Чтобы родилась идея родины, французам надо было пройти через длительный кризис, в течение которого монархическая лояльность узнала с уверенностью, что значит быть преданным королевской персоне. Тогда, в том временном затмении короля и увидят королевство, Францию, родину¹. В этот и именно в этот день и родится французская нация.

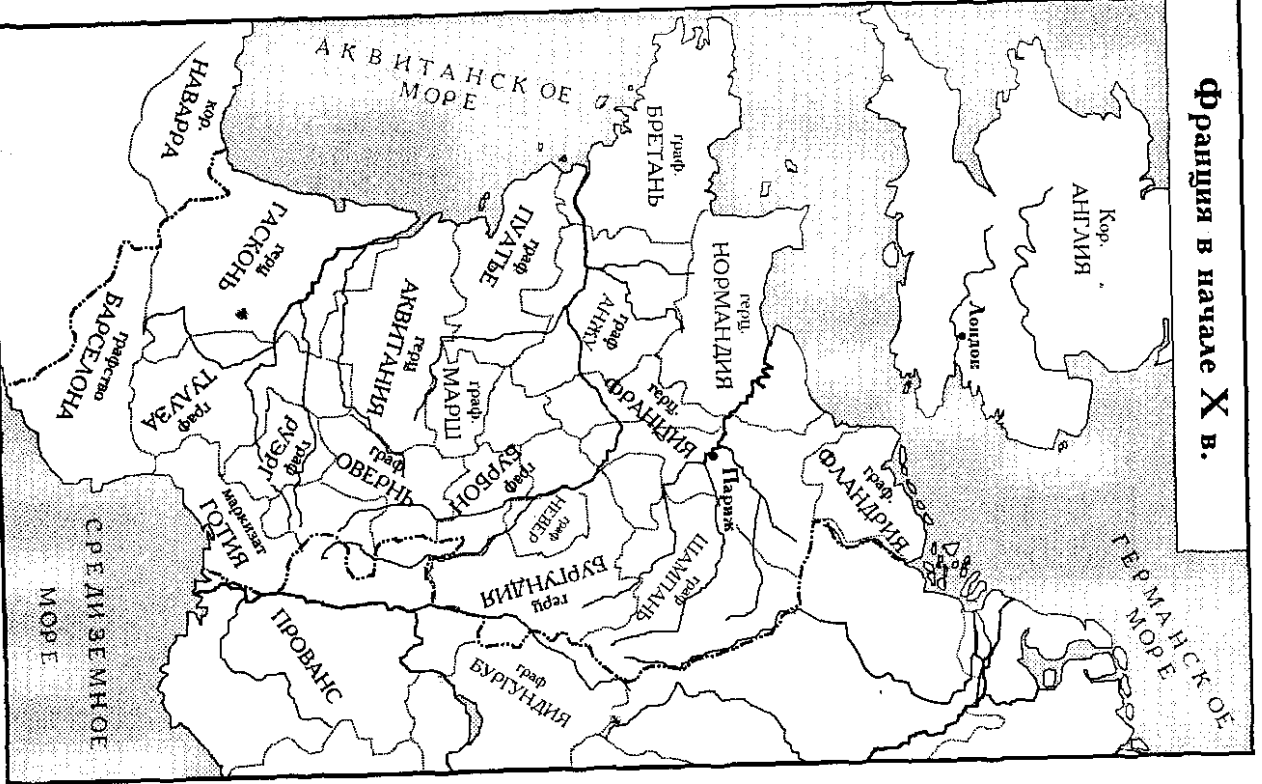
Надо было ждать великого кризиса XV в.; но первая капетингская династия расчистила путь, поставила прочные вехи. Она собрала земли, придала принципу монархии жесткость и новый блеск, окружила французскую корону сиянием святости, создала административную основу, поддерживающую в течение столетий единство земель и людей, начала приучать население королевства чувствовать, думать, выражаться в том же духе. Она подготовила рождение Франции. Будущее с его испытаниями стало осуществлением набросанного в общих чертах труда суверенов, направлявших с 987 по 1328 гг. первые шаги нашей страны.

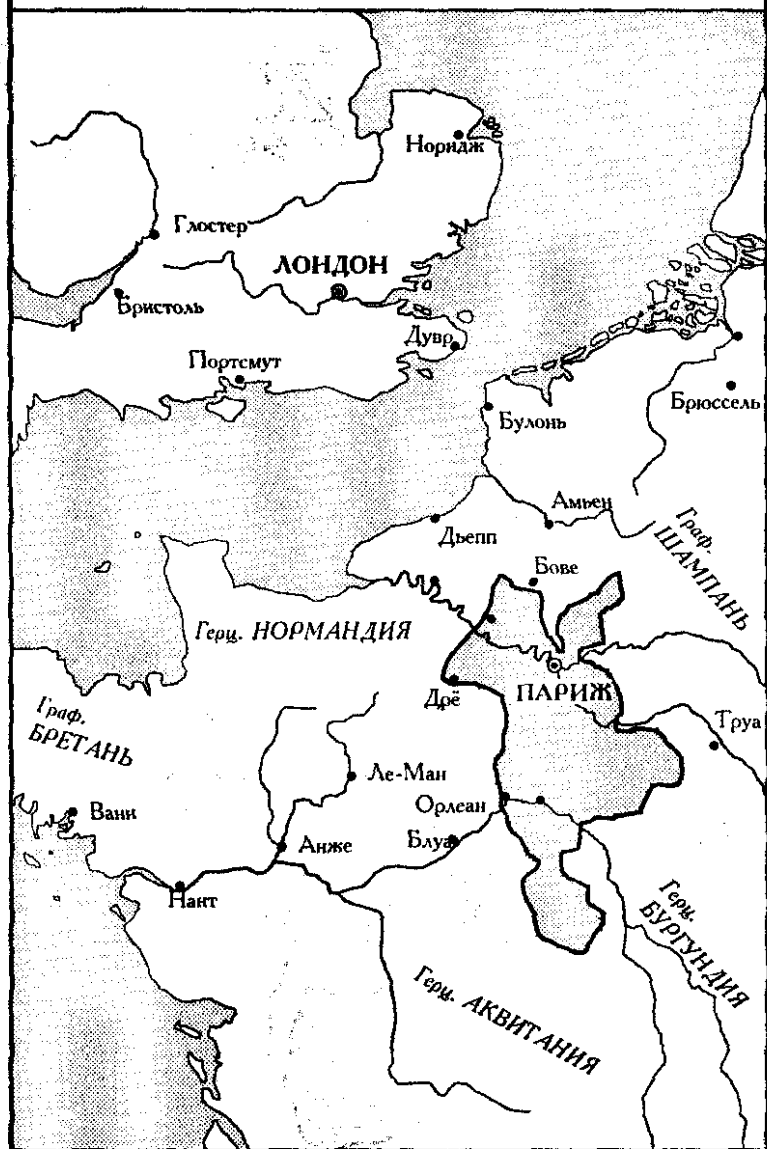
¹ Речь идет о событиях начала XV столетия, связанных с внутриполитическими распрями феодальных группировок, которые боролись за власть при Карле VI Валуа, пораженном тяжелым психическим заболеванием, а также с военными поражениями Франции в ходе Столетней войны с Англией, когда англичанам удалось занять весь север страны с Парижем и юридически закрепить победу над Францией договором 1420 г. в Труа. (Прим. ред.)

Франция в начале X в.

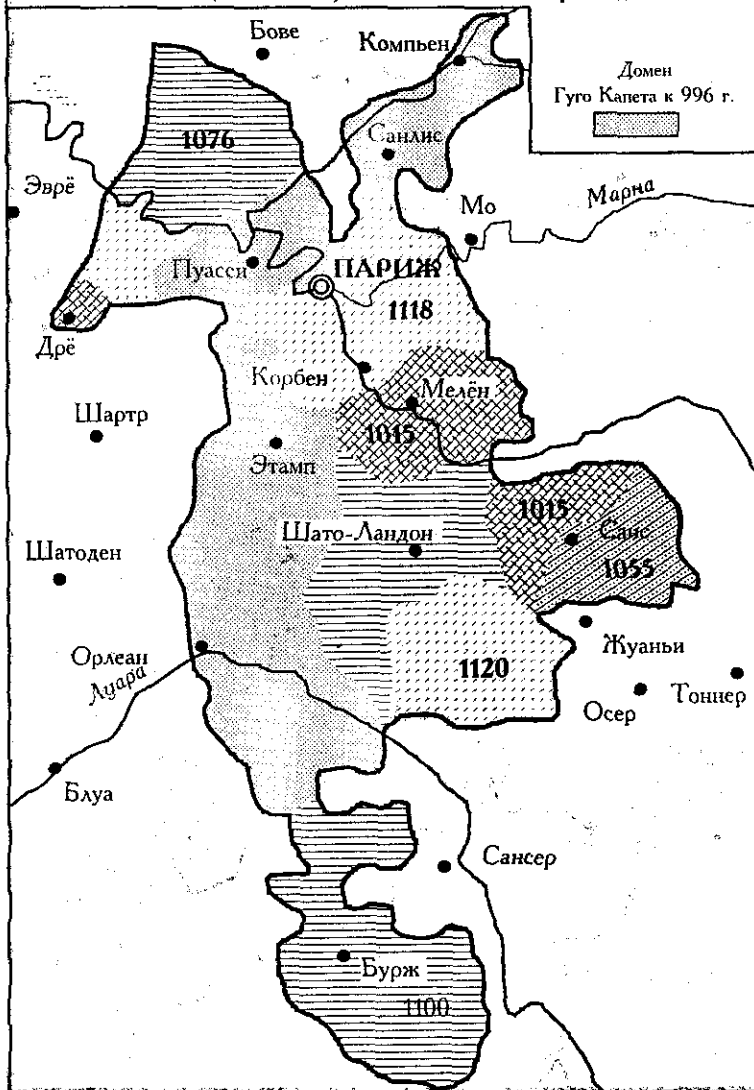

ДОМЕН КАПЕТИНГОВ в X-XII вв.

Присоединения территорий

	Робертом I (996–1031 г.)		Людовиком VI (1108–1137 г.)
	Генрихом I (1031–1060 г.)		Граница домена в 1137 г.
	Филиппом I (1060–1108 г.)	1016	Годы присоединений

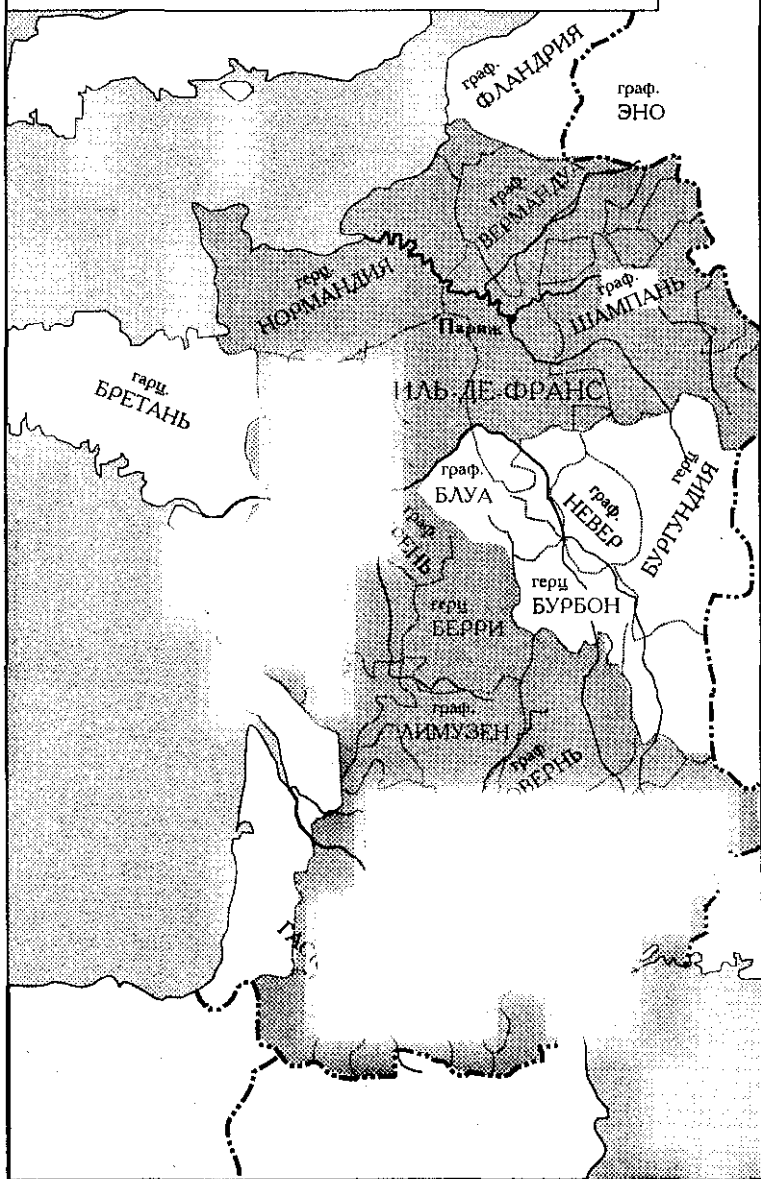
АНГЛИЯ и ФРАНЦИЯ в XII в.

- Домен Капетингов
- Домен Плантагенетов
- Владения Генриха II
- Наследственные земли Алиеноры Аквитанской

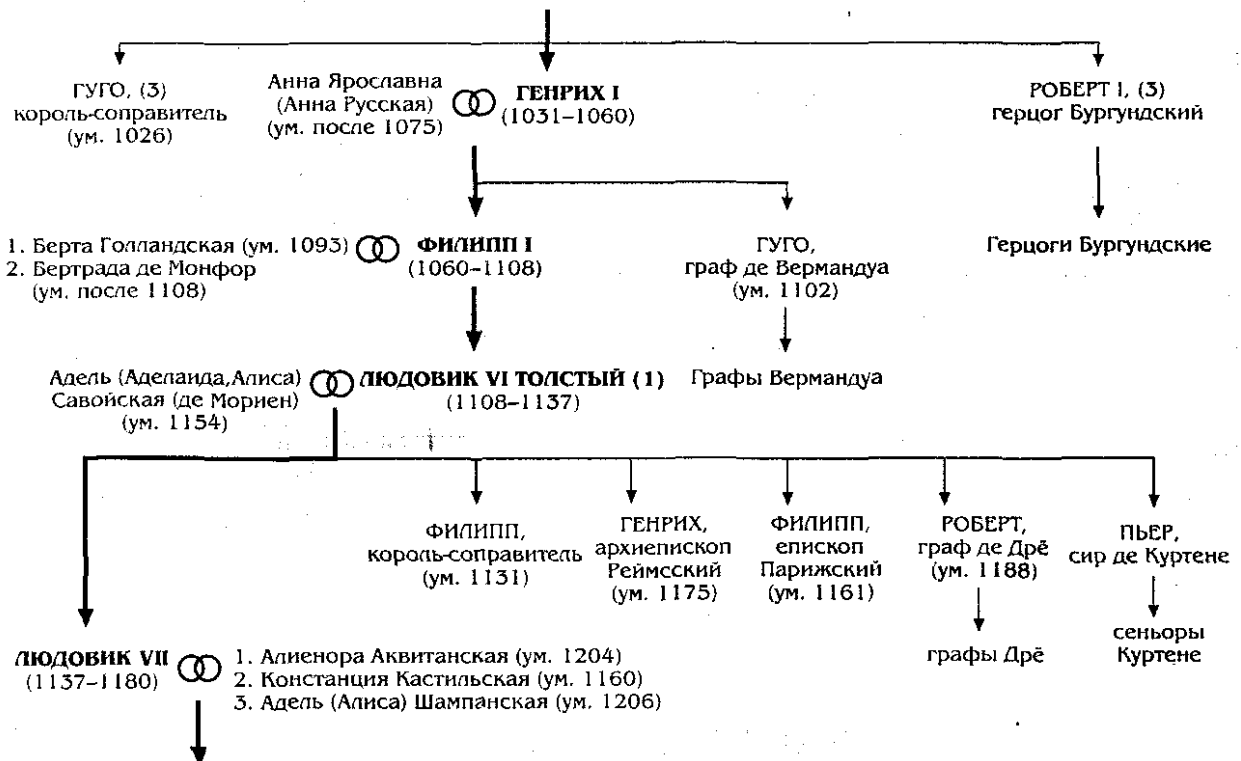
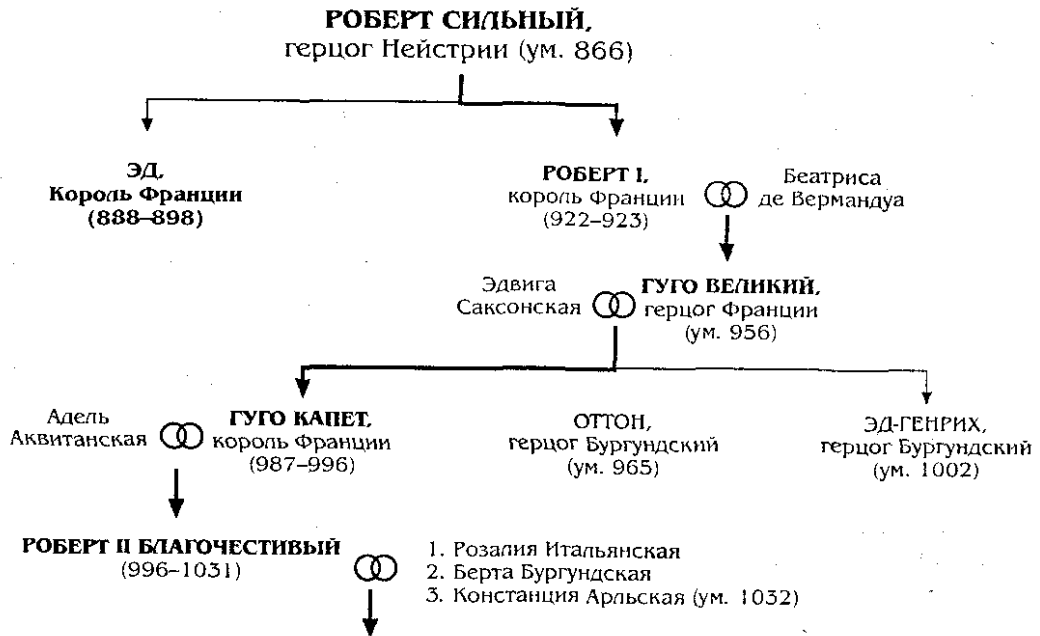
75 км 0 75 км

Домен Капетингов в начале XXIV в.

ДИНАСТИЯ КАПЕТИНГОВ

ФИЛИПП,
король-соправитель
(ум. 1131)

ГЕНРИХ,
архиепископ Реймский
(ум. 1175)

ФИЛИПП,
епископ Парижский
(ум. 1161)

РОБЕРТ,
граф де Дрё
(ум. 1188)

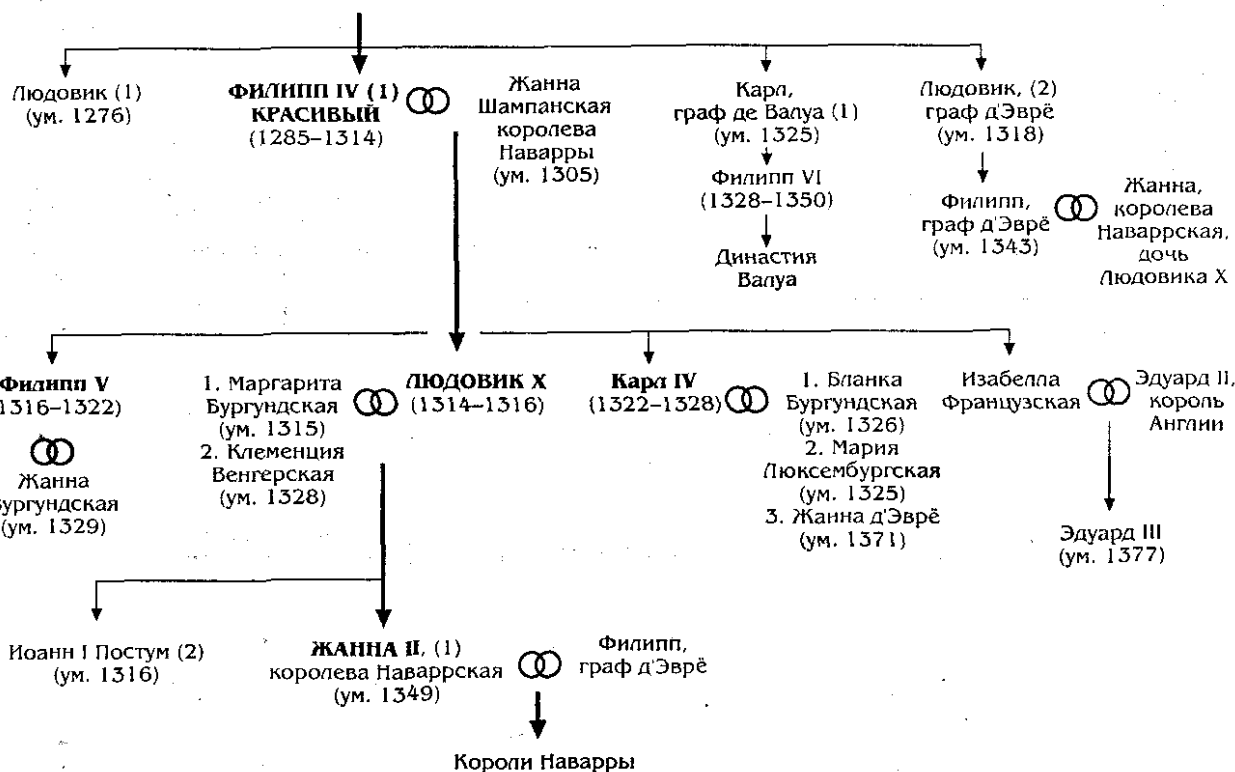
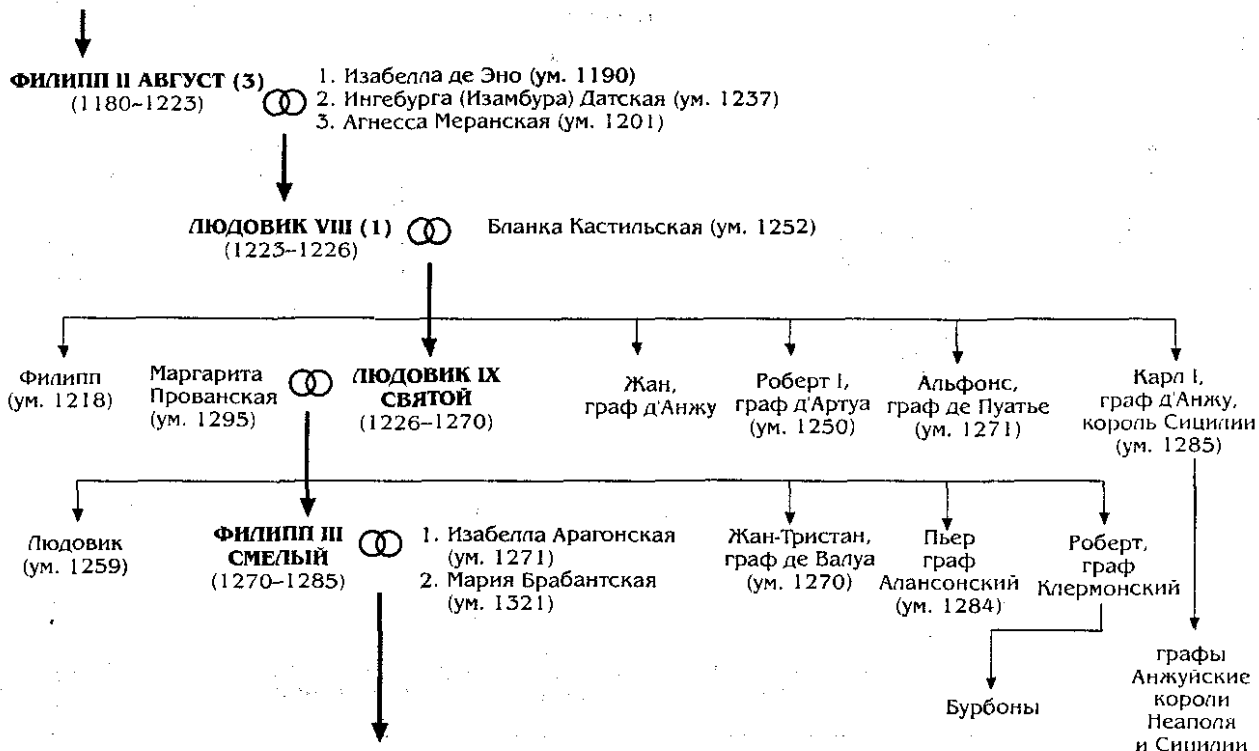
↓

графы Дрё

ПЬЕР,
сир де Куртене

↓

сеньоры Куртене

ДИНАСТИЯ ПЛАНТАГЕНЕТОВ

ФУЛЬК I РЫЖИЙ,
граф Анжуйский (ум. 941)

ФУЛЬК II ДОБРЫЙ
граф Анжуйский (ум. 960)

ЖОФФРУА I ГРИЗЕГОННЕЛЬ
граф Анжуйский (ум. 987)

ФУЛЬК III ПЕРРА,
граф Анжуйский (ум. 1040)

ЖОФФРУА II МАРТЕЛ,
граф Анжуйский (ум. 1060)

Жоффрау, граф дю Гатине **ЭРМЕНГАРДА,**
графиня Анжуйская

Жоффрау III,
граф Анжуйский
(ум. после 1096)

ФУЛЬК IV Глотка,
граф Анжуйский
(ум. 1109)

Вильгельм Завоеватель,
король Англии,
герцог Нормандии
(ум. 1087)

Генрих I,
король Англии
(ум. 1135)

Адель
Этьен-Генрих,
граф де Блуа

Жоффрау IV Мартел,
граф Анжуйский
(ум. 1106)

ФУЛЬК V МОЛОДОЙ
граф Анжуйский
(ум. 1144)

Стефан (Этьен)
де Блуа,
король Англии
(ум. 1154)

ЖОФФРУА V ПЛАНТЕГЕНЕТ,
граф Анжуйский,
герцог Нормандский
(ум. 1151)

 Матильда
Английская

ГИЙОМ X,
герцог Аквитанский
(ум. 1137)

Алиенора,
герцогиня Аквитанская
(ум. 1204)

1 Людовик VII,
король Франции

2 **ГЕНРИХ II ПЛАНТАГЕНЕТ,**
граф Анжуйский,
король Англии (ум. 1189)

Мария,
графиня
Шампанская

Алиса,
графиня де Блуа

Генрих
Младший
(ум. 1183)

Ричард I
Львиное Сердце
(ум. 1199)

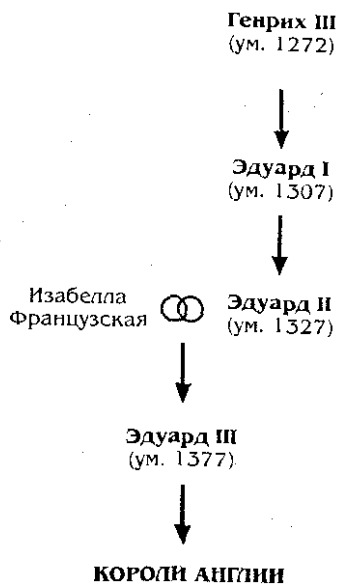
Жоффрау,
герцог Бретонский
(ум. 1186)

Артур,
герцог Бретонский
(ум. 1203)

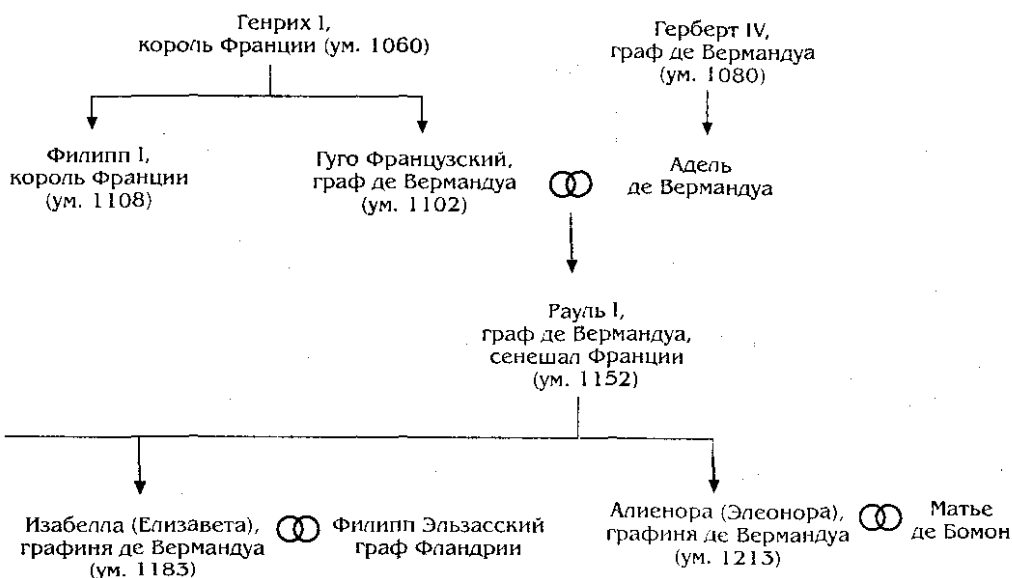
НОАНН БЕЗЗЕМЕЛЬНЫЙ
(ум. 1216)

Генрих III
(ум. 1272)

ГРАФЫ ВЕРМАНДУА ИЗ РОДА КАПЕТИНГОВ

ГЕРЦОГИ (ГРАФЫ) БРЕТОНСКИЕ

Конан I, граф де Ренн,
герцог Бретонский (ум. 992)

Жоффрау (ум. 1008)

Ален III (ум. 1040)

Оэль,
граф де Корнуай

Авуаза
Бретонская

Ален IV (ум. 1112)

Конан III (ум. 1148)

Оэль IV

Берта

Ален Черный,
граф де Пантьевр
(ум 1146)

Конан IV
(отрекся в 1169)

Генрих II Плантагенет,
король Англии
(ум. 1189)

Гн де Туар

**Констанция,
герцогиня Бретонская
(ум. 1201)**

**Жоффруа III,
герцог Бретонский
(ум. 1186)**

**Алиса,
герцогиня Бретонская**

Пьер Моклерк, граф де Дрё
(ум. 1250, отрекся от титула
герцога Бретонского
в 1237)

Артур I,
герцог Бретонский
(ум. 1203)

Иоанн I (ум. 1286)

Иоанн II (ум. 1305)

Мария
Лиможская

Артур II
(ум. 1312)

Иоланда де Дрѣ,
графиня де Монфор

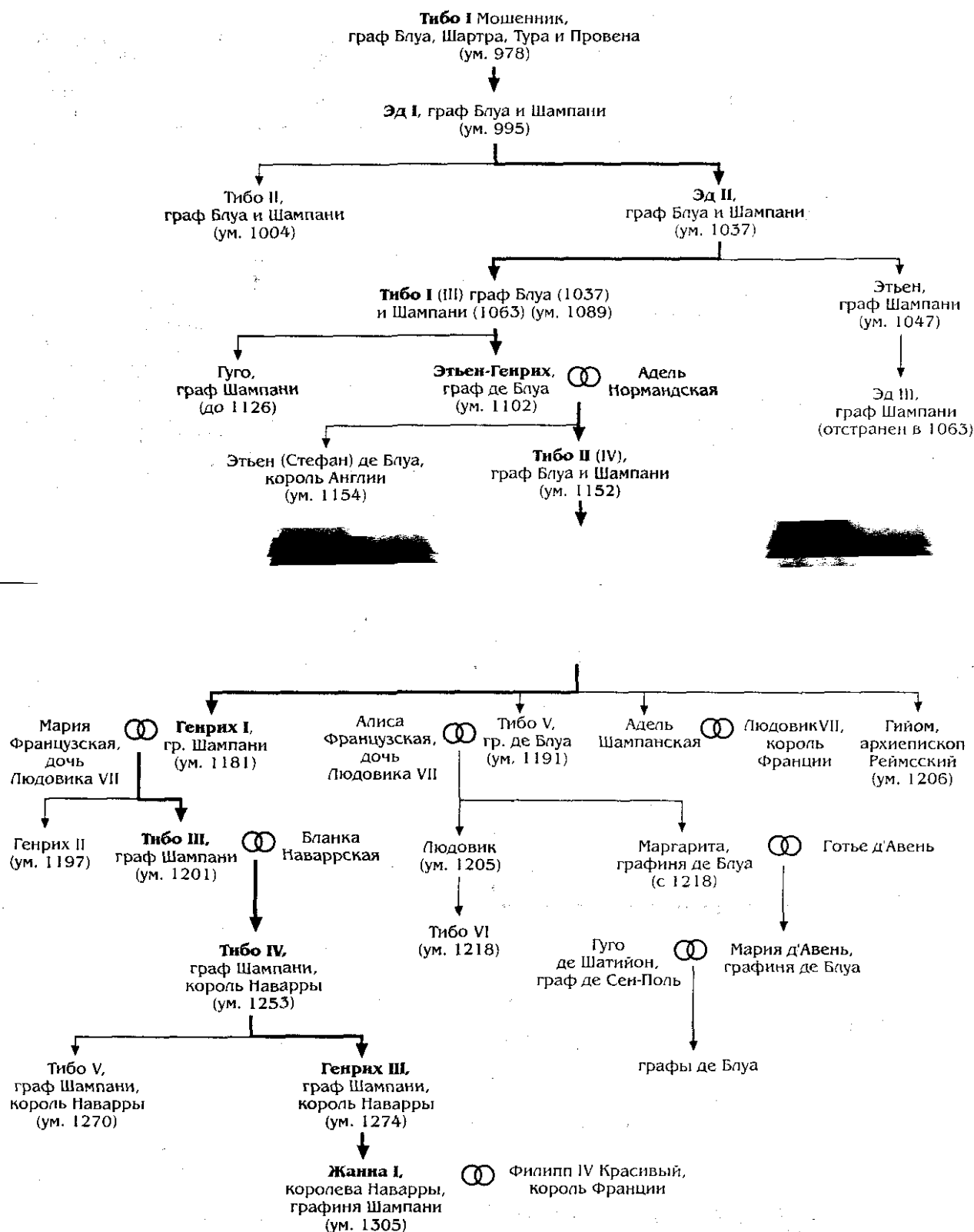
Жан, граф де Монфор
(ум. 1345)

Ги,
граф де Пантьевр,
виконт
Лиможский

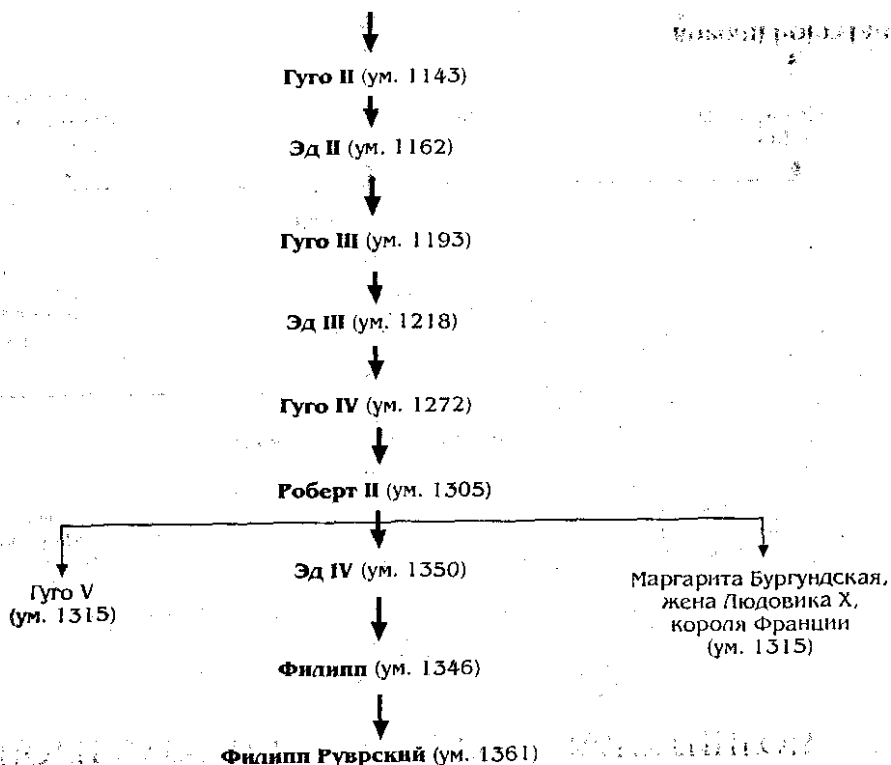
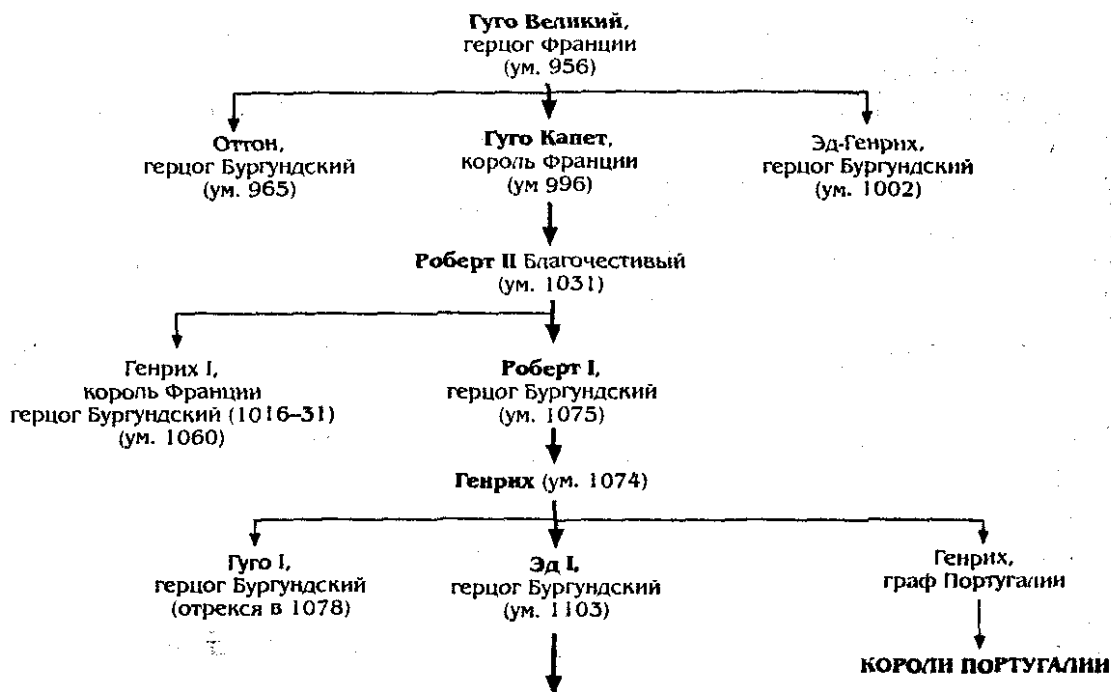
Иоанн III
(ум. 1341)

ГЕРЦОГИ БРЕТОНСКИЕ

ГРАФЫ БЛУА И ШАМПАНИ, КОРОЛИ НАВАРРЫ

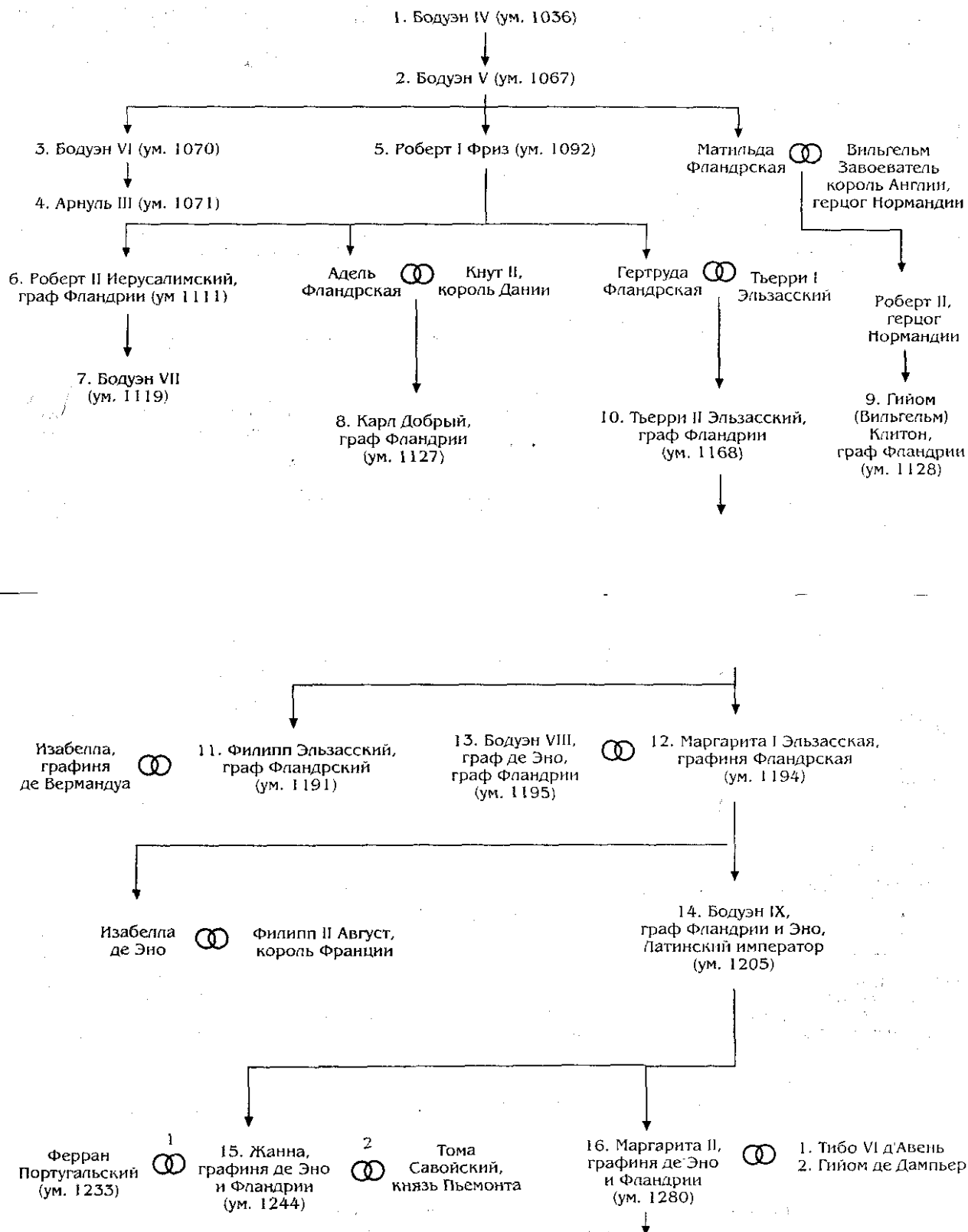

ГЕРЦОГИ БУРГУНДСКИЕ ИЗ РОДА КАПЕТИНГОВ

ГРАФЫ ФЛАНДРИИ

(цифрами обозначена последовательность владельцев графств)

17. Ги де Дампьер,
граф Фландрии
(ум. 1305)

18. Роберт Бетюнский,
граф Фландрии
(ум. 1322)

Людовик Фландрский

19. Людовик I,
граф Фландрии
(ум. 1346)

ГРАФЫ ФЛАНДРИИ

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	5
Предисловие	7
Глава I Как мы познаем эту историю	9
Глава II Суверены и их советники	27
Глава III Политическая основа: Династия	67
Глава IV Политическая основа: Король	83
Глава V Политическая основа: Суверен	105
Глава VI Территориальная основа: Капетингская патримония	127
Глава VII Территориальная основа: Крупные фьефы	145
Глава VIII Территориальная основа: Земли Анжуйского дома	177
Глава IX Территориальная основа: Второстепенные приобретения и продажи	199
Глава X Административная основа	215
Глава XI Социальные преобразования и успех Капетингов	251
Глава XII Интеллектуальные и моральные основы	271
Заключение	284
Библиография (сост. Карачинский А. Ю.)	289
Приложения (сост. Шишкин В. В.)	295